

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Москва
2021

Научное издание

Ближний Восток и современность
Сборник статей (выпуск пятьдесят пятый)
М., 2021, 324 стр.

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 978-5-89394-327-6

ISBN 978-5-89394-327-6

© Институт Ближнего Востока, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

А.Р. Аганин СИРИЯ: АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА ХАСАКЕ И АРАБО-КУРДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАЕВФРАТЬЕ НА НЫНЕШНЕМ ЭТАПЕ.....	5
С.В. Алейников О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СОМАЛИ	43
В. Ахмедов ИРАН И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ САР В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА.....	98
В. Ахмедов АРМИЯ И ПОЛИТИКА В ЕГИПТЕ.....	106
В.А. Исаев СИРИЙСКИЙ РАЗЛОМ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА)	115
В.И. Ковалев К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИТОГАХ 2020 ГОДА ДЛЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ.....	143
А.М. Наджаров СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ НА СИРИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	149
Ф.О. Плещунов МЕЧЕТИ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ТОЧКИ ВЛИЯНИЯ НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСЛАМСКИЕ ОБЩИНЫ СО СТОРОНЫ ЭКСТРЕМИСТОВ, ПРЕЗИДЕНТА ТУРЦИИ Р.Т. ЭРДОГАНА, КАТАРА И ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ.....	177
И.И. Стародубцев ТУРЦИЯ: НА ПУТИ К СТАТУСУ «РЕГИОНАЛЬНОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ»	201

Владимир (Зезв) Ханин ОБ ОТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ С КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ	208
Велвл Чернин ГОД ПЕРЕЛОМА. ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ОТНОШЕНИЯХ ЕВРЕЕВ И АРАБОВ В ИЗРАИЛЕ	244
Е.А. Якимова ОБЗОР ИЗРАИЛЬСКОЙ «КОРОНАВИРУСНОЙ ДИПЛОМАТИИ» ...	258
Е.А. Якимова МЮНХЕНСКИЙ КВАРТЕТ: ПОПЫТКИ КОНСОЛИДАЦИИ УСИЛИЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ПОСРЕДНИКОВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА	273

А.Р. Аганин

СИРИЯ: АРАБСКИЕ ПЛЕМЕНА ХАСАКЕ И АРАБО-КУРДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЗАЕВФРАТЬЕ НА НЫНЕШНЕМ ЭТАПЕ

Сирийская провинция (губернаторство) Хасаке – территория, на которой проживают многие этнические и конфессиональные группы: арабы-сунниты, арабы-христиане, курды-мусульмане, курды-езиды, ассирийцы, туркоманы, армяне, чеченцы и др. Это очень сложный поликомпонентный мир численностью чуть более 1,5 млн человек по состоянию на конец 2011 г.¹ С учетом миграций и перемещения сирийцев вследствие внутрисирийского конфликта, а также бесчинств экстремистов эта цифра должна была несколько измениться, но в целом демографические общинные расклады явно сохраняются.

Хасаке – один из трех главных районов курдского расселения в Сирии. Одновременно данная провинция – зона нахождения многих влиятельных арабских племен, которые обосновались в этих районах сравнительно давно и имеют свои исторические территории. Общеизвестно также, что социальная организация арабского населения в Хасаке носит ярко выраженный родоплеменной характер, что подчеркивается как российскими и арабскими экспертами, так и западниками:

«Доминирующей формой, через которую реализуется социальная идентичность и мобилизация среди арабов-суннитов в провинции Хасаке, является арабо-суннитский трайбализм»².

Трайбализм заметно усилился в годы гражданского конфликта. Одновременно внутри арабских племен и кланов их представители нередко оказывались по разные стороны баррикад. Кто-то ушел в оппозицию властям, кто-то остался лоялистом, кто-то выбрал «третий путь», присоединившись к курдским ополчениям. Однако речь, по сути, об одних и тех же племенах. Пришлого элемента было немного, чтобы создавать хоть какую-то критическую массу. Поэтому когда в новостях мелькают термины «проправительственные силы» (не путать с регулярными военными), «проасадовские милиции», «отряды вооруженной оппозиции» или «племенные ополчения», применительно к провинции Хасаке (как, собственно, и соседним Дейр-эз-Зору и Ракке) речь идет о представителях все того же родо-племенного сообщества с их родственными связями, вождями и всей системой обычаев и традиций. Как бы ни считалось, что в XXI веке это «уже не тот трайбализм», не та внутренняя спайка в кланах и далеко не прежняя власть шейхов и мухтаров. Не стоит недооценивать феномен трайбалистского мира, хотя и чрезмерно преувеличивать тоже, разумеется, не следует.

Основные арабские племена Хасаке

Адван (العدوان). Относительно небольшое племя, базирующееся в районе Рас-эль-Айн (курд. Serê Kanîyê). Из-за этого его для точности называют «Адван из Рас-эль-Айн», поскольку ветви проживают также в Ираке, Кувейте, Саудовской Аравии. Часть Адван с северо-востока Сирии проживает на турецкой территории, граничащей с Хасаке. Есть еще одноименные Адван в Хомсе, около Дамаска, на юге и на северо-западе (провинции Идлиб, Алеппо). Одни эксперты не считают их родственными, другие полагают, что в своей первооснове все они так или иначе относятся к средневековому племени Адван из Таифа в Хиджазе, части которого в ходе истории не только оказались в разных районах арабского мира, но и прибились к различным другим племенам и конфедерациям.

В Заевфратье Адван появилось порядка 350 лет назад, в середине XVII в. Свою территорию оно отвоевало у племен Шаммар и аль-Мавали.³ Часть племени проживает в районе Мосула в иракской провинции Найнава. Вплоть до второй половины XX в. Адван считалось частично кочевым, частично полукочевым. Сегодня серьезное кочевое хозяйство племени осталось в прошлом. Адван в губернаторстве Хасаке осели, построили деревни, занимаются сельским хозяйством, хотя не оставляют полукочевой выпас мелкого рогатого скота. По одним данным, племя в настоящее время насчитывает около 12 тыс. человек,⁴ по другим – 25–30 тыс. человек и состоит из пяти ветвей (أفخاذ).⁵ Предводители Адван – семейство аль-Хилью (الحو) из ветви аль-Халаф рода ар-Раши клана аш-Шахер ветви ан-Насерийин. Их «гнездо» – селение Аль-Джнейдия (الجنيدية) в десятке километров южнее Рас-эль-Айн. Нынешний главный шейх – Мухаммед аль-Хилью. Он был депутатом парламента Сирии, с 2011 года находился в оппозиции к Дамаску, возглавляя организацию «Парламентарии, отколовшиеся от режима Асада», представлял Совет сирийских племен и кланов (*Маджлис аль-Кабаиль ва аль-Ашаир ас-Сурия*) в Турции. В ноябре 2014 г. вернулся на родину по президентской амнистии и по согласованию с властями. Среди других вождей Адван – один из руководителей Партии национального развития (*Хизб ат-Танмия аль-Ватаний*) шейх Джаухар аль-Хилью, представитель Совета сирийских племен и кланов в Саудовской Аравии шейх Абдалла аль-Хилью. Шейх Абдель Раззак аль-Хилью входил в созданную сирийской оппозицией «Администрацию самоуправления» губернаторства Хасаке.

Альбу Шаабан (البو شعبان). Ветвь древнего племени Зубейд и одновременно фактическая конфедерация разных зубейдитов. Через такое происхождение родственно целому ряду других сирийских и иракских племен, например, Джиббур (الجبور), Дулейм (الدليم), Малый Зубейд (زبيد الاصغر),

Сабха (السبخه) и др. На территорию Сирии Альбу Шаабан пришли вместе с другими ветвями Зубейд в середине XV в. Их родоначальник по имени Шаабан похоронен в турецком Нусайбине. От его семи сыновей идут ветви этого племени. Сирийский автор А. Закария писал, что у кланов Альбу Шаабан нет единого предка, и между ними нет родства.⁶ Основная их часть находится в провинции Ракка. Однако, к примеру, семейства клана Афадля (العفادلة), которые являются частью Альбу Шаабан, проживают в провинции Хасаке. В частности, ар-Разйдат (الرعيدات) – в Камышлы, аль-Фарру (الفرّو) – в Хасаке и семейство ад-Дардуш (الدعدوش) – в Дарбасийе (الدرباسية). Также правительство САР предоставило земли в Хасаке ветви аль-Вульда из-за затопления некоторых их территорий при строительстве Евфратской плотины. В Хасаке этих аль-Вульда называют аль-Магмурин (المغمورين) от слова «гамр», что как раз указывает на затопление их земель (магмур – «затопленник», «утопленный»).

Главный шейх аль-Афадля – Башир аль-Фейсал аль-Хувейди аш-Шлаш был убит в Ракке 2 ноября 2018 года, одни обвиняют в этом боевиков [запрещенной в России] группировки «Исламское государство» (ИГ), тем более, что племя сильно от них пострадало, другие – оппозиционную структуру «Силы демократической Сирии» (СДС). Племя действительно натерпелось от ИГ. Для борьбы с его недобитыми ячейками, а также с разного рода иными вооруженными исламистами глава клана Альбу Хамад в составе Альбу Шаабан шейх Турки Альбу Хамад создал в 2013 году боевую дружину «Силы воинов племен» (قوات مقاتلي العشائر). Она в итоге выросла до 5-тысячной группировки.

Баккара (البقارة). Племя считает, что они – потомки пророка и являются сейидами.⁷ Имя свое выводят от имама Мухаммеда аль-Бакера, который был отцом имама Джаафара ас-Садека и дедом имама Мусы аль-Казыма (в честь него назван багдадский район Казымийя). Их ны-

нешняя численность оценивается в 700–800 тысяч человек.⁸ В провинции Хасаке находится лишь часть Баккара, остальные – в Дейр-эз-Зоре, Ракке, Алеппо и др. Крупный сегмент племени, базирующийся в провинции Дейр-эз-Зор, именуют Баккарат аз-Зор. Тех, кто живет в Хасаке, называют Баккарат аль-Джабаль по названию горной гряды Джабаль Абдель Азиз к югу от административного центра провинции. При этом местные Баккара находятся не только в зоне этой горы (к северу), но также в районах самого города Хасаке, в Рас-эль-Айн (رأس العين), Шаддади (الشدادية), Телль Тамр (تل تمر).

В ходе конфликта в Сирии части племени порой оказывались по разные стороны баррикад. В составе вооруженной оппозиции были сформированы, как минимум три «батальона» бойцов из Баккара – «Катибат Шухада Бадр», «Катибат Ахрар аль-Баккара», «Катибат Джунуд аль-Хакк». Совокупно в них воевало порядка 700 человек. На правительственной стороне находилось племенное ополчение Баккара – «Бригада аль-Бакир».

Главный шейх племени Навваф бен Рагеб аль-Башир (род. 1954, уроженец деревни Махимейда в провинции Дейр-эз-Зор) поддержал было вооруженную оппозицию, уехал из страны, но потом в январе 2017 г. вернулся и встал на сторону властей САР.

В Хасаке главный лидер тамошних Баккара – шейх Башир Мухаммед Мулля Али. Также на стороне Дамаска стоит шейх клана аль-Клейзат (الكليزات) Мухаммед Саид аль-Хамдан аль-Асаад, чей клан в Хасаке разделен между Умм Мидфаа (ام مدفع) и Шаддади.

Джиббур/Джибур (الجَبُّور) – крупное племя, проживающее в среднем течении реки Хабур. Считает себя выходцами из древнего кахтанитского племени Зубейд и через это видит себя родственным племенам Афадля, Дулейм (الدَّالِيم), современному Зубейд и Альбу Шаабан. Первой зоной закрепления Джиббур в нынешней Сирии стали берега Хабура в зоне между Хасаке и Бусейрой (البصيرة) и

ниже по течению Евфрата до горы аль-Араси и Альбу Камалья. Пришедшее в самом конце XVII в. на берега Евфрата племя Окейдат⁹ оттеснило Джиббур в среднее течение Хабур, а затем племя Шаммар загнало его еще дальше.

Ныне территория племени граничит с племенами Окейдат, Баккара и Тай. Она начинается южнее Хасаке и идет к югу по течению Хабур, через Шаддади (الشدادية) до ас-Сура (الصورة)¹⁰. К северу и востоку от Хасаке – она идет от Умм Джарджана (أم جرجان) через гору Каукаб (جبل الكوكب) до Телль Барака (تل براك) и района между Телль Хамди (تل حمدي) и Телль Барри (تل بري). Еще одна зона – от Телль Барри практически до города Камышлы. Среди их населенных пунктов, помимо города Хасаке, в котором вожди племени являются почти полными хозяевами, и городов Камышлы, Шаддади и Телль Барак есть более десятка деревень вдоль реки Хабур.

Верховные шейхи в Сирии (гораздо большая часть племени находится в Ираке) – семейство Аль Мислет аль-Мильхем из клана аль-Хаякиль (الهيكل). Их патриарху шейху Мислету османский султан Абдель Гамид II еще в XIX веке даровал титул паши. В настоящее время племя возглавляет его внук – Навваф бен Абдель Азиз бен Мислет (аль-Мислет) аль-Мильхем. Его племянник Абдель Азиз бен Даххам бен Абдель Азиз аль-Мислет аль-Мильхем (род. 1974 в Хасаке) – политический деятель, оппозиционер, глава Сирийской демократической партии подъема («Нахда») и Фронта спасения Сирии, находился под арестом в 2014–2017 гг. Позднее отношения шейхской семьи и в целом племени с властями выправились.

У каждого клана Джиббур свой вождь. У Альбу Хаттаб (البوخطاب) – Мухаммед Хаснауи аль-Джадуа бен Абу аль-Мейх Аль Хаттаб (محمد حسناوي الجدوع ابن ابو الميخ); у аль-Хассун (الחסون) – Халед Сатам Халиль аль-Атыйя (الشيخ خالد سطم خليل العطية) и т.п.

В 2012 г. в Шаддади в составе племени была создана оппозиционная вооруженная группировка «Лива аль-

Хакк» (لواء الحق). Помимо Джиббур в ней участвовали и даже ее возглавляли представители семейства аль-Джауани аль-Хашеми (сейиды – потомки пророка), в частности Мухаммед Ахмед аль-Джауани – сын шейха Ахмеда Хмуда аль-Джауани аль-Хашеми. Также на базе отдельных представителей Джиббур и племени Шарабийин возникла группировка «Лива Шухада Гувейран» (لواء شهداء غويران), изначально базировавшаяся в районе Гувейран города Хасаке.

В настоящее время Джиббур в своей массе стоит на стороне Дамаска, некоторое число его членов вошло в СДС.

Зубейд (زبيد), оно же Малый Зубейд, носит имя древнего арабского племени, происходит из него, как и многие племена Сирии и Ирака. В Хасаке их территория – округ Аль-Джавадийя (الجوادية) в районе Аль-Маликийя¹¹. В начале сирийской гражданской войны большая часть тамошних Зубейд выступила против правительства. В Аль-Джавадийе был сформирован батальон «Катибат Амр бен Маад бен Якраб аз-Зубейди» (كتيبة عمرو بن معد يكرب الزبيدي). Члены племени также присоединились к батальону «Катибат Шухада аз-Захирийя» (كتيبة شهداء الظاهرية)¹², который создали в Камышлы.

К Зубейд относится племя аль-Джхейш (Джухейш) (الجحيش), которое проживает в Ираке и Сирии, а в Хасаке представлено тремя родами: Аль Слейби (ال صليبي), Бейт аль-Варди (بيت ال وردى) и ар-Раззак (الرزاق). Их общий шейх Сауд Абдель Хамид ас-Слейби – один из ведущих сторонников правительства в Хасаке.

Мухаллямия (المُحَلَّمِيَّة). Арабы, хотя исторически разговаривают как на арабском языке, так и на курдском. Их имя идет от человека по имени Мухаллям бен Зухль аш-Шейбани из древнего племени Бану Шейбан из группы Бакр бен Ваиль (как и племя Аназа). Выходец из Мухаллямия Каддур-паша был каймакамом в Нусайбине, после

чего переехал на место нынешнего города Камышлы. Имел там обширные владения, в связи с чем очень многие Мухаллямия переместились из турецкого Мардина в Камышлы и соседние районы. Среди их деревень к востоку и югу от Камышлы находятся Буэйр (البوير), Мджейринат (مجيرينات), Сухейль (السحيل), Телль Газаль (تل غزال), Хазна аль-Джадида (خزنة الجديدة), Хазна Кабира, Хазна Сагыра, Хувейтля (خويتله), Шармух (شرموخ). К западу от Камышлы – Джагер Базар (جاغر بازار), Мабрука (مبروكة), Руджм Калаш (رجم كلش), Узумлер (اوزوم لر), Хаджоки (خجوكي), Хирбет Аназ (خربة عنز), Хирбет Баджар (خربة باجار), Хирбет Газаль (خربة غزال). В округе Телль Хамис расположены Марджан (مرجان), Хирбер Нура (خربة نورا), Хирбет Халиль (خربة خليل), Шур Асбах (شور اصبح) и др.

Верховный шейх Рифат Сабри Али (رفعت صبري علي) (1948–2017) имел резиденцию в Камышлы. После его смерти лидерство перешло к старшему сыну Кейсу бен Рифату Сабри. Другие шейхи племени – семейство аль-Гида (الغيدا). Базируются в селении Хазна.¹³

Окейдат (Акейдат) (العقيادات). Тоже производное древнего йеменского племени Зубейд. Сформировалось как отдельная единица в регионе Хаиль в Северном Неджде и получило свое название из-за селения Окда. Ныне – крупнейшее и наиболее, пожалуй, влиятельное племя Заевфратья с наибольшим присутствием в провинции Дейр-эз-Зор, но также в Хасаке, Ракке, Алеппо. Весомо присутствует в Ираке.¹⁴

Его численность в Сирии насчитывает, по разным оценкам, от полутора до двух миллионов человек.¹⁵ В ходе гражданской войны в Сирии в силу своей многочисленности представители племени оказывались как в лагере оппозиции, так и правительства. Обозреватели считают, что первых было значительно больше. Так, клан Альбу Хабур весомо участвовал в антиправительственном движении в Дейр-эз-Зоре почти с самого начала протестной волны в 2011 г. В рамках Окейдат в начале 2012 г.

была сформирована бригада «Лива Джаафар ат-Тайяр» (لواء جعفر الطيار)¹⁶, которая воевала против сил правительства, провозгласив свою принадлежность к т.н. Свободной сирийской армии. В ноябре-декабре 2012 г. она сыграла ключевую роль во взятии города Маядин. На стороне вооруженных милиций вел агитационную работу, в том числе непосредственно на местах в провинции Дейр-эз-Зор, проповедник Абдель Тавваб Али Раудан (формально проживает в Кувейте) из клана Шуэйтат (الشعيطات).

В феврале 2012 г. в рамках Шуэйтат (в провинции Дейр-эз-Зор) было сформировано подразделение «Катибат Суввар аш-Шуэйтат» (كتيبة ثوار الشعيطات), которое вошло в более крупную «Катибат Хамза» (كتيبة الحمزة), а затем перешло под крыло бригады «Джаафар ат-Тайяр». На том этапе некоторые члены Шуэйтат энергично воевали с правительственными войсками и смогли выдвинуть их из своих районов. Однако в июле 2014 г., когда у клана разошлись интересы уже с ИГ, радикалы устроили бойню, известную как «резня Шуэйтат», в ходе которой было убито, по разным данным, от 700 до тысячи представителей клана.¹⁷

Ас-Сада (السادة). Означает «сейиды», то есть потомки пророка. Это конгломерат кланов и семейств, чья родословная ведется от пророка Мухаммеда (помимо этого от пророка ведут свою линию и некоторые довольно крупные племена, такие как Баккара и Нуэйм). Эти кланы проживают как в городах, так и на селе. Среди наиболее известных – Альбу Салем (البوسالم /السادة البوسالمة), аль-Маамра (المعامرة), аль-Машахда (المشاهدة), аль-Хайялин (الحياليين). Отдельно стоит упомянуть семейство Аль аш-шейх Намис (آل الشيخ نامس), чей «основатель» шейх Сауд бен аш-шейх Али по прозвищу «Намис»¹⁸ переселился на берега р.Хабур из иракского села Аль-Манкуба (в нынешнем округе Аш-Шергат в провинции Салах-эд-Дин) и обосновался у племени Джиббур.

Тай (طيء) – одно из старейших племен в Междуречье, как в сирийской, так и иракской части. А.Закария назвал его вторым по значимости, влиянию и древности происхождения в Заевфратье.¹⁹ Нынешнее Тай – продолжатель старинного племени с таким же именем (еще известно как Бану Тай бен Удад бен Зейд), которое к нашим временам разветвилось на огромное количество племен и кланов. Так, родственниками сирийских Тай с точки зрения единого «корня» являются племена Шаммар и Мавали.

Считается, что приход изначального Тай в Сирию случился еще задолго до возникновения ислама, примерно во II веке н.э. При этом племя, которое сегодня проживает в северо-восточных сирийских районах и продолжает носить имя Тай, по мнению исследователей, переселилось из района Джебель Шаммар в Недже в XVIII веке.²⁰

Тай проживают вокруг города Камышлы, считая и сам город частью своей племенной территории. Присутствуют в зоне южнее Вади ар-Радд (وادي الردد) в округе Аль-Маликийя, помимо этого их земли уходят в соседний Ирак, достигая Мосула.

Примыкающее к Тай (можно сказать, входящее в альянс Тай) небольшое племя **Бени Сабаа** базируется в основном к югу от г. Камышлы, их центральная усадьба – деревня Фарфара (فرفرة) в 30 км южнее города. Часть Бени Сабаа находится на территории иракской провинции Мосул. Шейхи – из семейства аль-Ганнам (الغنام). Один из их вождей Фейсал аль-Ганнам поначалу примкнул было к т.н. Сирийской свободной армии, а затем даже присягал ИГ.²¹

Помимо Бени Сабаа в трайбалистский альянс вокруг Тай входит ряд других небольших племен/кланов: **Альбу Асы** (البوعاصي), **аль-Ассаф** (العساف), **аль-Ганнама** (الغنامة), **аль-Джававалья** (الجوالاة), **ар-Рашед** (الراشد), **аль-Хрейс** (الحريث), **аль-Яссар** (اليسار). Плюс отдельные кланы аль-Баккара и аль-Маамра (المعامرة). Под «опекой» Тай находились курдские племена Альян (آليان) и Читийя (التشيتية).

На ранних этапах сирийского гражданского противостояния немалая часть Тай увлеклась антиправительственными лозунгами, хотя основная масса все же осталась на стороне властей. Именно бойцами из Тай было во многом укомплектовано иррегулярное проправительственное формирование «Армия национальной обороны» (он же «Национальная оборона/ ад-Дифаа аль-Ватаний»). При этом в составе формально оппозиционной, но при этом протурецкой Сирийской национальной армии, воюющей в основном с курдскими группировками, действует батальон «Катибат Ахрар аль-Камышлы» (*كتيبة احرار القامشلي*) во главе с неким Абу Бассамом ат-Таи.

Племя **Шаммар** (شمر) в Сирии – всего лишь сегмент огромной массы Шаммар в Неджде, в малых монархиях Персидского залива и в Ираке. На севере Междуречья оно появилось в середине XVII в. До развала Османской империи нынешние сирийские и иракские Шаммар составляли единый мощный «кулак», оставаясь преимущественно кочевыми. С появлением государственных границ территория племени была разрезана (две трети остались в Ираке, одна треть – в Сирии²²), и его мощь оказалась таким образом подорвана. В провинции Хасаке оно сегодня базируется двумя группами. Первая – ветвь аль-Хараса (الخرصة) проживает преимущественно в округе Яарубийя (اليعربية) района аль-Маликийя и к югу от Вади ар-Радд (وادي الرد), прежде всего в зоне Телль Улю (علو تل). Ее возглавляет шейх Хмейди бен Даххам аль-Джарба (حميدي دهام الهادي الجربا). Вторая группа – ветвь Шаммар Синджара (شمر السنجارية), которая находится к западу от рек Хабур и Джагджаг. Предводитель – шейх Машааль Бнейян Абдель Карим аль-Джарба (الشيخ مشعل بنيان عبد الكريم الجربا).

Османский султан Абдель Гамид II еще в XIX веке даровал верховному шейху Шаммар Фархану аль-Джарба титул паши. Его правнук – Даххам бен аль-Хади бен аль-Асы аль-Джарба (род. в конце XIX в., ум. 1976) уже был шейхом племени в начале французского правления и со-

противлялся разделу территории племени между двумя странами – Сирией и Ираком. В итоге ему пришлось согласиться, и иракскую часть Шаммар возглавил Аджейль аль-Яур аль-Джарба, чей внук Гази был во главе Ирака во время работы переходного правительства в 2003–2004 гг.

В Хасаке также имеется некоторая часть ветви Шаммар Абдо – клан Хаватна (الخواتنة). Их здесь три рода – Альбу Аталла (البوعطالله), Альбу Шехаба (البوشهاب) и Альбу Насер (البوناصر). До начала сирийской гражданской войны его представители проживали в округах Амода (عامودا) и Аль-Холь (الهول), в городе Камышлы, в Телль Хамис, Телль аз-Забиб и в Ад-Дарбасийе. С укреплением курдского влияния кланы Хаватна в округе Аль-Холь были практически полностью выдвинуты со своих мест, но затем начали постепенно возвращаться.

Шейх Шаммар аль-Хараса Хмейди бен Даххам аль-Хади аль-Джарба сформировал из соплеменников вооруженное формирование «Силы ас-Санадид» (قوات الصناديد), которое примыкает к СДС, но при этом сохраняет неплохие отношения с центральными властями САР. Командует ими его сын Бандар бен Хмейди аль-Джарба. В то же время его дядя Ахмед бен Овейнан аль-Асы аль-Джарба – известный оппозиционер, возглавлявший в 2013–2014 гг. зонтичную оппозиционную организацию – Национальную коалицию сил сирийской революции и оппозиции. Он же создал в 2016 г. и возглавляет вооруженную группировку «Элитные силы» («Кувват ан-Нухба» / قوات النخبة), которые вошли в состав СДС на этапе битвы за Ракку, но потом вернулись к самостоятельности вследствие разногласий.²³

При этом другой ключевой шейх Машааль Бнейян аль-Джарба – твердый сторонник официальной власти Сирии и довольно энергично выступает против СДС.²⁴

Племя **Шарабийин/Шарабийюн** (الشرايين) – наиболее географически распространенное в провинции Хасаке и весьма разветвленное с точки зрения кланов. Оно присутствует во всех четырех районах губернаторства. В Ка-

мышлы – в округах Телль Хамис (تل حميس) и Телль Тамр (تل تمر). В Хасаке (квартал Гувейран), Рас аль-Айн, Дарбасийя и Аль-Маликийя – округа Аль-Маликийя/Дерик (ديرية) и Румейлан (رميلان). Телль Тамр, Джебель Абдель Азиз (جبل عبد العزيز).

Кланы: Альбу Мухаммед (البومحمد), Альбу Омар (البو عمر), Альбузо (البوزو), аль-Джаради (الجرادي), ат-Тахат (الطاهات), ат-Тфейх (الطفيح), аль-Хазкауи (الحركاوي) и др. Подавляющая часть племени поддерживает правительство Сирии. В 2013–2014 гг. Шарабийин вели бои с курдскими отрядами в районе нефтяных полей Румейлана, в Телль Тамр и Телль Хамис.

Предыстория курдской темы на северо-востоке Сирии

Провинция Хасаке – еще и зона расселения сирийских курдов. Поскольку границу между Сирией и Турцией фактически определили французские колонизаторы, значительная часть курдских кланов оказалась на территории подмандатной Сирии, а их родственники – в новой Турции Мустафы Кемалю Ататюрку.²⁵ Уже при французах начали обостряться межэтнические противоречия, что, собственно, логично вписывалось в политику европейских колониальных властей.

После обретения Сирией независимости произошли три события, которые в немалой степени предопределили текущий характер арабо-курдских отношений на северо-востоке САР:

а) перепись населения в провинции Джазира (северо-восток САР) в октябре 1962 г., по результатам которой от 120 тыс. до 150 тыс. сирийских курдов (20% от курдского населения страны) были признаны пришлыми (из Турции²⁶) и лишены гражданства;²⁷

б) переселение в 1973 г. правительством в провинцию Хасаке арабских кланов, чьи земли в провинциях Алеппо и Ракка попали под затопление в результате

строительства Евфратской плотины; экспроприация в пользу государства 462 200 га земель в Хасаке к 1970 году и создание т.н. «арабского пояса» – полосы, населенной сугубо арабами, вдоль границы провинции Хасаке с Турцией и Ираком длиной 375 км и шириной в 10–15 км²⁸. Было создано около 40 арабских деревень, а около 300 курдских деревень либо ликвидировали, либо отрезали от бытовых коммуникаций.

в) в 1957–1978 гг. было осуществлено переименование населенных пунктов с курдским или преимущественно курдским населением. Оно охватило порядка 500 городов и деревень. Так, например, Ефрин стал Африн, Кобани – Айн аль-Араб, Дерек Хамко – Аль-Маликийя в честь Аднана аль-Малики, одного из создателей сирийской армии, деревня Джульдара – Шаджара, и т.п.²⁹

Все это внесло значительное напряжение в арабо-курдские отношения непосредственно на местах.

Примечательно, что в ходе гражданского конфликта в САР арабские племена в Хасаке в своей массе остались на стороне Дамаска. Разумеется, и в них были сомнения, и оппозицию их отдельные представители тоже было поддерживали, особенно на первом этапе гражданского противостояния, полном «революционного энтузиазма», когда уверенности в выживаемости официальной власти было не так много. К тому же было необходимо «прикрывать» свои кланы от охватившей многие районы радикальной оппозиционной волны. Так, уже позднее эксперты, к примеру, оценили позицию шейха племени Адван Мухаммеда аль-Хилью:

«Можно сказать, что он в начале «революции» помог заходу оппозиционных отрядов в город Рас-эль-Айн не ради содействия им, сколько в целях защиты интересов своего племени и уменьшения потерь, которые произошли бы от вовлечения его соплеменников в вооруженную борьбу, способную обернуться десятками смертей».³⁰ «...И с этих позиций доминирующая лояльность племени самому себе – главный мотиватор, чтобы быть лояльным

тому, кто контролирует их земли, взамен праву оставаться на них. Причина тому – жестокая коллективная память, которая корежит «красные линии» племени, если речь идет о том, что придется покинуть свои места. Это представляет собой непомерную цену.»³¹ Отсюда – вся эта конъюнктурная лояльность, которую не следует путать с настоящей.

С укреплением позиций правительства после начала российского военного содействия Сирии степень лояльности племен Дамаску заметно выросла. Сильным фактором в пользу этого стала вооруженная деятельность курдских формирований, на которых к тому же сделали ставку США и их союзники по т.н. Международной антииригловской коалиции.

Арабы и курды имеют разные цели в сирийской гражданской «заварухе». Первые исходят из того, что Сирия – их страна и государство, оно принадлежит им, хотя меньшинства должны иметь равные права и свободы. При условии, что они не покушаются на арабизм и централизованность страны. Курды нацелены на автономию по модели Иракского Курдистана, но могут поднять ставки до создания полусуверенного образования, которое было бы частью Сирии на правах члена конфедерации. Запрос на такие цели подкрепляется силой оружия и самоорганизации курдской общины, которая, несомненно, более сплочена, чем арабская часть населения. И еще, как уже упоминалось, курдский проект в Сирии получает мощную поддержку со стороны Вашингтона. Без нее, очевидным образом, «замах» лидеров сирийских курдов был бы явно скромнее.

Курдское национальное движение в Сирии было изначально существенно ограничено в возможностях из-за отсутствия сугубо курдской зоны расселения, как, например, в Ираке и Иране. Перемешанность населения в целом характерна как для провинции Хасаке, так и для Алеппо. Некоторая демократизация внутренней жизни с приходом к власти Б. Асада и успехи курдов в Ираке на ниве самостоятельности после свержения С. Хусейна по-

служили «спусковым крючком» для вынесения курдами, которых в САР около 1,5–2 млн (9–10% населения)³², своей «проблемы» в публичное пространство. В марте 2004 г. в Камышлы произошли столкновения с арабами, спровоцированные стычкой между футбольными болельщиками. Беспорядки переросли в серьезное противостояние, было сожжено отделение партии Баас и снесен памятник Хафезу Асаду, волнения перекинулись на ряд других населенных пунктов. Однако власти ввели армию и довольно жестко прекратили действия недовольных. Результат – десятки погибших, сотни раненых, многие курды бежали к соплеменникам в Ирак.³³

Уже тогда представители арабских племен отметились помощью правительству в подавлении курдского движения. В городе Хасаке были сожжены не менее 100 принадлежащих курдам магазинов и приблизительно столько же автомашин.³⁴ Поэтому с началом «сирийской весны» в 2011 г. курдские общины на северо-востоке САР поначалу старались «держать низкий профиль», поскольку, как представляется, ожидали, что могут попасть под пресс не столько Дамаска, сколько именно местных арабских племен, займи они ту или иную сторону. Вместе с тем общественно-политические организации сирийских курдов уже разворачивали борьбу за курдские права, безотносительно того, придется ли им иметь дело с официальными властями или с оппозицией. Требования были характерные – предоставление равных прав с арабами, включая использование языка, восстановление гражданства «негражданам»³⁵ (которых, по оценкам, было около 300 тыс. человек), отмена депортаций и массовых переселений.

Политические организации сирийских курдов по большей части появились со времени т.н. «Дамасской весны» в 2000 г., хотя есть и более старые. Через девять лет эксперты насчитывали таковых 12, объединенных в два зонтичных блока и независимых.

Курдский демократический альянс: Партия демократический союз (Yakiti)³⁶, Курдская прогрессивно-демокра-

тическая партия, Сирийская курдская партия (коммунисты), Курдская демократическая партия Сирии (исторический лидер – Дахам Миро).

Курдский демократический фронт: Курдская демократическая партия Сирии и Курдская прогрессивно-демократическая партия (две эти партии входят в оба блока), Национальная курдская демократическая партия, Партия Азади.

Независимые: Сирийская курдская демократическая партия, Курдская партия Сирии, Курдское движение согласия, Курдское течение за будущее.³⁷

С лета 2012 г. территории, где проживают сирийские курды, начал брать под контроль т.н. Высший курдский совет (или комитет) (Desteya Bilind a Kurd), который стал совместным творением двух ведущих на тот момент политических организаций курдов – Партии демократический союз (Yakiti) и Курдского национального совета. Несмотря на их соперничество, 12 июля 2012 г. в Эрбиле (Курдский автономный район Ирака) при содействии Масуда Барзани они подписали соглашение о суверенитете Рожавы (так курды называют Сирийский Курдистан) под управлением Высшего курдского совета (ВКС).³⁸

Однако главное во всем этом – не политические декларации, а то, что ВКС оперативно сформировал свои вооруженные отряды – «Отряды народной самообороны» (ОНС, также известны по своей курдской аббревиатуре YPG). По факту, силы эти уже существовали³⁹ в качестве филиала боевого крыла Партии демократического союза (ПДС, курдская аббревиатура PYD), которая, по сути, является сирийским филиалом Рабочей партии Курдистана/РПК.⁴⁰ В 2012 г. ОНС просто легализовали и усилили.

21 июля 2012 г. начались столкновения между ОНС и правительственными военными в Камышлы вследствие «попытки освободить город от сил тиранического режима».⁴¹ Днями ранее, 18 июля, курдские отряды перешли к захвату контроля над городами Африн, Айн-эль-Араб (курд. Кобани), Амуда (курд. Джире Шермола) и Дарба-

сийя (курд. Дирбесие), которые они считают своими. Сирийская армия отдавала населенные пункты курдам без боя. Был сдан даже Рас-эль-Айн (курд. Сере Кание). Помимо Камышлы столкновения с правительственными силами произошли еще в городе аль-Маликийя (курд. Дерик). Параллельно со стороны ОНС был послан сигнал т.н. Свободной сирийской армии (вооруженное крыло сирийской оппозиции) о том, чтобы она тоже не пыталась войти в «курдские населенные пункты», чтобы «не создавать трений с властями Сирии». ⁴² Вместе с тем по мировым СМИ пошло, что «курды берут под контроль северо-восток Сирии» и «триумфально одолевают режим Асада». ⁴³

В ноябре 2012 г. с ОНС вели боевые действия т.н. Народные комитеты (اللجان الشعبية), отделение которых в Камышлы возглавлял шейх племени Тай Мухаммед аль-Фарес (ат-Таи). Позднее комитеты были переименованы/ преобразованы в Армию национальной обороны (Джейш ад-Дифаа аль-Ватаний/ جيش الدفاع الوطني), которая в условиях провинции Хасаке в основном опирается на племена Тай и Джиббур.

Начиная с ноября 2012 г. ОНС вступили в боевые действия и против вооруженной сирийской оппозиции, в основном против исламистских и джихадистских «бригад» (хотя не только), которые в своей массе не признали курдского самоуправления. Как бы то ни было, воюя против своих оппонентов, ПДС по факту осталась единственной курдской политической организацией в САР с собственным боевым крылом, которое все время только укреплялось. При этом надо отметить, что исламистские отряды в провинциях Дейр-эз-Зор и Ракка, которые пытались переносить боевые действия в курдские районы, опять-таки были во многом сформированы из представителей местных племен. ⁴⁴

В январе 2013 г. племенные ополчения Баккара (البقارة/البقارة) и некоторых других племен, объединенные в созданный незадолго до этого, 24 декабря 2012 г., Фронт освобождения Джазиры и Евфрата (جبهة تحرير الجزيرة والفرات) под

началом шейха Баккара Наввафа Рагеба аль-Башира, атаковали курдские силы в Рас-эль-Айне (северо-запад провинции Хасаке, на границе с Турцией), при поддержке Турции. При этом шейх, выступавший на тот момент как один командиров т.н. Свободной сирийской армии, фактически обвинил ОНС (YPG) в том, что они воюют с оппозицией, но не воюют с правительственными войсками.⁴⁵

В феврале 2014 г. почти вся территория Евфратской Джазиры (Заевфратье), за исключением ряда районов в провинции Хасаке, была захвачена ИГ.

В мае 2014 г. на территории провинции Хасаке начались бои между наступавшими боевиками ИГ, с одной стороны, и ОНС (плюс их женское подразделение – «Отряды женской самообороны», курдская аббревиатура YPJ) и правительственными военными (зачастую действовали без координации с курдами), с другой. Сторонники ИГ действовали жестоко, многих гражданских курдов убивали, особенно езидов. 29 мая 2014 г. произошла резня в курдской езидской деревне Ат-Талилийя (провинция Хасаке), причем многие убитые оказались арабами-суннитами, бежавшими из районов Алеппо. Казус объясняется тем, что пришедшие в деревню боевики попросту не знали арабского языка, считая, что все ее жители – курды-езиды.⁴⁶

Бои между ИГ, курдами и правительственными силами на территории провинции Хасаке продолжились и в 2015 году. Но появился еще один фактор, пусть и не непосредственно в Хасаке – 22 сентября 2014 года США при поддержке авиации из Иордании, ОАЭ, Саудовской Аравии и Бахрейна начали бомбовые удары по объектам ИГ в Сирии. С 13 сентября 2014 г. по 26 января 2015 г. состоялась битва за Кобани, в которой воевавшие с ИГ курдские отряды ОНС и ОЖС получили дополнительные арсеналы оружия, прошли серьезную боевую обкатку, наладили координацию с т.н. Международной коалицией и отрядами пешмерги из Ирака, которую тоже спешно перебросили под Кобани.⁴⁷

В декабре 2014 г. власти САР создали в провинции Хасаке отряд «Аль-Магавир» (т.е. специальные силы) из представителей местных племен. Считается, что это было одним из итогов поездки 24 шейхов племен северо-востока Сирии в Дамаск. «Аль-Магавир» получали более специализированную и серьезную подготовку (в том числе якобы от иранцев и ливанской «Хизбаллы»⁴⁸), чем уже существовавшая на тот момент Армия национальной обороны (АНО), и должны были стать своего рода «наконечником копья» для последних. В январе 2015 г. «Аль-Магавир» начали укреплять свое присутствие на земле, что обычно делается в первую очередь через установку новых или взятие под контроль старых КПП. Результат – серьезные столкновения с курдскими милициями, против которых авиацией регулярной сирийской армии были даже применены бомбы. Взаимная «нелюбовь» между ОНС и АНО начала нарастать. Следующий виток усобицы случился во второй половине августа 2016 г. Несомненно, ОНС лучше вооружено и подготовлено, однако на стороне АНО находятся регулярные силовики, пускающие в ход как ВВС, так и артиллерию.⁴⁹

12 октября 2015 г. фактически по инициативе США были сформированы т.н. «Силы демократической Сирии» (СДС) (قوات سوريا الديمقراطية) – объединение курдских формирований и присоединившихся к ним некоторых ополчений, состоящих из арабских бойцов. Это важный этапный момент. Курды, полностью доминирующие в СДС, получили в свои руки международно признанную, нерадикальную и формально «смешанную» структуру, которой Запад фактически выдал карт-бланш на управление территориями, неподконтрольными Дамаску к востоку от Алеппо. Курдский исследователь Шореш Абы довольно прямолинейно написал по этому поводу: «Альянс СДС, объединив представителей разных конфессий и народов в борьбе против терроризма, заложил основу будущей армии Сирии».⁵⁰

При этом где-то до осени 2016 г. отряды СДС фокусировались преимущественно на ожесточенных боевых

действиях против ИГ. В ноябре 2016 г. было объявлено о начале операции по освобождению Ракки – «столицы» псевдохалифата, провозглашенного ИГ. В ней участвовало много арабских отрядов, включая племенные ополчения такие как, например, племена Шуэйтат.

С разгромом «халифата» СДС масштабных действий практически не вел и занимался зачисткой местности от боевиков ИГ. В 2018–2021 гг. операции СДС в отношении перешедших к партизанской тактике исламских радикалов носили характер локальных стычек и уничтожения небольших групп при их обнаружении. Собственно на этом этапе тема арабского населения северо-востока Сирии, существующего по факту в формате родо-племенного сообщества, и вышла на передний план в арабо-курдских отношениях.

Арабо-курдские отношения на нынешнем этапе

Выход вооруженных сирийских курдов за пределы собственных районов (в т.ч. в смешанных населенных пунктах) привел к тому, что значительные арабские племенные территории оказались под их контролем и управлением. То, что до 25% бойцов СДС происходят не из курдов, не должно вводить в заблуждение. Это знают даже прокурдские информационные ресурсы⁵¹ и американцы:

«Двигаясь на юг в зоне севернее Ракки, СДС получили дополнительную поддержку от антиигиловских кланов. Эти дополнительные силы объединились с СДС не из-за принципиальной близости, а потому что СДС был единственным получателем американского оружия. Если арабские группы хотят получать вооружение, они должны присоединиться к СДС».⁵²

«Участие христианской милиции, известной как Суторо, анекдотично и используется для целей внешней пропаганды, поскольку половина христианского населения

провинции Хасаке – 10 процентов всех жителей [провинции] в 2011 году – с того момента уже убежало»⁵³.

Здесь, думается, следует особо отметить, что у арабских племен нет абсолютно твердой и стабильной лояльности кому бы то ни было. Кто сегодня власть или имеет силу – тому и предпочтение. Фронда допустима и возможна, но только если это не угрожает коренным интересам племени и его физическому существованию.

«Большинство арабского суннитского родо-племенного населения с трудом сосуществует с такими группировками, как «Джебхат ан-Нусра», которая имеет сильное присутствие в регионе [Джазиры]. Шейх крупнейшей племенной конфедерации в этой зоне заявил, что без международной помощи сирийские племена будут делать все, что необходимо для защиты своего имущества, в том числе работать с военизированными салафитскими группами и даже Ираном»⁵⁴.

«Племена выживают, склоняясь к тому, кто ими правит: в районах, контролируемых режимом, – к режиму, в районах СДС – к СДС, а те, кто сбежал в Турцию, – к Турции. Другими словами, они [племена] – механизм коллективного выживания».⁵⁵

«С течением времени среди арабских групп имело место значительное количество перебеганий от стороны к стороне, когда вооруженные бойцы проходили через различные проправительственные или повстанческие милиции в поисках более сильного союзника, более надежных военных условий или лучшей оплаты».⁵⁶

* * *

Американская поддержка СДС и, соответственно, плохое или сдержанно-настороженное отношение США к тем, кто не выступает вместе с СДС, многое определяют в линии арабских племен и кланов. При том, что т.н. Коалиция – это далеко не единственный актор на северо-востоке Сирии.

В силу вышеуказанного фактора представители племен не стали возражать против организации разного рода

структур местного самоуправления (Автономная администрация Северо-Восточной Сирии, Гражданский совет Дейр-эз-Зора и др.). Однако собственной военной силы у них нет, вся силовая составляющая – у ОНС, ОЖС, а также органов внутренней безопасности «Асаиш»⁵⁷. Первых насчитывается порядка 60 тыс. бойцов, «Асаиш» – 30 тысяч.⁵⁸

Проблема СДС и их силовых структур с арабскими племенами Хасаке и соседних провинций Ракка и Дейр-эз-Зор в первую очередь состоит в том, что определенное количество представителей этих племен в той или иной степени сотрудничали с ИГ. Входили в состав или помогали. Курды определили таких личностей, взяв многих из них в плен. Те, кто не был пленен, постарались раствориться среди соплеменников, в том числе бежавших от ИГ в другие районы. В этой связи СДС проводили фильтрацию возвращающихся беженцев, задержания родственников уже известных членов ИГ, нередко блокируя возвращение людей в свои дома до полной проверки.⁵⁹

В итоге лидеры СДС начали договариваться с шейхами племен, передавая им их соплеменников из числа арестованных сторонников ИГ, которые отбыли свой тюремный срок или не совершили преступлений. «Выпуская арестантов из ИГ, в СДС руководствовались желанием наладить хорошие отношения с арабскими племенами, но также и получением денег, которые обычно платятся за освобождение заключенных. (...) В ответ Совет шейхов арабских племен должен гарантировать, что каждый конкретный бывший арестант вновь не присоединится к ИГ или не будет угрожать СДС»⁶⁰.

Среди мер против бывших и скрытых соронников ИГ (и не только) также применялись сносы арабских домов в населенных пунктах, где до этого шли ожесточенные бои с ИГ или радикальной сирийской оппозицией⁶¹ и где курды понесли потери. В октябре 2015 г. американская НПО «Эмнести интернешнл» в своем докладе по итогам полевой миссии в провинцию Хасаке летом 2015 г. сооб-

щила о разрушении ОНС и «Асаиш» очень многих домов в городке Телль Хамис и деревне Аль-Хусейния (на советских картах – Хусания, буквально в нескольких км к северо-западу от Телль Хамис), которые ИГ контролировало с января по конец февраля 2015 г.⁶²

В целом чувство справедливой отплаты и подозрительность сирийских курдских ополченцев понятна. Немалое количество представителей арабских племен в Хасаке и Дейр-эз-Зоре влилось в ряды ИГ, хотя гораздо большее число, судя по имеющейся информации, предпочло не идти за террористами и даже выступить против них. Но во всех этих курдских «перегибах» прослеживается явное желание поквитаться не только за 2013–2017 годы (борьба против ИГ и других радикалов), но и за все обиды от Дамаска и его полевого инструментария в виде местных арабских кланов и семейств. Именно отсюда корни появления во многих СМИ и докладах, которые не являются прокурдскими, терминов «курдизация» и «этнические чистки».

Здесь уместно напомнить, что политический лидер сирийских курдов Салих Муслим, навещая Париж, поведал Агентству Франс Пресс 2 декабря 2013 года следующее:

«Среди нас есть три категории арабов:
- те, с кем мы всегда жили и с кем вместе мы воевали. Мы защищаем братство с такими людьми;
- те, кто не отсюда, пришлые арабы из других районов и стран, джихадисты, сжигавшие наши дома и отрубавшие курдам головы;
- наконец, есть арабы, которых силой переселил Хафез Асад в целях арабизации региона. Они – жертвы, и мы выступаем за мирное решение для этого населения. Кто может вернуться к своим изначальным очагам, должны это сделать, другие могут жить в мире с курдами»⁶³.

Таким образом, оставив за скобками пришлых и местных джихадистов и экстремистов, отметим, что тема переселения и занятия курдских земель арабскими кла-

нами 50 и чуть менее лет назад (а это в основном часть племени аль-Вульда из конфедерации Альбу Шаабан) по-прежнему определяет мыслительный процесс и, надо думать, действия курдских политиков в Рожаве.

Разделение племен на тех, «с кем мы дружим/мирно сосуществуем», и тех, «кого мы не очень любим», дает карт-бланш на вполне жесткое отношение к арабо-суннитскому трайбалистскому сообществу. А оно, таким образом, оказывается в подчиненном положении, что создает постоянный дискомфорт. К тому же это касается многих вопросов, входящих в понятие «интересы племен» – племенных территорий, земельных отношений, доходов от производимого в провинции продукта и добываемых ресурсов. И, понятно, что любые недовольства шейхов и простых членов племен получают соответствующую поддержку со стороны властей и их союзников. Недаром шейхи с известной регулярностью встречаются с представителями правительства и спецслужб САР и даже приглашаются в Тегеран.⁶⁴

В этом корни непрекращающихся публичных проявлений недовольства со стороны племен и ответные карательные меры курдов (там, где удастся дотянуться). Отсюда же и постоянное стремление шейхов создать собственные вооруженные отряды, с помощью которых можно было бы отстаивать интересы племени перед лицом доминирующих негосударственных акторов. Так, по сообщениям информированных источников в сирийской власти, шейхи Тай Мухаммед аль-Фарес ат-Таи и Мухаммед аль-Абдель Раззак ат-Таи и Хмейд аль-Асаад из Бени Сабаа вынашивают план создания дополнительных племенных ополчений в Камышлы и Хасаке. Задача – не только поддерживать порядок и защищать население, находясь на стороне Дамаска, но и канализировать молодежь из племен в эти структуры, вместо ухода в отряды СДС, что несет с собой еще и риски вовлечения в орбиту американской «работы с племенами» на оккупированных ими территориях.⁶⁵

Содействие в этом плане шейхи ищут как у России, так и иранцев. А то, что Вашингтон активно пытается обрабатывать арабское родо-племенное сообщество, – секретом не является⁶⁶, включая, к примеру, военную подготовку в лагере в Шаддади бойцов в «подразделение по охране нефтяных объектов» (правительственные СМИ почему-то называют эту полуоформленную структуру «Армией племен» (Джейш аль-Ашаир/ جيش العشائر), хотя по своим задачам это скорее охранная единица). Американцы организуют ее под эгидой т.н. Военного совета Дейр-эз-Зора (مجلس دير الزور العسكري), который сотрудничает с ними и с СДС.⁶⁷

Конечно, к этому Военному совету тоже есть вопросы, однако его особенность в том, что он возглавляется неким Ахмедом аль-Хамедом аль-Хубейлем аль-Бкейри из клана аль-Бкейир (البكّير) племени Окейдат, и шейх аль-Бкейир Абдель Азиз Сулейман аль-Хамада назначил его амиром (т.е. военным предводителем) клана, таким образом поставив своих соплеменников под начало этого аль-Хубейля аль-Бкейри.⁶⁸ То есть на деле создается еще одна вооруженная племенная/межплеменная милиция с не совсем понятным подчинением.

Любопытная ситуация сложилась в зоне проживания племени Шаммар на самом востоке провинции Хасаке, включая зону границы с Ираком в округе Аль-Ярубийя. Его лидер шейх Хмейди Даххам аль-Джарба формально присоединился к СДС и Автономной администрации Северо-Восточной Сирии (ААСВС), но имеет собственные вооруженные силы – «Кувват ас-Санадид» и в целом выстроил все так, что, по сути, возродил почти самостоятельный эмират Шаммар, который помимо прочего еще и наладил эффективные связи с соплеменниками в Ираке, Саудовской Аравии и других монархиях Персидского залива.

В арабских племенах не считают, что безопасность на территории ААСВС (она же Рожавя) поддерживается соответствующим образом. Преступность, бытовое и

уличное беззаконие, отсутствие внятных законов и правил (поскольку сирийские государственные законы исполняются избирательно) – все это подводит лидеров племен к тому, чтобы вносить свой посильный вклад в установление некоей понятной и работающей системы. Шейхи идут путем восстановления племенных обычаев, норм и даже трайбалистского судейства, поскольку дело порой касается не столько отношений с курдами, сколько между племенами, кланами и даже семьями внутри самих племен.⁶⁹ Причем порой кланы и семьи пускают в ход против друг друга боевое стрелковое оружие, гранатометы и ведут натуральные уличные бои.⁷⁰

В конце 2020 г. ОНС и «Асаиш» в ответ на «недружественные проявления» со стороны жителей центральных районов города Хасаке, кварталов Тай (طَي) и Макасим Хулагу (مقاسم حلكو) на юге г.Камышлы и ряда близлежащих деревень, которые формально остаются лояльными сирийскому правительству, ввели транспортную, а по факту и торгово-коммунальную блокаду, подкрепленную силой оружия. Шейхи и представители племен были весьма раздражены таким произволом, который удалось прекратить лишь после подключения российских посредников.⁷¹ Однако, что примечательно, обе стороны развернули мощную пропагандистскую борьбу в СМИ. Лоялистов из числа племенных лидеров предсказуемо обвиняли курдские власти в «сепаратистских проектах» и работе на американскую оккупацию⁷², СДС и их западные покровители сообщали, будто шейхи Хасаке сами со всей решимостью требуют убрать Армию национальной обороны из квартала Тай и в целом обвиняют Дамаск и Иран в «разжигании проблем в городе».⁷³

По сути, каждая сторона нашла собственных шейхов с соответствующей позицией. Это неудивительно: шейхи в племенах действуют порой разнонаправленно в зависимости от того, кто контролирует их территорию (одно племя может одновременно иметь земли под разным контролем), с кем в данный момент удобнее и выгоднее со-

трудничать в интересах племени. Принципиальность в таких подходах лучше не искать. Одна только уже упоминавшаяся «Резня Шуэйтат», которую осуществили сторонники ИГ в июле 2014 г., многому научила. Поэтому можно считать почти нормой, что одни лидеры племен ездят в Дамаск и Тегеран, встречаются с силовиками, собирают конференции и форумы под громкими лозунгами борьбы с «американской оккупацией и их курдскими приспешниками», другие ездят в Анкару и Газиантеп и потом выходят на трибуны, требуя «положить конец бесчинствам режима и банд РПК», третьи публично выступают в поддержку СДС и Автономной администрации Северо-Восточной Сирии (ААСВС). Одни шейхи из этого региона заседают в парламенте Сирии, другие представители этих же племен работают в ААСВС, как, например, «министр снабжения» Фанар аль-Окейд из племени Шаммар.

Еще один трудный вопрос в арабо-курдских отношениях в Хасаке и соседней провинции Дейр-эз-Зор – это убийства шейхов племен. Конкретные исполнители обычно остаются неизвестными, однако в племенах обвинения традиционно адресуются курдским силовикам. В том числе потому, что это происходит в зоне их контроля, но еще и потому, что у многих шейхов в конечном счете возникают напряженные, а порой и весьма недружественные отношения с ААСВС и ее структурами. Усугубляют подозрения факты почти регулярных задержаний и арестов шейхов племен со стороны «Асаиш» и ОНС.⁷⁴ 18 ноября 2018 г. был убит шейх аль-Афадля Башир Фасль аль-Хувейди. В августе 2020 г. были застрелены шейхи Окейдат Митреш аль-Гафль (مطرش الهفل) и аль-Баккара Али Альвейс (علي الويس), в октябре – шейх клана ар-Ркейват (входит в аль-Бкейир из Окейдат) Ваххас Вейс аль-Хаиб. Был ранен шейх аль-Машада (сейиды) Сулейман аль-Асман (سليمان العصمان).⁷⁵

В апреле 2021 г. в городе Камышлы вновь развернулись бои между курдской структурой «Асаиш» и АНО. Опять в районе Тай, который именуется так по названию

доминирующего в нем племени. При неясных обстоятельствах был убит очередной авторитетный шейх – Хайес аль-Джарайян аль-Хасан из племени Бени Сабаа.⁷⁶ Племена выступили с заявлениями, помимо прочего призывающими их соплеменников уйти из рядов СДС и ОНС, курды в свою очередь требуют роспуска АНО.

* * *

Провинция Хасаке и некоторые прилегающие к ней районы Ракки и Дейр-эз-Зора – фактический полигон формирования будущих арабо-курдских отношений на местах в Сирии. Между шейхами и лидерами политических и общинных структур курдов, между племенами и курдским населением. Характер взаимоотношений закладывается на десятилетия, если не на столетия с учетом весьма длинной исторической памяти у племен, да и не только у них. Многое изменится, уйдут американцы, турки, иранцы и др., а люди останутся. Им жить друг с другом и с бременем того, что ляжет грузом на восприятие другой стороны.

Атмосфера же складывается неблагоприятная. Прогноз на будущее – негативный. В том плане, что арабо-курдские противоречия на северо-востоке САР, скорее всего, будут лишь обостряться и рано или поздно вызовут взрыв в виде вооруженного столкновения. Предпосылок к иному развитию событий не видно, все говорит о грядущем долгоиграющем конфликте.

Руководствуясь где-то сиюминутными задачами, а где-то уходящим на 50 и более лет назад желанием восстановить справедливость и отыгаться за нанесенные обиды, курдская община в Хасаке и ее лидеры создают новые линии напряженности, усиленно подпиливают древо возможного и необходимого добрососедства. Конечно, у каждой стороны своя правда, и тезис «не мы начали первыми» или «нас всего лишь вынуждают реагировать» звучит и, может, даже имеет право на существование. Но важно то, что остается в сухом остатке. Не следует

воспринимать, как уже говорилось выше, конъюнктурную лояльность и явно ситуативное партнерство с отдельными кланами и шейхами как показатель того, что так и останется в будущем. В то время как враждебность с другими племенами и их лидерами будет только «закаляться» в условиях отсутствия устойчивой государственной власти (как арбитра) и острого соперничества множества различных акторов.

¹ Оценка Центрального статистического бюро САР, смоделированная, как можно понять, на основе переписи населения в сентябре 2004 г., когда в провинции Хасаке было зафиксировано 1 275 118 чел. И это шестой результат из 14 сирийских губернаторств после провинций Алеппо, Дамаск, Дамасская область (Риф Димашк), Хомс и Хама (см. URL: <https://www.citypopulation.de/Syria.html#Land>).

² Heras Nicholas A. *The Battle for Syria's Al-Hasakah Province // Combating Terrorism Center Sentinel* (US Military Academy, West Point), October 2013, Volume 6, Issue 10. С.22. – Текст: непосредственный.

³ URL: <http://www.3nazh.net/vb/showthread.php?t=22587>

⁴ URL: <https://www.enabbaladi.net/archives/198471#ixzz5GVQgvlC6>

⁵ URL: <http://www.adwaan.com/vb/showthread.php?t=3097>

⁶ Закария Ахмед Васфи. *Ауаир ау-Шам* (Племена Сирии / عشائر الشام). – Дамаск: Дар аль-Фикр, 1997 (далее – Закария). С.588. – Текст: непосредственный.

⁷ URL: <http://www.baqarah.net/showthread.php?t=542>

⁸ *The tribal situation in Deir-Ezzor, its reality and future* (pdf-file). С. 12. – Текст: электронный. – URL: <https://deirezzor24.net/wp-content/uploads/2020/08/The-tribal-situation-in-Deir-Ezzor-its-reality-and-future-1-1.pdf>

⁹ Окейдат – родственники Джиббур. Их общий предок – Схейб бен Омран бен Хусейн. Более того, согласно историкам племен, фактический основатель Окейдат по имени Али бен Салем бен Схейб женился на сестре родоначальника Джиббур Джабра бен Мактуба бен Лхейба бен Схейба, которую звали Радса (ردسة). Об этом смотри, например, здесь: <http://aljamoss.ba7r.org/t102-topic>

¹⁰ Уже на территории провинции Дейр-эз-Зор.

¹¹ В восточном углу провинции Хасаке.

¹² Назван в честь десяти молодых людей из деревни Захирийя, которые погибли в ходе перестрелки с сирийскими военными 24 июля 2012 г. Антиправительственная оппозиция зачислила этих погибших в ряды «мучеников от рук властей». Деревня Захирийя находится в округе Джавадийя и относится к населенным пунктам племени Зубейд. Из десяти погибших – восемь были из Зубейд, один из Шаммар и один из Тай.

¹³ URL: <https://ana-mardelli.ahlamontada.com/t3100-topic>;

<https://twsas.org/archives/3483>

¹⁴ Из них, например, генерал-лейтенант (الفريق الركن) Мухаммед Салех Махди аль-Окейди (род. 1949 в Багдаде), командовавший помимо прочего 6-й бронетанковой дивизией и 19-й пехотной дивизией иракской армии.

¹⁵ URL: <http://www.albwhsn.net/vb/showthread.php?t=230>; URL:

https://arabic.sputniknews.com/arab_world/201609211020204286/

¹⁶ В нее влился ряд отрядов, включая т.н. батальон «Катибат Усуд аль-Джазира ва аль-Фурат» (كتيبة أسود الجزيرة والفرات), который еще в июле 2011 г. создал нынешний командир бригады «Джаафар ат-Тайяр» некий Сулейман «Слейим» Айяда аль-Халед из клана Альбу Кямель племени Окейдат (род. 1973 в селении Шухейиль/الشحيل к югу от Дейр-эз-Зора по руслу Евфрата). В дальнейшем "бригада" присоединилась к т.н. Исламской армии (Джейш аль-ислам) (не путать с ИГ).

¹⁷ URL: <https://daraj.com/5039/>

¹⁸ По преданию, прозвище пошло от слова «намус», что означает комар, поскольку над его головой якобы часто висело почти что комариное облако.

¹⁹ Закария, с. 636.

²⁰ Там же.

²¹ <https://www.almodon.com/arabworld/2017/2/19/عشائر-الجزيرة-السورية-الولاء-للقوى>

²² Закария, с. 612.

²³ Племена Хасаке... Фрагментарная лояльность (عشائر الحسكة.. الولاء المقتت) // Enab Baladi, 14.01.2018. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.enabbaladi.net/archives/198471>

²⁴ Племена и кланы Хасаке: на стороне Сирийской арабской армии ради изгнания оккупантов (قبائل وعشائر الحسكة: إلى جانب الجيش العربي السوري لطرد الاحتلال) // газета аль-Баас, 12.02.2021. – Текст: электронный. – URL: <http://newspaper.albaathmedia.sy/2021/02/12/قبائل-وعشائر-الحسكة-إلى-جانب-الجيش-الع->

²⁵ Чтобы отделить отходившие под мандат Франции районы северо-восточной Сирии от Турецкой Республики, границу провели по линии железной дороги Алеппо-Нусайбин, которую еще до Первой мировой войны построила Германия.

²⁶ Переселение курдов в Сирию, которое можно также назвать бегством из Турции, действительно имело место в 1920-х гг. и позднее. Масштабы этого явления мало изучены. Однако сам процесс не вызывает удивления с учетом как турецких политико-полицейских реалий в отношении нетурецких общин, так и тем, что появившейся государственной границей между Турцией и Сирией одни и те же курдские, арабские, ассирийские и др. семьи оказались по сути разрезаны надвое. К примеру, дед современного сирийского политического деятеля курдского происхождения Кадри Фуада Джамиля (род. 1952 в Дарбасийе в провинции Хасаке) по имени Кадри Фуад Ахмед Джамиль в 1929 г. был вынужден уехать из Турции и поселился в Сирии, в провинции Джазира. Стал сирийцем. Его внук окончил МГУ, занимал пост заместителя премьер-министра страны.

²⁷ Ziadeh, Radwan. *The Kurds in Syria. Fueling Separatist Movements in the Region?* Special Report 220. The United States Institute of Peace (Washington D.C.), April 2009. С.2; Yildiz, Kerim. *The Kurds in Syria. The Forgotten People.* – London: Pluto Press, 2005. С. 33-34.

²⁸ Yildiz, Kerim. *The Kurds in Syria. The Forgotten People.* – London: Pluto Press, 2005. С. 36-37.

²⁹ <https://www.swissinfo.ch/ara/>

42537362 لاكر اديستعيدون-الاسماء-الاصلية-لمناطقهم-بعد-تعريبها-من-النظام-السوري/

³⁰ 14.01.2018 (URL: <https://www.enabbaladi.net/archives/198471>)

³¹ Там же.

³² Там же.

³² Ziadeh, Radwan. *The Kurds in Syria. Fueling Separatist Movements in the Region?* Special Report 220. The United States Institute of Peace (Washington D.C.), April 2009. С.2.

³³ Clashes between Syrian Kurds and Arabs claim more victims // The Guardian, 17.03.2004 (URL:

<https://www.theguardian.com/world/2004/mar/17/syria.brianwhitaker>)

³⁴ Там же.

³⁵ В 2011 году после начала протестного движения оппозиции Дамаск в ускоренном режиме сам начал предоставлять гражданство многим лицам из этой категории. По некоторым данным, сирийским гражданством обзавелись порядка 220 тыс. человек.

³⁶ Создана в 2003 г. как сирийское крыло Рабочей партии Курдистана, по сути, преобразовавшись из сирийского филиала Союза общин Курдистана (КСК), который был организован РПК в 2002 г. во главе с Софи Нуреддин для продвижения идей А. Оджалана. Приблизительно в это же время было объявлено о появлении под эгидой ПДС/ PYD «Отрядов народной защиты» (YPG), однако эта структура находилась в замороженном состоянии до 2011 г.

³⁷ Ziadeh, Radwan. *The Kurds in Syria. Fueling Separatist Movements in the Region?* Special Report 220. The United States Institute of Peace (Washington D.C.), April 2009. С.10.

³⁸ В ноябре 2013 г. Курдский национальный совет вышел из Высшего курдского совета в связи с односторонними действиями партии PYD по созданию автономного регионального правительства на территориях Сирии, населенных преимущественно курдами. Это привело к прекращению деятельности ВКС.

³⁹ Аспирант ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова Шореш Абы указал в своей статье «Сирийский кризис и курдский фактор», что ОНС создавались аж с июля 2011 г. (URL:

<http://www.svom.info/entry/774-sirijskij-krizis-i-kurdskij-faktor/>). При этом, как представляется, подпольные боевые группы сирийских курдов появились еще до этого времени.

⁴⁰ <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-24403003>

⁴¹ Цитата курдского активиста Сами Дервиша иракскому информационному курдскому ресурсу «Рудо» (URL: <http://www.rudaw.net/english/news/syria/4984.html>)

⁴² URL: <http://www.rudaw.net/english/news/syria/4984.html>

⁴³ URL: <https://www.aljazeera.com/news/2012/8/12/kurds-take-control-in-syrias-northeast>; URL:

<https://www.aljazeera.com/gallery/2012/11/20/kurds-in-syria-triumph-over-al-assads-regime>

⁴⁴ Среди таких – Совет революционеров провинции Дейр-эз-Зор (مجلس ثوار محافظة دير الزور), Лива «Ля Иляхи илля Алла» (لواء لا إله إلا الله), Лива 111 (الواء ١١١), местные отделения «Джебхат ан-Нусра» (جبهة النصرة لأهل الشام) и «Армии единобожия» (جيش التوحيد).

⁴⁵ Azizi Bradost. *Islamists Fighting Kurds in Syria Admit to Turkish Military Support* // Rudaw News, 6.02.2013. – Текст: электронный. – URL: <http://www.rudaw.net/english/news/syria/5716.html>

⁴⁶ Report by the Norwegian Church Aid and the World Council of Churches. «The Protection Needs of Minorities from Syria and Iraq» (pdf file), с. 21. – Текст: электронный. – URL:

https://www.academia.edu/36138037/The_Protection_Needs_of_Minorities_from_Syria_and_Iraq

⁴⁷ *Syrian Kurds 'drive Islamic State out of Kobane'* // BBC, 26.01.2015. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.bbc.com/news/world-middle-east-30991612>

⁴⁸ Dukhan Haian, Alhamad Ammar. *Iran's Growing Network of Influence among Eastern Syrian Tribes* // Washington Institute for Near East Policy. Policy Analysis, April 6, 2021. – Текст: электронный. – URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iran-growing-network-influence-among-eastern-syrian-tribes>

⁴⁹ Lund Aron. *What's behind the Kurdish-Arab Clashes in East Syria?* // Carnegie Middle East Center. Diwan blog (Middle East Insights from Carnegie), January 23, 2015. – Текст: электронный. – URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/58814?lang=en/> ; Lund Aron. *Bombers over Hasakah: Assad Clashes With the Kurds* // Carnegie Middle East Center. Diwan blog, August 22, 2016. – Текст: электронный. – URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/64375>

⁵⁰ Абы, Шореш. *Сирийский кризис и курдский фактор* // Свободная мысль, 2017, № 6. С. 165-174. (URL:

<http://www.svom.info/entry/774-sirijskij-krizis-i-kurdskij-faktor/>).

⁵¹ «YPG-led SDF», как напрямую указывает австралийская прокурдская активистка Джина Леннокс. См.: Lennox Gina. *Turkey in Syria*. С.9

// Kurdish Lobby Australia, 7.04.2020. – Текст: электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/340816034_Turkey_in_Syria

⁵² Balanche Fabrice. *Arabs in the PYD-controlled area* // Syrian Kurds As A U.S. Ally. Cooperation and Complications. Policy Focus 150, November 2016. – Washington DC: The Washington Institute for Near East Policy. С.30.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Heras Nicholas A., O'Leary Carole A. *The Tribal Factor in Syria's Rebellion: A Survey of Armed Tribal Groups in Syria* // Jamestown Foundation, Publication: Terrorism Monitor. Vo. 11, Issue 13, June 27, 2013. – Текст: электронный. – URL:

<https://jamestown.org/program/the-tribal-factor-in-syrias-rebellion-a-survey-of-armed-tribal-groups-in-syria/>

⁵⁵ Слова представителя племени Баккара от 8 августа 2020 г. в следующем докладе: Netjes Rena, van Veen Erwin. *Henchman, Rebel, Democrat, Terrorist. The YPG/PYD during the Syrian conflict* // Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. April 2021. С. 68. – Текст: электронный. – URL: <https://www.clingendael.org/pub/2021/the-ypgpyd-during-the-syrian-conflict/>

⁵⁶ Lund Aron. *What's behind the Kurdish-Arab Clashes in East Syria?* // Carnegie Middle East Center. Diwan blog (Middle East Insights from Carnegie), January 23, 2015. – Текст: электронный. – URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/58814?lang=en/>

⁵⁷ «Асаиш» или «Асаиш Рожав» (Asayîşa roj ava), они же Силы внутренней безопасности (Hêza Ewlekariya Hindîrin) – сирийские курдские органы правопорядка, погранслужбы, таможни и контрразведки «в одном флаконе». Слово «асаиш» на курдском означает стабильность. Созданы 25 июля 2013 г. Их первый командир Хасим Мохаммед в октябре того же года поведал англо-голландскому (ЕСовскому) информационному агентству Inter Press Service, что «Асаиш» – это новая структура из 4000 добровольцев, которые дополняют 40-тысячный контингент ОНС. Ее бюджет формируется за счет пересекающих границу Рожавы автомобилей. Каждый пассажир, которых в то время в день насчитывалось 150-200, платил 1000 сирийских фунтов (эквивалент пяти евро). То есть ранние «Асаиш» имели до тысячи

евро в день из кошельков простых граждан. Через два года было уже 26 официальных бюро по всей Рожаве. Структурно Силы внутренней безопасности/ «Асаиш» состоят из шести управлений: Администрация КПП, Командование сил по борьбе с терроризмом, Управление разведки, Управление по борьбе с организованной преступностью, Управление дорожного движения, Казначейское управление. (Kurds Build Bridges At Last // Inter Press Service, 13.10.2013. – Электронный ресурс. – URL:

http://www.iede.co.uk/news/2013_3209/kurds-build-bridges-last;
Rojava Asayish: Security institution not above but within the society// ANF News, 24.09.2016. – Электронный ресурс. – URL:
<http://www.anfenglish.com/features/rojava-asayish-security-institution-not-above-but-within-the-society>).

⁵⁸ Lennox Gina. *Turkey in Syria*. С.13 // Kurdish Lobby Australia, 7.04.2020. – Текст: электронный. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/340816034_Turkey_in_Syria

⁵⁹ *Syria: Arbitrary detentions and blatantly unfair trials mar PYD fight against terrorism* // Amnesty International, 7.09.2015. – Текст: электронный. – URL:
<https://www.amnesty.org/en/latest/news/2015/09/syria-abuses-mar-pyd-fight-against-terrorism/>

⁶⁰ Lennox Gina. *Turkey in Syria*. С.13 // Kurdish Lobby Australia, 7.04.2020. – Текст: электронный. – URL:

https://www.researchgate.net/publication/340816034_Turkey_in_Syria

⁶¹ Например, «Ахрар аш-Шам», «Лива 114», «Фурсан ас-Сунна». В период с декабря 2013 по февраль 2014 г.

⁶² Amnesty International. *We had nowhere else to go': Forced displacement and demolitions in northern Syria*. – London. October 2015. С. 9-12. – Текст: непосредственный.

⁶³ *Top official: Kurds seek autonomy in a federal Syria. Syria's Democratic Union Party hopes to create an autonomous Kurdish region in a federal Syria* // Alarabiya News, 2.12.2013. – Текст: электронный. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/middle-east/2013/12/02/Top-official-Kurds-seek-autonomy-in-a-federal-Syria>

⁶⁴ Например, 31 января 2021 г. губернатор Хасаке Гасан Халиль встречался с шейхами племен «для обсуждения действий милиций СДС в отношении жителей провинции» (Шейхи и лидеры арабских

кланов и племен провели встречу для противодействия милициям СДС (شيوخ وجهاء العشائر والقبائل العربية في الحسكة يجتمعون لمواجهة ميليشيا قسد) // аль-Манар ТВ, 31.01.2021. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.almanar.com.lb/7802775>).

⁶⁵ Хасаке... Шейхи, лояльные режиму, стремятся создать боевое подразделение при содействии России (شيوخ عشائر موالون للنظام) (يسعون لتشكيل فصيل بدعم روسي) // Syria TV, 27.03.2021. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.syria.tv/عشائر-موالون-لنظام-يسعون-لتشكيل-فصيل-بدعم-روسي>

⁶⁶ Американский эмиссар встречается с лидерами племен в Хасаке (مبعوث أمريكي يلتقي وجهاء عشائر في الحسكة) // Baladi News, 14.04.2021. – Текст: электронный. – URL: <https://baladi-news.com/ar/articles/72805> /مبعوث أمريكي يلتقي وجهاء عشائر في الحسكة. Речь о зам.спецпредставителя США по Сирии Дэвиде Браунстайне (*David Brownstein, The US Deputy Special Envoy to Syria*).

⁶⁷ Командующий в Дейр-эз-Зоре отрицает планирование создания «арабской армии» на восточном берегу Евфрата под патронажем Международной коалиции

(قيادات دير الزور تنفي التخطيط لتشكيل «جيش عربي» برعاية «التحالف الدولي» شرق الفرات) // Al Quds Al Arabi (London), 6.05.2020. – Текст: электронный. – URL: <https://www.alquds.co.uk/قيادات-دير-الزور-تنفي-التخطيط-لتشكيل-جيش-عربي-برعاية-التحالف-الدولي-شرق-الفرات>

⁶⁸ Аль-Мустафа Сухейль. *Абу Хоуля назначен амиром клана аль-Бкейир в Дейр-эз-Зоре* (أبو حولة أميراً على عشيرة "البكثير" في دير الزور), 29.06.2019 – Текст: электронный – URL:

<https://resalapost.com/2019/06/29/أبو-حولة-أميراً-على-عشيرة-البكثير/>

⁶⁹ Племена востока Сирии возрождают старый племенной закон, чтобы положить конец анархии и конфликтам

(قبائل شرق سوريا تعيد إحياء عرف عشائري قديم للحد من الفوضى والنزاعات) // RT, 12.04.2021. – Текст: электронный. – URL:

https://arabic.rt.com/middle_east/1220991

عرف-عشائري-قديم-النزاعات-; /قبائل-عرف-عشائري-قديم-النزاعات-; Сирия... племенной устав для урегулирования вопросов мести и хищений в Хасаке

(سوريا.. مضبطة عشائرية لفصل قضايا الثأر والسرقة في الحسكة) // Sky News Arabia, 30.03.2021. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.skynewsarabia.com/middle-east/1425966>

سوريا-مضبطة-عشائرية-لفصل-قضايا-الثأر-والسرقة-الحسكة-

⁷⁰ Хасаке... Межклановый конфликт привел к гибели 8 человек, включая женщину (أشخاص بينهم امرأة الحسكة.. "اقتتال عشائري" يودي بحياة) , 3.04.2021. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.alsouria.net/-أشخا8الحسكة-اقتتال-عشائري-يودي-بحياة-/>

⁷¹ После российского вмешательства ОНС объявляет о демонтаже блокады властей в Хасаке и Камышлы (بتدخل روسي.. "قسد" تعلن فك الحصار عن النظام في الحسكة والقامشلي) // Alsouria, 2.02.2021. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.alsouria.net/بتدخل-روسي-قسد-تعلن-فك-الحصار-عن-النظام-في-الحسكة-والقامشلي/>

⁷² URL: <https://sana.sy/?p=1274036>

⁷³ URL: [https://alwakale.com/12042/;](https://alwakale.com/12042/)

<https://a24now.com/2021/04/عشائر-الحسكة-تتهم-إيران-بدعم-مليشيات-م->

⁷⁴ Арабское племя в Хасаке дает ОНС 48 часов для освобождения своего шейха (ساعة للإفراج عن شيخها48عشيرة عربية في الحسكة تمهل "قسد") // Orient News, 22.10.2020. – Текст: электронный. – URL:

https://orient-news.net/ar/news_show/185369/0

عشيرة-عربية-في-الحسكة-تمهل-قسد-ساعة-للإفراج-عن-شيخها/

⁷⁵ В течение двух дней в Дейр-эз-Зоре убит один из племенных вождей, другой выжил (خلال يومين.. اغتيال أحد وجهاء العشائر ونجاة آخر في دير الزور) // 2020, 10.10.2020. – Текст: электронный. – URL:

<https://www.enabbaladi.net/archives/422008>

⁷⁶ Ода Дья. Сирийские Камышлы.. Ситуация вышла из-под контроля, режим обращается за помощью к племенам (القامشلي السورية.. "الأمر خرجت عن السيطرة" والنظام يستجد ب"أبناء العشائر) // Al Hurra TV, 23.04.2021. Текст: электронный. – URL:

<https://www.alhurra.com/syria/2021/04/23>

القامشلي-السورية-الأمر-خرجت-السيطرة-و-النظام-يستجد-بأبناء-العشائر/

С.В. Алейников

О ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СОМАЛИ

1. Становление, развитие и упадок Сомалийской национальной армии

Вооруженные силы Сомали, именуемые также Сомалийская национальная армия (Хоогга Dalka Soomaaliyeed), официально были образованы 12 апреля 1960 года, за два с половиной месяца до провозглашения независимости Сомали. Первые подразделения сомалийской армии были созданы из мобильных отрядов полиции Итальянского и Британского Сомалиленда (бывших итальянских и британских колоний). История ВС Сомали неразрывно связана с историей самого сомалийского государства, которое всегда опиралось на силу своей армии. За 60 с лишним лет существования Сомалийская национальная армия (СНА) прошла периоды становления, развития, упадка, распада и возрождения, оставив в своей летописи череду побед и поражений.

Первоначально численность СНА составляла около 4 тыс. военнослужащих. Половина из них – бывшие полицейские, другая половина – новобранцы, принятые на службу из всех провинций Сомали (по 50 человек от каждого района). Подготовка новобранцев проводилась в Могадишо, в казармах Ботико, позднее переименованных в учебный центр Халанэ. Первыми инструкторами и командирами подразделений СНА были бывшие

офицеры сомалийской полиции, прошедшие в 1950-х гг. военную подготовку в Италии, Великобритании и Египте. Многие из них впоследствии стали крупными военачальниками и государственными деятелями Сомали. В их числе – Махамед Сиад Барре (президент Сомалийской Демократической Республики и основатель Сомалийской революционной социалистической партии), его ближайшие сподвижники Хусейн Кульмие Афрах (вице-президент СДР) и Махамед Али Самантар (главком СНА и министр обороны СДР), Махамед Фарах Хасан «Айдид» (лидер Объединенного сомалийского конгресса, свергнувшего в 1991 г. режим Сиада Барре).

Первым главнокомандующим СНА стал Дауд Абдулле Хирси «Фейнус», которому с назначением на эту должность было присвоено звание бригадного генерала. Его заместителем и начальником главного штаба тогда стал Сиад Барре. Поначалу части СНА дислоцировались лишь в гарнизонах Могадишо, Байдабо, Беледвейнэ, Харгейса и Бурьо. Первой боевой проверкой для молодой сомалийской армии стал пограничный конфликт с Эфиопией в 1964 году, когда части СНА смогли отразить наступление частей 3-й ПА ВС Эфиопии в районах Уаджале, Ферфер и Доло. Конфликт завершился подписанием обеими сторонами мирного соглашения в Хартуме.

Неоценимую помощь в становлении и развитии СНА – армии одного из первых африканских государств, освободившихся от колониальной зависимости, – оказал Советский Союз. Военная и военно-техническая помощь Сомали, оказываемая СССР с 1963 г., возросла после военного переворота, осуществленного в Могадишо в октябре 1969 года группой патриотически настроенных офицеров СНА во главе с дивизионным генералом М.С. Барре, провозгласившим вскоре курс на строительство социализма в своей стране. Благодаря помощи СССР в оснащении СНА необходимой военной техникой и вооружением, подготовке ее командного и технического состава к середине 1970-х гг. ВС Сомали существенно

выросли и окрепли количественно и качественно, став одной из сильнейших молодых армий на африканском континенте. К этому времени в ВС Сомали были созданы сухопутные войска, войска ПВО, военно-воздушные и военно-морские силы общей численностью около 35 тыс. военнослужащих. Сухопутные войска насчитывали в своем составе 23 пехотные и механизированные бригады, две бригады спецназа, по девять танковых батальонов и артиллерийских дивизионов. На вооружении сомалийской армии находились до 250 танков Т-34 и Т-54/55, 60 БТР-40 и 250 БТР-152, более 100 76-мм орудий, до 80 противотанковых пушек Д-48, 80 гаубиц Д-30 калибра 122 мм, около 60 пушек калибра 130 мм, больше сотни 120-мм минометов. Войска ПВО состояли из 6 дивизионов зенитных орудий (ЗУ-57-2, ЗСУ «Шилка» и др.), размещенных в секторах Могадишо, Байдабо, Кисмайо, Дусамареб, Бурьо и Харгейса. На вооружении ВВС состояли до 70 самолетов и вертолетов, в том числе до 50 истребителей МиГ-15, МиГ-17, МиГ-21 и до 10 бомбардировщиков Ил-28. В составе ВМС и береговой охраны насчитывалось 20 кораблей различных классов, включая сторожевые, торпедные, ракетные и десантные катера, а также несколько батальонов морской пехоты. Развивалась и инфраструктура СНА. С помощью советских специалистов были построены военно-морские базы в Кисмайо и Бербере, аэродромы с твердым покрытием ВПП в Балли-Догле (Дафет), Бербере и Кисмайо, сеть снабжения армии ГСМ, военнотехническое и мореходное училища, войсковые учебные центры и другие объекты.

Однако ускоренный рост военной мощи Сомали, по всей вероятности, вскружил голову сомалийскому руководству, подтолкнув его к авантюрному решению развязать войну против соседней Эфиопии, ослабленной в то время внутривосточными конфликтами. В общем-то, планы «освобождения» Западного Сомали (Огадена) от «эфиопского гнета» зрели внутри сомалийского руководства уже давно. Захват Огадена рассматривался им

как первый шаг на пути к осуществлению заветной национальной мечты о создании Великого Сомали (Soomaaliweyn), в котором объединились бы все сомалийские племена, населяющие Африканский Рог. К войне СДР против Эфиопии подталкивали и США, стремившиеся ослабить растущее влияние СССР и восстановить свои пошатнувшиеся позиции в этом стратегически важном регионе.

Несмотря на призывы советских дипломатов к руководству Сомали отказаться от агрессивных планов в отношении Эфиопии, избравшей к тому времени, как и СДР, путь социалистической ориентации, в июле 1977 г. сомалийская армия численностью до 70 тыс. человек (вместе с резервистами) вторглась на территорию Огадена. Поначалу ей удалось добиться значительных военных успехов и во взаимодействии с партизанскими отрядами Фронта освобождения Западного Сомали занять бóльшую часть территории Огадена, включая города Мустахиль, Уардэрэ, Дагахбур, Годэ, Калафо и Джиджига. Однако прекращение с началом войны советской военной помощи СДР и последующая активная поддержка Советским Союзом эфиопской армии привели к коренному перелому в войне. В феврале 1978 года эфиопские войска, усиленные группой советских военных советников и 12-тысячным контингентом кубинских добровольцев, проведя перегруппировку, развернули в Огадене мощное контрнаступление и уже к 15 марта заставили противника полностью оставить ранее занятые им территории.

Поражение в войне с Эфиопией положило начало постепенной деградации и последующему развалу сомалийской армии. В ходе боевых действий в Огадене СНА потеряла не менее 1/3 своих сил. Лишившись военной и экономической помощи Советского Союза, руководство Сомали было уже не в состоянии поддерживать боеспособность своих вооруженных сил на должном уровне. Разрыв отношений с СССР в 1977 г. и переориентация Сиада Барре на военное сотрудничество с США в целом не привели к улучшению состояния ВС Сомали. Хотя

численность СНА в начале 1980-х гг. возросла, и в ее составе появились до десяти дивизий, уровень боевой готовности многих соединений и частей заметно упал. В то же время по мере ухудшения экономического положения в Сомали появились и стали набирать силу оппозиционные военно-политические движения, которые возглавили бывшие офицеры СНА, недовольные авторитарным стилем руководства и трайбалистской внутренней политикой Сиада Барре. (В эти годы большинство командных должностей в сомалийской армии занимали выходцы из племен марехан, огаден и дулбахантэ, входящих в соплеменность дарод).

К 1988 году вооруженное сопротивление оппозиционных режиму Барре группировок переросло в полномасштабную гражданскую войну. Наиболее ожесточенные бои шли на севере Сомали, где все активнее действовало Сомалийское национальное движение (СНД), вооруженные отряды которого состояли в основном из ополченцев племени исак. В боевых операциях против повстанцев правительственные войска неограниченно применяли артиллерию и авиацию, подвергая обстрелам и бомбардировкам крупные города, что приводило к многочисленным жертвам среди гражданского населения. К этому времени СНА из защитника нации превратилась в инструмент правящего режима по подавлению любой внутренней оппозиции, проведению жестоких расправ с неудобными кланами и политическими группами. К примеру, на северо-западе СДР, в 26-м оперативном секторе СНА к этому времени были развернуты 3 дивизии (со штабами в Харгейсе, Бораме и Бурьо), отдельные танковая и артиллерийская бригады (со штабами в Бендер-Уанаг и Харгейсе), эскадрилья боевой авиации (на а/б Бербера), а также 24-я обр (штаб – в Харгейсе), специально созданная для борьбы с повстанцами и проведения карательных операций.

В центральных и южных провинциях Сомали главной силой, действовавшей против режима Сиада Барре, стал

Объединенный сомалийский конгресс (ОСК) во главе с генералом Хасаном Айдидом (из племени хабаргидир/хавие). Его поддерживали Демократический фронт спасения Сомали (племена маджертен) и Сомалийское патриотическое движение (племена абсамэ), объединившиеся позднее в Сомалийский национальный альянс. Все эти группировки получали политическую поддержку и материально-техническую помощь из Эфиопии.

В 1990 г. распад СНА ускорился. Тыловое, материально-техническое и финансовое обеспечение ее подразделений практически прекратилось. Дезертирство в рядах правительственных войск и переход военнослужащих на сторону повстанцев приобрели массовый характер. В декабре 1990 года отряды ОСК вошли в столицу и после месяца уличных боев 26 января захватили президентский дворец. Сиад Барре с оставшимися силами отступил на юг Сомали, а позднее и вовсе покинул страну. С его бегством из Могадишо окончательно прекратили функционировать все государственные органы власти и структуры, в том числе и Сомалийская национальная армия. Ее остатки примкнули к тем или иным военно-политическим группировкам и кланам, между которыми началась длительная вооруженная борьба за власть в стране. Большая часть военной техники, состоявшей на вооружении СНА, была захвачена повстанцами или разграблена и со временем пришла в негодность. К примеру, ракетные катера ВМС Сомали были отправлены в порт Аден (якобы для перекраски), где годы спустя они проржавели и частично затонули, а базировавшиеся в Кисмайо торпедные катера были попросту разграблены.

По мере появления на территории Сомали в 1990-х гг. новых самопровозглашенных псевдогосударств каждое из них первым делом стало создавать собственные силы безопасности. Относительно мирно и организованно этот процесс проходил на северо-западе страны, где в мае 1991 г. было провозглашено образование независимой

Республики Сомалиленд. Первые практические шаги по созданию Национальной армии Сомалиленда (НАС) были сделаны лишь в феврале 1994 г., после того, как племена исак уладили разногласия между собой и другими местными племенами (самарон, исса, дулбахантэ, уарсангели). В состав НАС вошли прежде всего бойцы Сомалийского национального движения и ополченцы из названных племен, а также отдельные подразделения СНА, не причастные к репрессиям против местного населения. Первая бригада регулярной армии Сомалиленда (17-я пбр) была сформирована в Дарарвейнэ (18 км северо-восточнее Харгейсы). В последующие годы в НАС было сформировано еще не менее 18 различных по численному и этническому составу бригад (включая силы резерва). Они были размещены во всех провинциях Сомалиленда, в том числе и на восточных территориях, оспариваемых соседним Пунтлендом. На вооружении НАС состояли (и до сих пор остаются) несколько десятков старых танков, бронетранспортеров и боевых разведывательных машин советского и итальянского производства, РСЗО типа БМ-21, гаубицы Д-30, орудия полевой артиллерии, зенитные установки типа ЗУ-2-23, минометы, ПТУРСы ВГМ-71 «ТОУ», ручные гранатометы, различное стрелковое оружие, а также транспортные средства.

Похожий процесс, хотя и несколько позднее, наблюдался и в соседнем Пунтленде – самопровозглашенной сомалийской автономии, образованной в январе 1998 г. Спустя год из остатков бывшей Сомалийской национальной армии и ополченцев из племен маджертен были созданы так называемые Силы обороны Пунтленда (Ciidanka Difaaca Puntland) или «даравишта» (darawiishta). Первоначально их численность не превышала 1 тыс. бойцов, но уже к 2003 г., после преодоления разногласий внутри крупнейшего в Пунтленде племени маджертен, в составе СОП уже насчитывалось пять пехотных бригад (до 6 тыс. бойцов). На вооружении СОП находились те же, что и в НАС, устаревшие физически и морально образцы оружия

и боевой техники. Впрочем, имеющихся у Пунтленда сил и средств оказалось недостаточно, чтобы в октябре 2007 г. отразить наступление войск Сомалиленда в пров. Сол. Отряды «даравишта» были вынуждены оставить административный центр провинции гор. Лас-Анод, отойти на восток и закрепиться в районе пос. Тукарак. С тех пор этот район, а также провинция Айн (Буходле) и восточная часть пров. Санаг стали зоной постоянной военной напряженности, где периодически вспыхивают боестолкновения между двумя сторонами, каждая из которых претендует на владение данными территориями.

Что же касается центральных и южных провинций Сомали, то там каждое крупное сомалийское племя создало собственные вооруженные отряды, призванные защищать интересы определенных кланов на территориях их традиционного проживания и обеспечивать расширение зоны своих жизненных интересов за счет соседних племен.

Таким образом, с распадом государственной системы в Сомали началась полоса затяжных межклановых конфликтов, переросших в новый виток гражданской войны. Наиболее упорная борьба развернулась между кланами абгаль и хабар-гидир (оба из соплеменности хавие) за доминирование в столичной провинции Бенадир, а также между кланами огаден, марехан, харти (все из соплеменности дарод) и раханвейн за господствующее положение на юге страны. Ввод в Сомали в декабре 1992 г. международных сил ООН (UNOSOM) во главе с многотысячным контингентом ВС США предотвратил гуманитарную катастрофу на юге страны, но не смог остановить гражданскую войну. В 1995 г. миротворческая операция ООН была свернута, причем после вывода международных сил из Сомали там осталось немало брошенной военной техники и оборудования.

Хотя со временем сомалийским политикам и старейшинам удалось договориться о прекращении вооруженного противоборства, взаимное недоверие и скрытая неприязнь

сохраняются до сих пор, и трайбалистские настроения в обществе были и остаются главным препятствием на пути к национальному примирению, восстановлению единого сомалийского государства и вооруженных сил.

2. Попытки восстановления СНА в переходный период

Процесс возрождения СНА неразрывно связан с проблемой восстановления единого государства в Сомали. Чтобы понять сложность решения этой проблемы, необходимо вспомнить наиболее значимые политические и военные события, произошедшие в этой стране в течение двух последних десятилетий.

Реальным началом процесса восстановления сомалийского государства и его вооруженных сил можно считать проведение в 2000 г. в городке Арта (Джибути) широкой конференции по национальному примирению в Сомали. На этой конференции впервые после распада СДР были избраны временные высшие органы государственной власти: президент, которым стал Абдикасим Салад Хасан (выходец из хабар-гидир/хавие, сторонник сильной центральной власти), парламент, сформированный из представителей всех сомалийских соплеменностей и этногрупп по «формуле 4,5», и переходное правительство (TNG), которое возглавил проф. Али Халиф Галайр (выходец из дулбаханте/дарод).

В первые месяцы своей деятельности новому сомалийскому руководству удалось собрать из бывших военнослужащих СНА несколько батальонов правительственных войск, вооруженных, правда, лишь стрелковым оружием. Большая их часть дислоцировалась в центральных районах Могадишо, где частично размещалось правительство. Командующим правительственными войсками был назначен бригадный генерал Измаил Касим Наджи. Главной их задачей в этот период было обеспечение безопасности

органов государственной власти и постепенное установление контроля над всей столицей, большинство районов которой оставалась под контролем полевых командиров из племен абгаль и хабар-гидир. Однако правительство Абдикасима Салада Хасана в своей деятельности не нашло понимания и поддержки со стороны влиятельных сомалийских полевых командиров, региональных политиков и бизнесменов, которые не доверяли ему, видя в нем потенциальную угрозу своей власти в регионах. Правительственные войска воспринимались ими как еще одна вооруженная группировка, стремящаяся к захвату власти в Сомали.

После проведения серии очередных конференций по национальному примирению в Сомали, проходивших в Кении в 2002-2004 гг., была принята Хартия переходного периода и был сформирован новый парламент, избравший президентом Сомали Абдуллахи Юсуфа Ахмеда, бывшего лидера ДФСС и первого президента Пунтленда, пользовавшегося поддержкой Эфиопии. Премьер-министром был назначен Али Махамед Геди (выходец из племени абгаль/хавие). И хотя в новое Временное федеральное правительство (TFG) были включены лидеры всех основных сомалийских кланов и военно-политических группировок, им так и не удалось преодолеть имеющиеся разногласия, в том числе по вопросам обеспечения безопасности в Могадишо и создания новой национальной армии. В условиях обостряющейся конфронтации между клановыми вооруженными группировками Временный парламент Сомали, который по-прежнему оставался в Найроби, 11 мая 2005 г. проголосовал за ввод в Сомали миротворческих сил Африканского союза. Свое решение парламент подтвердил и год спустя, на заседании, состоявшемся уже внутри Сомали, в Байдабо.

В этот период в условиях фактического отсутствия в Сомали дееспособной центральной власти стали быстро набирать силу различные исламистские движения и группировки, объединившиеся в Союз исламских судов

(Midowga Maxakiimta Islaamiga). Исламисты также имели в своем распоряжении вооруженные отряды, которые вскоре стали расширять зоны контроля СИС в Могадишо, что привело к неизбежному конфликту с отрядами полевых командиров. В феврале 2006 г. восемь полевых командиров, некоторые из которых входили в федеральное правительство, объявили о создании Альянса за восстановление мира и противодействие терроризму (АРСТ).

Весной 2006 г. между боевиками СИС и АРСТ в Могадишо развернулись полномасштабные боевые действия с применением артиллерии и минометов. К середине июня боевикам СИС удалось взять под свой контроль большую часть сомалийской столицы, а затем и соседние провинции страны. Было объявлено о создании Верховного совета исламских судов (шуры), который возглавил шейх Хасан Дахир Авейс (выходец из рода айр/хабар-гидир/хавие), и исполкома СИС, во главе которого стал шейх Шариф Шейх Ахмед (происходит из абгаль/мудулод/хавие). В течение полугода влияние СИС распространилось почти на все центральные и южные провинции Сомали, за исключением района Байдабо (пров. Бай) и приграничных районов пров. Гальгудуд и Гедо, где ему противостояли поддерживаемые эфиопскими властями вооруженные формирования суфийской религиозно-политической группировки «Ахлу Сунна уаль-Джамаа».

В конфликте между СИС, полевыми командирами и Временным федеральным правительством Сомали с посреднической миссией выступила Лига арабских государств. На организованных ею летом 2006 г. переговорах в Хартуме (Судан) были достигнуты договоренности о прекращении боевых действий и враждебной пропаганды, взаимном признании, сохранении единства и территориальной целостности Сомали, совместном восстановлении НАС и полиции. Однако эти договоренности фактически были сорваны после совершенного 18 сентября террористом-смертником в Байдабо покушения на жизнь

президента Абдиллахи Юсуфа и захвата 24 сентября боевиками СИС города Кисмайо.

Перед угрозой распространения исламского фундаментализма на всю территорию Сомали и соседние страны региона руководство Эфиопии в ответ на обращение Абдиллахи Юсуфа приняло решение об оказании экстренной военной помощи сомалийскому правительству. 20 декабря 2006 г. эфиопские войска численностью до 30 тыс. человек при поддержке танков, артиллерии и авиации начали полномасштабное наступление против отрядов СИС. Направлением главного удара была избрана трасса Беледвейнэ – Джоухар – Могадишо. Быстро подавив сопротивление противника, эфиопские войска уже 27 декабря без боя вошли в столицу Сомали. 1 января 2007 г. от боевиков был освобожден и город Кисмайо. Наступление эфиопской армии поддерживали немногочисленные подразделения сомалийских правительственных войск и, отчасти, боевая авиация США. Освобождение Могадишо от боевиков СИС позволило президенту Сомали наконец-то вернуться в столицу. В марте 2007 г. в соответствии с резолюциями Африканского союза и СБ ООН в Могадишо начали прибывать первые подразделения миротворческих сил Африканского союза (АМИСОМ) с задачей содействия ВФП Сомали в деле стабилизации обстановки в стране, развития процесса национального примирения и оказания гуманитарной помощи населению.

Однако с вводом в Сомали эфиопских войск и сил АМИСОМ гражданская война в Сомали не закончилась. Оставив без боя крупные города, руководство СИС сохранило большую часть своих вооруженных формирований в сельской местности, что позволило им в дальнейшем начать длительную партизанскую войну против правительственных и иностранных войск. В то же время военное поражение СИС привело к расколу в его руководстве. Наиболее радикальные фракции, такие как «Аш-Шабаб» и «Хизб-уль-Ислам» продолжили вооруженную борьбу, тогда как относительно умеренное крыло СИС совместно

с оппозиционными сомалийскими политиками и старейшинами племен создало в сентябре 2007 года новую антиправительственную коалицию – «Альянс за новое освобождение Сомали» (АНОС). Его возглавили шейх Шариф Шейх Ахмед и бывший спикер федерального парламента Шариф Хасан Шейх Адам (из племени ашараф / раханвейн). В 2008 г. в Джибути при посредничестве ООН и других международных организаций состоялась очередная конференция по национальному примирению в Сомали. На ней представители АНОС и ВФП договорились об обоюдном прекращении военных действий, выводе эфиопских войск из Сомали, отставке президента Абдуллахи Юсуфа, совместном формировании нового объединенного парламента с равным представительством обеих сторон и избрании им нового президента страны. Во исполнение достигнутых договоренностей 28 декабря 2008 года Абдиллахи Юсуф ушел с поста президента, после чего в течение января следующего года эфиопские войска покинули Сомали, а вновь сформированный парламент, состоящий из 550 депутатов (по 275 от каждой стороны), 31 января 2009 г. избрал президентом Сомали все того же шейха Шарифа Шейха Ахмеда.

Казалось бы, включение бывших представителей СИС в парламент страны и избрание президентом Сомали одного из лидеров исламистов, который провозгласил введение на всей территории страны норм шариата, открывает перед сомалийским обществом реальную возможность прекращения многолетней гражданской войны и начала мирного созидательного процесса. Однако надеждам сомалийцев на скорое возвращение к мирной жизни не суждено было сбыться, поскольку наиболее радикальная часть исламистов («Аш-Шабаб» и «Хизб-уль-Ислам») объявила своих бывших соратников предателями идей салафизма и продолжила вооруженную борьбу против нового правительства и сил АМИСОМ. Умело организовав свою пропагандистскую деятельность и обеспечив жесткий правопорядок на контролируемой территории,

эти группировки сумели привлечь на свою сторону сотни старейшин племен и тысячи малограмотных безработных молодых людей, которые затем пополнили их вооруженные отряды. Своей целью руководство «Аш-Шабаб» провозгласило «освобождение сомалийского народа от иностранных войск и их приспешников, создание в Сомали исламского государства, распространение идей салафизма во всем регионе Африканского Рога и за его пределами». Лидеры «Аш-Шабаб» установили контакты с «Аль-Каидой» и стали тайно получать военную, финансовую и материальную помощь из стран Аравийского полуострова. К середине 2010 г. исламисты восстановили свой контроль над большей частью Центрального и Южного Сомали, включая столичную провинцию Бенадир, однако полностью захватить Могадишо им не удалось.

В октябре 2010 г., возможно, с целью привлечения финансовой помощи западных государств президент Шариф назначил новым премьер-министром Сомали представителя сомалийской диаспоры Махамеда Абдуллахи Махамеда «Фармаджо» (выходца из племени марехан, гражданина США). В числе первоочередных задач своего правительства Фармаджо объявил борьбу с коррупцией, укрепление финансовой дисциплины госаппарата, реорганизацию и всестороннее обеспечение армии и полиции, освобождение от боевиков «Аш-Шабаб» столицы, а затем и всей территории страны и активизацию процесса национального примирения.

Действительно, в первые месяцы работы нового правительства повысились доходы в госказну из внутренних источников (морского порта и аэропорта Могадишо), увеличилась иностранная финансовая помощь, впервые за 20 лет был составлен госбюджет, возобновились выплаты денежного довольствия военнослужащим правительственных войск, полицейским и госслужащим, активизировалась подготовка новобранцев в учебных центрах, расположенных в Могадишо и на границе с Эфиопией и Кенией. Численность СНА постепенно выросла до 12 тыс.

военнослужащих, однако из-за действующего с 1992 г. международного эмбарго на поставки оружия в Сомали правительственные войска по-прежнему испытывали острую нехватку современного вооружения, боеприпасов и средств МТО. На низком уровне оставались тактическая подготовка младшего командного состава, боевая выучка подразделений и воинская дисциплина. В феврале 2011 г. командование СНА предприняло попытку контрнаступления в провинциях Бенадир, Ниж. Шабелле и Гедо, но заметных успехов не достигло.

К сожалению, из-за разногласий в высшем политическом руководстве Сомали в июне 2011 г. Фармаджо вынужден был уйти в отставку. Тем не менее начатые им реформы создали предпосылки для повышения боевых возможностей СНА и проведения в июле-августе серии успешных наступательных операций по освобождению от боевиков «Аш-Шабаб» столицы страны и соседних районов.

Назначение новым главой правительства Абдивели «Гаса» (выходца из племени маджертен), занимавшего прежде пост вице-премьера, а также военные успехи СНА способствовали налаживанию отношений ВФП с региональными властями Пунтленда и Гальмудуга (еще одной автономией, образованной в центральной части Сомали). На состоявшейся в сентябре 2011 г. в Могадишо конференции ВФП и региональных политических лидеров была принята составленная совместно с экспертами ООН «дорожная карта» по завершению переходного периода в Сомали к августу 2012 г. Она, в частности, предусматривала разработку и реализацию Плана национальной безопасности и стабилизации (NSSP), Плана национального примирения (NRP), разработку и принятие новой Конституции Сомали, восстановление структур государственного управления. Согласно NSSP (который позднее неоднократно обновлялся), на основе интеграции вооруженных формирований сомалийских регионов (исключая Сомалиленд) и различных военно-политических группировок с правительственными силами безопасности пла-

нировалось в ближайшей перспективе создать новую Сомалийскую национальную армию численностью до 25 тыс. военнослужащих (включая силы береговой охраны), Национальную полицию (до 12 тыс. чел.), Службу национальной безопасности (до 3 тыс. чел.) и дисциплинарные войска (аналог ФСИН) численностью до 5 тыс. чел. Примерно такие же количественные ориентиры в развитии структур национальной безопасности остаются до сих пор.

3. Процесс восстановления СНА после образования ФРС

В августе 2012 г. Конституционным собранием Сомали была принята Временная Конституция страны и провозглашено образование Федеративной Республики Сомали (ФРС) в границах прежней СДР. Тогда же был сформирован новый федеральный парламент, избравший 10 сентября президентом ФРС Хасана Шейха Махмуда (выходца из племени абгаль), лидера «Партии за мир и прогресс» (а неофициально – и исламистской группировки «Дам-уль-Джадид»). Новые федеральные власти получили международное признание, что обеспечило им более широкую политическую поддержку и помощь из-за рубежа, в том числе и в вопросах восстановления сомалийской армии. Наиболее значимую помощь в подготовке личного состава, оснащении и финансировании СНА в это время оказывали США, ЕС, Турция, ОАЭ, Судан, а также страны-участницы АМИСОМ. Соответствующие соглашения в 2013-2016 гг. правительство Сомали заключило с ЕС (в рамках Договора о стратегическом партнерстве New Deal), Италией, Великобританией, ОАЭ и Турцией.

Комплектование СНА личным составом, как и прежде, осуществлялось на контрактной основе с учетом финансовых возможностей государства. К 2015 году численность СНА возросла примерно до 18 тыс. человек (включая

добровольцев), хотя официально в ней числилось лишь 11 тыс. военнослужащих. В составе СНА были сформированы до 10 пехотных бригад и несколько отдельных батальонов. К этому времени части СНА совместно с силами АМИСОМ, численность которых уже достигала 22 тыс. военнослужащих, заметно потеснили боевиков «Аш-Шабаб» и расширили зоны, контролируемые федеральными и региональными властями до 70% территории Сомали. В результате совместно проведенных наступательных операций «Орел» (март 2014 г.) и «Индийский океан» (сентябрь 2014 г.) от исламистов были освобождены десятки населенных пунктов на побережье и во внутренних районах Сомали. В свою очередь сторонники «Аш-Шабаб», число которых в это время не превышало 5 тыс. чел., окончательно перешли к тактике партизанской войны, усилив при этом террористическую деятельность в Могадишо и других крупных городах. Несмотря на значительное превосходство СНА и АМИСОМ над исламистами в силах и средствах, союзные войска все же не смогли нанести «Аш-Шабаб» сокрушительного поражения.

Слабой стороной СНА по сравнению с отрядами «Аш-Шабаб» были (да и остаются) ее клановая разобщенность, более низкий уровень морального духа и воинской дисциплины, вызванные все теми же социальными болезнями, от которых страдает значительная часть сомалийского общества, – трайбализмом и коррупцией. Большинство подразделений СНА до недавнего времени комплектовалось на основе родоплеменной принадлежности и не было готово действовать за пределами территорий традиционного проживания своих племен. Часть командиров подразделений до сих пор находится под влиянием вождей и старейшин своих племен и связана с крупными бизнесменами-сородичами, что нередко становится причиной вооруженных стычек между различными подразделениями СНА и полиции. Также отмечались случаи участия подразделений СНА в межклановых конфликтах

на стороне родственных племен. Объявленный ранее процесс интеграции клановых вооруженных формирований в федеральные силовые структуры шел крайне медленно.

Хотя в федеральном бюджете на оборону и безопасность в 2015 г. выделялось примерно 35% всех расходов (88 млн долларов США), реальное финансирование армии продолжало оставаться на низком уровне. Из-за повсеместной коррупции часть выделяемых средств разворовывалась, и жалование военнослужащим не выплачивалось месяцами. Дело доходило до того, что представители командования ВС США вынуждены были лично присутствовать при выплате жалования сомалийским военнослужащим в ряде частей СНА, которые финансировались американцами.

С середины 2016 г., когда конституционный срок полномочий президента Хасана Шейха подошел к концу, боевая активность СНА и АМИСОМ в борьбе с исламистами явно спала, поскольку часть выделенных на армию средств уходила на его очередную предвыборную кампанию. Группировке «Аш-Шабаб» удалось провести мобилизацию и реорганизацию своих сил, после чего была усилена ее диверсионная и террористическая деятельность не только в Сомали, но и в Северо-Восточной Кении. Исламисты укрепили свои позиции в провинции Средняя Джуба, на правом берегу Шабелле и в ряде обширных сельских районов Центрального и Южного Сомали. В то же время группировка «Аш-Шабаб», действующая на северо-востоке страны, в провинции Бари, раскололась на две враждебные фракции: на сторонников «Аль-Каиды» и сторонников «Исламского государства» (обе организации запрещены в России).

Положение в СНА начало постепенно выправляться начиная с 2017 г., когда в феврале на очередных президентских выборах неожиданно для многих победу одержал бывший премьер-министр Сомали Фармаджо, который объявил курс на укрепление национальной безопасности, развитие федеральных силовых структур, восстановление

гражданского мира, борьбу с коррупцией, обеспечение справедливого правления и главенства закона. Выполняя свои предвыборные обещания, президент Фармаджо прежде всего обеспечил ежемесячные выплаты жалования военнослужащим, полицейским и госслужащим, что, конечно, несколько улучшило их социальное положение и моральное состояние. В апреле 2017 г. президент полностью обновил высший командный состав СНА, федеральной полиции, Службы национальной безопасности и разведки (СНБР), после чего в указанных структурах была проведена кадровая чистка. В конце апреля был создан Совет национальной безопасности (СНБ) – координационный орган во главе с президентом, в который также вошли премьер-министр, руководители силовых министерств и главы федеральных регионов Сомали. Советы безопасности были сформированы и на региональном уровне. По указанию президента новое руководство ГШ СНА и СНБР разработало план совместного проведения в Могадишо и соседних провинциях масштабной операции по ликвидации боевых отрядов и диверсионно-террористических групп «Аш-Шабаб». 22 мая 2017 г. в столице началась контртеррористическая операция, продолжавшаяся вплоть до наступления месяца рамадан.

В то же время правительством было согласовано с главами всех федеральных регионов Сомали (Пунтленда, Гальмудуга, Хиршабелле, Юго-Западного Региона и Джубаленда), а затем утверждено федеральным парламентом «Положение о структуре национальной безопасности ФРС» – руководящий документ, положенный в основу реформирования СНА и других силовых структур страны. Согласно этому Положению, силовые структуры ФРС включают в себя четыре компонента: вооруженные силы (СНА), полицию, силы национальной безопасности и разведки (СНБР) и дисциплинарные войска (аналог ФСИН). В состав вооруженных сил Сомали войдут сухопутные войска, ВМС, ВВС и силы ПВО. (Реально же пока существуют только сухопутные войска). На начальном

этапе численность СНА составит 22 тыс. военнослужащих, включая 4 тыс. чел. в составе Командования сил специального назначения. По мере роста доходов в федеральный бюджет численность СНА может возрасти, и начнется создание национальных ВМС, ВВС и войск ПВО. Территориально части СНА планируется распределить по всей территории страны, разделенной на восемь оперативных секторов (ОС):

- сектор «12 апреля» со штабом в Могадишо;
- 54-й сектор со штабом в Гароуэ (Пунтленд);
- 21-й сектор со штабом в Дуса-Мареб (Гальмудуг);
- 27-й сектор со штабом в Булобурдэ (Хиршабелле);
- 60-й сектор со штабом в Байдабо (ЮЗР);
- 43-й сектор со штабом в Кисмайо (Джубаленд);
- 48-й сектор* (пров. Ниж. Шабелле);
- 26-й сектор* (Сомалиленд).

Зоны ответственности оперативных секторов приводятся в соответствие с границами федеральных регионов Сомали. Формирование двух последних ОС на самом деле отложено на неопределенный срок, поскольку пров. Ниж. Шабелле входит в ЮЗР, а переговоры с правительством Сомалиленда о воссоединении с ФРС зашли в тупик и практически прекратились.

Положением также предусматривается создание полицейских сил страны на двух уровнях – федеральном и региональном. В составе федеральной полиции, находящейся в подчинении Министерства внутренней безопасности (МВБ), создаются общие полицейские отделения (участки), отряды полиции специального назначения, отделы криминальной полиции, подразделения охраны государственных органов и иностранных дипломатических представительств, дорожной полиции и береговой охраны. В составе региональных сил полиции, находящихся в подчинении соответствующих региональных министерств, также могут создаваться военизированные подразделения сил безопасности – так называемые войска

«даравишта» (территориальные войска) и морская полиция (береговая охрана). Общая численность сил полиции в ближайшей перспективе составит около 32 тыс. чел., в том числе 8 тыс. чел. в составе федеральной полиции. Кроме того, еще до 4 тыс. чел. будут состоять в СНБР, находящейся в подчинении МВБ, и до 2 тыс. чел. – в дисциплинарных войсках, подчиненных Министерству юстиции. Таким образом, общая численность силовых структур Сомали (без учета Сомалиленда) приблизится к 60 тыс. чел.

Основой для создания новой структуры национальной безопасности должны стать действующие части и подразделения СНА и полиции. Все остальные отряды ополчения, сформированные различными политическими и религиозными группировками, племенами и кланами, должны сложить оружие и вернуться к мирной жизни. Для этого была разработана специальная программа социальной адаптации бывших боевиков, которую планировалось реализовать в течение двух лет. Однако на практике разоружить многочисленные вооруженные формирования племен оказалось весьма не просто (по оценкам ООН, на руках у населения Сомали насчитывается от 550 до 750 тыс. единиц различного стрелкового оружия). С началом проведения силами безопасности в Могадишо рейдов по изъятию оружия у населения многие бывшие полевые командиры перепрятали имеющиеся у них запасы оружия и боеприпасов за пределами столицы, на территориях проживания своих кланов.

Что же касается неоднократных призывов президента Фармаджо к руководству «Аш-Шабаб» прекратить вооруженную борьбу и начать мирные переговоры с правительством Сомали, то все они были отвергнуты. Напротив, оружие стало поступать в контролируемые исламистами районы еще в больших масштабах, в основном морем из Йемена.

Положение о структуре национальной безопасности ФРС предусматривает финансовое обеспечение феде-

ральных сил за счет федерального бюджета, тогда как региональные полицейские силы должны финансироваться из бюджетов соответствующих федеральных регионов. Следует отметить, что проблема финансового обеспечения вооруженных сил и полиции Сомали была и остается весьма острой. Средства из специального фонда ООН UNSOS, выделяемые для выплаты жалования 13 900 сомалийским военнослужащим и полицейским, поступают нерегулярно. Несмотря на низкий уровень денежного довольствия сомалийских военнослужащих (170 долл. США / мес. для рядового состава и от 332 долл. США / мес. для офицерского состава), жалование им не выплачивалось месяцами, что естественно негативно сказывалось на уровне дисциплины и моральном состоянии армии. В местных СМИ то и дело сообщалось о поборах и грабежах гражданского населения, устраиваемых людьми в военной форме на дорогах и рынках, о стычках между различными подразделениями СНА из-за споров о «районах контроля».

Чтобы решить проблемы денежного довольствия военнослужащих и финансовых злоупотреблений командиров и начальников СНА, правительство Сомали провело переучет личного состава армии, открыло лицевые счета на каждого военнослужащего и стало ежемесячно перечислять на эти счета положенное жалование после подтверждения факта прохождения воинской службы соответствующими командирами и начальниками. Принимая во внимание, что в Сомали распространены мобильные банковские услуги, данное решение, в целом, позволяет обеспечить своевременные выплаты жалования военнослужащим (конечно, при наличии средств в казне). С другой стороны, была активизирована работа по созданию системы военных судов, в ведении которых находятся все преступления против / с участием военнослужащих сомалийской армии. К 2021 году суды вооруженных сил были открыты в большинстве оперативных секторов СНА.

Для решения первоочередных финансовых проблем США новый президент Фармаджо уже в первые месяцы после вступления в должность предпринял серию зарубежных поездок. В ходе этих поездок он заручился поддержкой основных государств-доноров Сомали, таких как Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Турция, а также договорился о содействии США, Великобритании и международных организаций – ООН, ЕС, ЛАГ, АС, ИГАД. На состоявшейся 11 мая 2017 г. в Лондоне конференции по проблемам Сомали были заключены важные для Могадишо рамочные соглашения с мировым сообществом – Новое соглашение о партнерстве (NPS) и Пакт о безопасности Сомали. В этих документах, в частности, предусмотрена международная поддержка правительства Сомали в борьбе с терроризмом и «насильственным экстремизмом», в реформировании национальной системы безопасности, восстановлении США и органов правопорядка. Страны-доноры, участвовавшие в Лондонской конференции, обещали поддержать создание новой структуры национальной безопасности Сомали. На реализацию соглашения NPS международными организациями и странами-донорами было обещано выделить более 1 млрд долларов США.

«Клуб друзей Сомали», как обычно, возглавили США. Вскоре в Сомали на бывшую авиабазу Балидогле прибыли подразделения инженерных войск СВ США, которые провели работы по восстановлению и оборудованию авиабазы, ставшей центром подготовки американскими инструкторами подразделений спецназа США «Данаб» («Молния»). За четыре года ими было подготовлено свыше 1 тыс. сомалийских военнослужащих. Некоторые из офицеров «Данаб» проходили специальную военную подготовку и в учебных центрах ВС США.

После восстановления а/б Балидогле там стали базироваться разведывательные и ударные БПЛА ВВС США, которые регулярно вели воздушную разведку и периодически наносили ракетные удары по пунктам базиро-

вания, органам управления и членам руководства «Аш-Шабаб». Для временного базирования американских БПЛА на территории Сомали также использовались аэродромы Кисмайо и Босасо. Согласно официальной статистике, за последние четыре года ударные БПЛА ВВС США совершили почти две сотни боевых вылетов в Сомали (2017 г. – 35, 2018 г. – 47, 2019 г. – 63, 2020 г. – 53). Кроме того, американские военнослужащие из состава ОТГ «Африканский Рог» и Командования сил специальных операций периодически принимали участие в контр-террористических операциях, проводимых совместно с подопечными подразделениями «Данаб» на юге Сомали и Силами обороны Пунтленда на северо-востоке страны.

К 2020 г. численность военной миссии США в Сомали возросла до 700-800 человек. Однако перед уходом с поста президента США Д. Трамп отдал приказ о выводе американских войск из ФРС, что было выполнено к 15 января 2021 г. После вступления в должность президента США Дж. Байдена американское командование прекратило использовать ударные БПЛА в Сомали. Хотя двусторонние контакты по линии оборонных ведомств еще поддерживаются, вопрос о дальнейшем военном сотрудничестве США с Сомали остается открытым, поскольку Вашингтон негативно воспринял объявленное 12 апреля решение сомалийского парламента отложить проведение выборов в ФРС и продлить срок полномочий федеральных органов власти на два года. По этой же причине может быть приостановлена финансовая и военная помощь Сомали со стороны Евросоюза и Великобритании, которые участвуют в программах подготовки специалистов СНА в учебных центрах, открытых в Могадишо и Байдабо. По программе EUTM Somalia за 10 лет прошли подготовку более 7 тыс. сомалийских военнослужащих. Впрочем, эффективность этой подготовки вызывает сомнения.

Наиболее масштабную помощь Сомали в восстановлении национальной армии в последние годы оказывает

Турция, причем эта помощь с каждым годом увеличивается. В сентябре 2017 г. на юго-западной окраине Могадишо, в пос. Джазира, Турцией был открыт крупный, хорошо оборудованный учебный центр TurkSom, где постоянно проходят подготовку подразделения спецназа США и федеральной полиции. Подготовка военнослужащих США организована побатальонно в течение пяти месяцев, после чего новые подразделения обеспечиваются обмундированием, вооружением и боевой техникой турецкого производства. Часть сомалийских военнослужащих поротно проходит дополнительную подготовку на территории Турции (в районе Ыспарта). Помимо подразделений сухопутных войск Сомали в Турции также проходят профессиональную подготовку будущие сомалийские летчики и моряки. Со дня открытия центра TurkSom в нем прошли обучение около 5 тыс. сомалийских военнослужащих и полицейских, которые пополнили подразделения спецназа США («Горгор»/«Орел») и федеральной полиции («Харамъад»/«Гепард»). Кроме того, Турция оказывает Сомали помощь в восстановлении инфраструктуры США. Турецкие компании ведут в Могадишо строительство и ремонт штабов, пунктов управления, казарм и других объектов сомалийской армии.

До 2018 года активное участие в подготовке военнослужащих США принимали также Объединенные Арабские Эмираты. В УЦ им. генерала Гордона в Могадишо ими было подготовлено около 1400 сомалийских военнослужащих, которые в дальнейшем получали за счет ОАЭ повышенное жалование (от \$300 ежемесячно). Еще около 2 тыс. человек было подготовлено при финансовой поддержке ОАЭ для морской полиции (береговой охраны) Пунтленда. Однако после того, как правительство Сомали отказалось поддержать ОАЭ в конфликте с Катаром, военное сотрудничество ОАЭ с Могадишо резко пошло на спад. Окончательно отношения ОАЭ и ФРС испортились весной 2018 года, когда в аэропорту Могадишо сначала была задержана незаконно ввезенная из ОАЭ

партия оружия, предназначавшаяся для территориальных войск Пунтленда и Джубаленда, а затем – крупная сумма валюты (почти 10 млн долл. США), предназначавшаяся для финансирования оппозиции. Впрочем, вскоре после охлаждения отношений Могадишо с ОАЭ на помощь правительству Сомали пришел Катар, который стал участвовать в финансировании СНА и СНБР.

Из стран региона Африканского Рога наиболее активно в подготовке новобранцев СНА участвуют Эфиопия и Эритрея. Кроме того, после подписания в 2018 г. президентом Фармаджо пакета соглашений с правительствами Эфиопии и Эритреи заметно расширилось их трехстороннее сотрудничество в вопросах обеспечения региональной безопасности, как по линии министерств обороны, так и по линии спецслужб. Эфиопия прекратила поддержку оппозиционной федеральному правительству суфийской группировки «Ахлу Сунна уаль-Джамаа», действовавшей почти 30 лет в приграничных районах, что способствовало разрешению политического кризиса в Гальмудуге и ускорило интеграцию вооруженных формирований этой организации с СНА.

4. Современное состояние СНА

Создание новой структуры национальной безопасности сомалийские власти планировали осуществить в течение года, однако и спустя четыре года переход к ней до конца не завершён. Причины этого кроются в непреодоленных политических противоречиях между Центром и частью федеральных регионов, в нехватке финансовых и материальных ресурсов, необходимых для полного восстановления силовых структур, а также в сохраняющемся режиме международного эмбарго на поставки тяжелого вооружения и боевой техники в Сомали. Негативное влияние на процесс возрождения единого сомалийского государства и его вооруженных сил оказывает также недру-

жественная политика некоторых государств в отношении ФРС, прежде всего Кении и ОАЭ, поддерживающих сепаратистские устремления лидеров Джубаленда и Пунтленда.

В ходе обновления структуры СНА зоны ответственности оперативных секторов (ОС) были приведены в соответствие с условными границами федеральных регионов Сомали (см. Приложение 2). При этом в связи с уменьшением зоны ответственности сектора «12 апреля» до границ провинции Бенадир большинство боевых частей СНА, ранее размещавшихся в Могадишо и его окрестностях, выведены за пределы города в соседние сектора (в столице остались лишь несколько отдельных батальонов охраны и резервные части спецназа «Горгор»). Значительно расширена зона ответственности и боевой состав 60-го ОС. Его войска усилены частями центрального подчинения – тремя батальонами спецназа из состава 16-й и 17-й бригад («Данаб» и «Горгор») и подразделениями новой бригады «14 октября», сформированной из добровольцев после крупнейшего в истории Сомали теракта, устроенного «Аш-Шабаб» в Могадишо 14 октября 2017 года (тогда погибло более 500 человек). Проведенные организационные мероприятия позволили, с одной стороны, активизировать борьбу с боевиками «Аш-Шабаб» в провинции Нижняя Шабелле, а с другой, – оздоровить криминальную ситуацию в Могадишо. Вывод из столицы частей, укомплектованных преимущественно выходцами из племен хавие, имел под собой и политическую подоплеку, поскольку существовала (и до сих пор существует) высокая вероятность вовлечения их в политическое противостояние между президентом и оппозицией.

Параллельно с реорганизацией структуры СНА идет процесс формирования новых частей, которые комплектуются по возможности из представителей разных сомалийских племен и этнических групп. Завершается формирование сил специального назначения СНА, в которые войдут бригады «Данаб» и «Горгор». Личный состав этих

бригад прошел подготовку в УЦ Балидогле и «Турксом», соответственно. На сегодняшний день 17-я бригада специального назначения «Горгор» является самой многочисленной и оснащенной в СНА. Ее подразделения дислоцируются в провинциях Бенадир, Нижняя Шабелле и Гедо, активно участвуя в контртеррористических операциях. Так же по разным секторам распределены батальоны «Данаб» (они размещены в Балидогле, Кисмайо, Галькайо и Джоухаре). Бригады спецназа лучше других частей СНА вооружены и экипированы. В частности, их парк боевых машин включает турецкие бронетранспортеры Otokar APV, американские HMMWV и южноафриканские RG31 «Ньяла».

В 2020 г. после дополнительной военной подготовки в состав СНА включена часть вооруженных формирований суфийской организации «Ахлу Сунна уаль-Джамаа», действовавших в провинции Гальгудуд. На их базе сформирована 15-я пбр, входящая в состав 21-го ОС.

В течение 2017-20 гг. продолжалось восстановление систем оперативного и административного управления СНА. ГК и ГШ СНА получили новые, оснащенные средствами связи помещения. В МО Сомали создана «ситуационная комната», где оборудовано рабочее место для президента страны. Частично восстановлены штабы ВМС и ВВС Сомали. Внедрены автоматизированные системы учета личного состава, вооружения и материальных средств.

В результате проведенных организационно-штатных мероприятий в 2020 г. официальная численность СНА возросла до 21 200 чел., тогда как по штатному расписанию в ней числится 24 064 чел., в том числе 96 генералов, 3300 офицеров и 20 668 рядовых, сержантов и унтер-офицеров. Соответственно увеличился и оборонный бюджет Сомали. Если в 2019 г. на оборону и безопасность было израсходовано 107 млн долларов США, то на 2020 г. в бюджете выделялось уже 150 млн, а на 2021 г. – 164 млн. Из них собственно на СНА по годам

приходится 56,3 млн (2019 г.), 84,2 млн (2020 г.) и 93 млн долларов (2021 г.).

В настоящее время ВС Сомали действуют на основе Временной Конституции ФРС, обновленного Плана национальной безопасности и стабилизации (NSSP), вышеупомянутого Положения, а также законов о прохождении воинской службы, принятых еще до развала СДР. Верховным главнокомандующим ВС Сомали, согласно конституции, является президент страны, который осуществляет общее руководство ими через Министерство обороны, а оперативное руководство – через Главное Командование (ГК) и Генеральный Штаб (ГШ). В ГШ СНА созданы 15 управлений: личного состава, разведывательное, оперативное, боевой подготовки, тыла, финансовое, автомобильной и бронетанковой техники, вооружения и боеприпасов, технических средств, связи, строительное, военно-медицинское, военно-политическое, контрольной и надзорной деятельности, международного военного сотрудничества.

Как определено Положением о структуре национальной безопасности ФРС, Вооруженные силы Сомали включают в себя Сухопутные войска, ВВС и ВМС. Однако два последних вида вооруженных сил в действительности еще не существуют, а лишь формально представлены только штабами (не считая сил охраны порта Могадишо численностью до 250 чел. с несколькими катерами).

Высшим оперативно-тактическим соединением в сухопутных войсках является бригада, в состав которой входит от 3 до 6 батальонов численностью от 250 до 400 чел. каждый. По состоянию на 1 апреля 2021 г., в боевом составе СНА насчитывалось 16 бригад, в том числе 2 бригады специального назначения.

На вооружении СНА имеется: более 200 БТР и бронемашин различных типов, в том числе турецкие Otokar APV, американские HMMWV, британские Saxon AT105, советские БТР-152, итальянские FIAT-6614/16, китайские V-100, южноафриканские RG31 «Ньяла», более 300 пика-

пов («Тойота» и др.) с установленными на них пулеметами, устаревшие безоткатные орудия Б-10, минометы калибров 60 мм, 82 мм и 120 мм, разнообразное стрелковое оружие (преобладают автоматы АК-47, АКМС и их китайские аналоги АК-56, винтовки G-3, пулеметы ПКМ), а также различные автотранспортные средства (всего – до 600 единиц). После частичной отмены Советом Безопасности ООН эмбарго на ввоз оружия в Сомали в марте 2013 г. начались поставки для СНА разрешенных типов оружия и военной техники из стран ЕС, США, КНР, Эфиопии, Уганды, Судана, Египта, Турции, Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара и других государств. Последняя по времени крупная партия бронетранспортеров (до 180 машин) прибыла из Турции в порт Могадишо в начале апреля 2021 г.

Несмотря на общее улучшение состояния СНА, в целом боеспособность большинства ее частей остается еще довольно низкой: они недостаточно обучены, дисциплинированы, укомплектованы и вооружены. Многие части не имеют оборудованных мест расположения и казарм для личного состава. Единая система управления и связи ВС Сомали до конца не восстановлена. Масштабных войсковых операций против вооруженных отрядов «Аш-Шабаб» в течение последних четырех лет не проводилось под предлогом нехватки в СНА современного оружия и недостаточного МТО. Организованная летом 2019 г. совместно с силами АМИСОМ операция «Бадбадо» по освобождению пров. Ниж. Шабелле от боевиков «Аш-Шабаб» оказалась малоэффективной и не позволила достичь поставленных целей. Большинство же других операций против исламистов ограничивались проведением 1-3-дневных рейдов в пределах 50 км от мест постоянной дислокации, «зачисткой» близлежащих территорий и нанесением точечных ударов по объектам боевиков при поддержке американских БПЛА.

А между тем, на 2021-22 гг. намечена постепенная передача функций АМИСОМ по поддержанию безопасности в стране Сомалийской национальной армии и поли-

ции с последующим выводом африканских миротворческих сил из Сомали. По плану STP (Somalia Transition Plan) этот процесс должен был начаться еще два года назад, но лишь 25 марта 2021 г. впервые состоялась передача АМИСОМ одного из районов за пределами Могадишо (р-на Афгойе) под ответственность командующего ОС «12 апреля» США. Причем это мероприятие состоялось, несмотря на то, что оперативная обстановка в Афгойе остается сложной, и в его окрестностях продолжают действовать отряды боевиков «Аш-Шабаб».

Серьезной проблемой для США являются трайбализм и политические разногласия между Центром и отдельными федеральными регионами, которые не только тормозят процесс интеграции сомалийских вооруженных сил, но и представляют реальную угрозу единству армии и целостности государства. Суровым испытанием для США стал очередной политический кризис в Сомали, возникший в начале 2021 г. в связи с разногласиями по вопросу о порядке проведения парламентских и президентских выборов. Если поначалу все армейские части и подразделения соблюдали нейтралитет и воздерживались от участия в политической борьбе (как того требует конституция страны), то уже в конце апреля некоторые командиры и начальники нарушили присягу и приказ главнокомандующего США, перешли на сторону оппозиции и устроили вооруженный мятеж в Могадишо. Во главе мятежа встали бывшие и действующие командиры частей, укомплектованных преимущественно выходцами из племен абгаль и хабар-гидир (хавие). Под влиянием провокационных заявлений ряда политиков, вождей и старейшин племен хавие, объявивших президента и парламент страны вне закона, подразделения 4-й и 7-й пбр, проигнорировав приказ главнокома США, оставили свои позиции в провинциях Средняя и Нижняя Шабелле и направились в столицу. 25 апреля 2021 г. они предприняли попытку штурмом захватить органы государственной власти, но встретили отпор со стороны верных президенту

сил безопасности. Активное участие отдельных частей и подразделений СНА в антиправительственном мятеже показало, насколько еще в действительности слабо организована и управляема эта армия.

Серьезные трудности военно-политическое руководство Сомали испытывает при попытках реорганизации СНА на территориях Пунтленда и Джубаленда. Так, начатые в 2017 г. передача в состав СНА части подразделений из территориальных войск Пунтленда и формирование 54-го ОС были фактически сорваны по вине региональных властей. После избрания в январе 2019 г. президентом Пунтленда Саида Абдуллахи Дэни его администрация взяла курс на создание собственной армии – Сил обороны Пунтленда (СОП) – и «обеспечение суверенитета» этой автономии на всей ее территории в рамках заявленных границ. С этого времени проводится реформирование СОП, нацеленное на оптимизацию их структуры, повышение боеспособности за счет интенсификации боевой подготовки, укрепления дисциплины, улучшения материально-технического обеспечения войск. В 2019-21 гг. специально созданной комиссией во главе с министром финансов Пунтленда проведена биометрическая регистрация личного состава и полная ревизия имущества армии. Командование СОП временно отказалось от бригадной структуры и перешло на формирование оперативно-тактических групп на батальонной основе. В каждом из 5 оперативных секторов, на которые поделена территория Пунтленда, дислоцируются по 3-4 батальона и создаются учебные центры, где в течение шести месяцев проходят подготовку все вновь сформированные подразделения (см. Приложение 3). За последние два года сформировано 7 новых батальонов. Парк боевой техники СОП начал постепенно пополняться современными БТР и боевыми машинами, поставляемыми из ОАЭ в обход действующего эмбарго.

Неофициально военно-морским компонентом СОП является и так называемая морская полиция Пунтленда

(это название используется, чтобы обойти упомянутое эмбарго). Созданная в 2010 г. для борьбы с пиратами и браконьерами у северо-восточного побережья Сомали, морская полиция Пунтленда при поддержке ОАЭ и инструкторов из американских ЧВК со временем превратилась в хорошо подготовленную и вооруженную организацию с расширенными полномочиями и функциями. Ныне ее численность уже превышает 1 тыс. чел., в нее входят не только подразделения береговой охраны, но и усиленный батальон спецназа, который часто задействуется в операциях, проводимых против отрядов «Аш-Шабаб» и «Аль-Каиды», базирующихся в горах Аль-Мадоу и Аль-Мискад в провинции Бари.

В начале 2021 г. правительством Пунтленда объявлено о трехкратном повышении денежного довольствия военнослужащих СОП (до 250 долларов рядовым), хотя на практике жалование выплачивается далеко не регулярно. В бюджете Пунтленда на 2020 г. на оборону и безопасность выделяется около 60% (!) текущих расходов. Ускоренно развивая свои вооруженные силы, руководство Пунтленда не скрывает намерений проводить независимую от федеральных властей политику и вернуть себе утраченные в 2007 г. территории силовым способом, что чревато новым вооруженным конфликтом с Сомалилендом.

Процесс интеграции СНА из-за волюнтаристских решений некоторых региональных сомалийских лидеров порой даже приобретает обратный характер. Так, в июле 2018 г. администрация Джубаленда воспрепятствовала смене командующего 43-м ОС после того, как новым командующим вместо генерала Измаила «Сахардида» (выходца из огадена) был назначен генерал Али «Богмадоу» (представитель марехан). Власти Джубаленда попросту не позволили самолету с новым командующим на борту совершить посадку в аэропорту Кисмайо под предлогом того, что новый командующий был назначен президентом ФРС «без согласия администрации

Джубаленда». В результате этой провокации дислоцированные в Кисмайо подразделения 11-й пбр СНА фактически перешли под управление главы региона Ахмеда «Мадобе», а штаб 43-го ОС был временно передислоцирован в Гарбахаррей (пров. Гедо). Затем Ахмед «Мадобе» стал требовать от командования СНА вообще вывести все правительственные войска из провинции Гедо. И это вместо того, чтобы наладить взаимодействие с СНА для совместной борьбы с боевиками «Аш-Шабаб», которые контролируют половину территории Джубаленда. В декабре 2020 г. по приказу Ахмеда «Мадобе» усиленный батальон территориальных войск Джубаленда численностью около 500 человек предпринял попытку вторжения со стороны Кении в район Беледхаво для насильственной смены администрации Гедо, но встретил отпор размещенных там правительственных сил. В итоге несколько десятков боевиков были убиты, более сотни взяты в плен, а остальные во главе с бывшим министром безопасности Джубаленда Абдирашидом Джананом спустя три месяца перешли на сторону СНА. Таким образом, завершение формирования 43-го ОС пока тоже остается проблематичным.

И уж совсем нереальной представляется в настоящее время перспектива создания в составе СНА 26-го оперативного сектора со штабом в Харгейсе. Власти Сомалиленда уже 30 лет проводят независимую от Могадишо политику, направленную на достижение международного признания Республики Сомалиленд как суверенного государства. За эти годы, несмотря на фактическую политическую блокаду, они смогли обеспечить на контролируемой территории относительную стабильность и безопасность, и их явно не привлекает перспектива объединения с ФРС с ее бесконечными политическими кризисами и вооруженными конфликтами, даже с возможным приобретением при этом определенных экономических выгод. Поэтому Харгейса, несмотря на экономические трудности, продолжает развивать, по мере возможностей, соб-

ственные вооруженные силы (Национальную армию Сомалиленда – НАС), поддерживая их в готовности дать отпор любой агрессии со стороны Пунтленда или ФРС.

Согласно Конституции Республики Сомалиленд, принятой путем референдума 31 мая 2001 года, Верховным главнокомандующим НАС является президент Сомалиленда. Он же возглавляет правительство и Совет государственной безопасности, который определяет оборонную политику и стратегию развития НАС. Президент Сомалиленда также назначает министра обороны и высший командный состав НАС.

Комплектование армии Сомалиленда личным составом обеспечивается, как и в ФРС, на контрактной основе. Ныне, исходя из анализа бюджета Сомалиленда, на действительной службе в НАС состоит около 18 тыс. военнослужащих. Высшим оперативно-тактическим соединением там является бригада. Всего в НАС насчитывается до 18 бригад, различных по составу, численности и уровню подготовки личного состава (см. Приложение 4). Правда, некоторые из них не дотягивают и до нормального батальона. Наиболее боеготовой считается бригада спецназа, дислоцированная в Дарарвейнэ, тогда как новые части, формируемые на востоке республики из ополченцев дулбаханте и уарсангели, характеризуются низким уровнем боевой подготовки и морального состояния. Отмечаются случаи дезертирства и перехода отдельных подразделений на сторону Пунтленда. В высшем командном составе НАС преобладают выходцы из рода саадмуса / хабар-аваль / исак.

В военное время в подчинение ГК НАС передаются силы береговой охраны Сомалиленда, в состав которых входит 1 эскадра патрульных катеров и 3 радиолокационных поста (см. Приложение 1). Помощь Сомалиленду в их оперативной подготовке оказывают страны ЕС (в рамках программы EUCAP) и Великобритания. Благодаря налаженному взаимодействию береговой охраны Сомалиленда с военно-морской группировкой стран ЕС (EUNAVFOR)

в Аденском заливе практически прекратились случаи пиратства.

Основная часть сил и средств НАС в последние годы размещена в восточных районах Сомалиленда, где постоянно сохраняется военная напряженность и периодически вспыхивают боестолкновения с войсками Пунтленда из-за территориальных споров. Войска Восточного военного округа усиливаются частями из других военных округов и оперативных секторов на ротационной основе.

Арсенал армии Сомалиленда устарел еще больше, чем в США. На вооружении НАС имеются несколько десятков старых танков Т-55, бронетранспортеров и боевых разведывательных машин советского и итальянского производства, различные транспортные средства (всего – до 600 единиц), 21-ствольные и 40-ствольные РСЗО, гаубицы Д-30, орудия полевой артиллерии, зенитные установки типа ЗУ-2-23, минометы, ПТУРСы ВГМ-71 «ТОУ», гранатометы, различное стрелковое оружие. В последние годы запасы оружия и боеприпасов НАС пополняются путем нелегальных поставок, в основном из Эфиопии, Йемена и ОАЭ. Обновлению арсенала НАС препятствуют неурегулированность правового статуса Сомалиленда и сохраняющееся эмбарго ООН на поставки тяжелого оружия в Сомали.

Несмотря на экономические трудности, испытываемые Сомалилендом в связи с его политической изоляцией, вооруженные силы этой непризнанной республики все же постепенно развиваются. В последние годы в НАС были созданы системы оперативного управления и боевой подготовки, введены воинские звания, разработаны воинские уставы.

Ограниченную помощь Сомалиленду в подготовке военных кадров оказывают Эфиопия, Египет и Великобритания. В октябре 2020 г. состоялся первый выпуск молодых офицеров, прошедших подготовку внутри Сомалиленда (в училище им. Абдиллахи Аскара в Дарарвейнэ).

На национальную оборону и безопасность в Сомалиленде выделяется не менее 30% бюджета. В 2020 г. на армию было выделено примерно 36 млн долларов США (в пересчете по курсу 1 USD = 8500 сомалилендских шиллингов). Большая часть этих средств идет на выплату жалованья военнослужащим и расходы на оперативные нужды (ГСМ, запчасти для военной техники, боеприпасы и пр.). Тыловое обеспечение в армии Сомалиленда остается на низком уровне.

Главной задачей НАС, согласно Конституции Сомалиленда, является защита суверенитета и территориальной целостности республики. Наибольшую угрозу независимости Сомалиленда в современных условиях командование НАС видит в политике правительства Сомали, нацеленной на воссоединение всех территорий бывшей СДР в рамках ФРС, в агрессивных намерениях руководства Пунтленда, а также в проникновении в Сомалиленд террористических салафитских группировок. Поэтому в последние годы значительная часть НАС размещается в восточных районах Сомалиленда, где они пресекают попытки вторжения вооруженных формирований Пунтленда и проникновение отрядов «Аш-Шабаб». Кроме того, подразделения НАС иногда выполняют и миротворческие функции, оказывая помощь местной полиции в случае вооруженных столкновений между ополченцами разных племен, родов и общин.

Таким образом, процесс восстановления Сомалийской национальной армии протекает довольно сложно, медленно, неравномерно и еще весьма далек от завершения. Главным препятствием к возрождению единых вооруженных сил страны, способных обеспечить ее безопасность и территориальную целостность, на наш взгляд, является сохранение в сомалийском обществе давних межклановых противоречий и взаимного недоверия между политическими лидерами, властолюбивые устремления, амбициозность и местечковое мышление ряда региональных сомалийских руководителей. А между

тем, без общенациональной по духу, сильной, единой армии невозможно покончить с оставшимися в Сомали экстремистскими исламистскими группировками, восстановить в стране мир и стабильность, возродить полноценное государство.

Перечень приложений

Приложение 1. Вооруженные формирования, действующие на территории Сомали.

Приложение 2. Структура и боевой состав вооруженных сил ФРС.

Приложение 3. Структура и боевой состав Сил обороны Пунтленда (СОП).

Приложение 4. Структура и состав Национальной армии Сомалиленда.

Приложение 5. Высшее руководство СНА и других силовых ведомств Сомали.

Приложение 6. Схема административного управления федеральными силовыми структурами Сомали.

Приложение 7. Карта-схема «Федеративная Республика Сомали».

Источники информации:

Мураховский В.И. Война между Эфиопией и Сомали // интернет-сайт www.otvaga2004.ru

Воспоминания советских офицеров, проходивших службу на территории СДР в 1970-х гг. Из архива автора.

Коновалов И.П. Распад государства и гражданская война в Сомали. М., 2010.

Коновалов И.П. Сомали: бесконечность войны. М., 2013.

Алейников С.В. Политическая ситуация и проблемы национального примирения в Сомали. М., 2012.

Ахмед Абди Али. Taariikhda Ciidammada XDS («История СНА») // статья на интернет-сайте www.hiiraan.com

Осман Абдуллахи «Сол». Awoodii Qaybtii 26-tanaad ee Ciidankii Somalia Ee Lagu Burburiyey Somaliland («Боевой состав войск 26-го сектора СНА, разгромленных в Сомалиленде») // статья на интернет-сайте www.hadhwanaag.com

www.un.org – Отчеты мониторинговой группы ООН по Сомали и Эритрее (SEMG Report), брифинги Специального представителя Генерального секретаря ООН в Сомали.

www.amisom-au.org – сообщения о деятельности сил АМИСОМ и ситуации в Сомали.

www.mof.gov.so – Законы о госбюджетах ФРС на 2017–21 гг.

www.sonna.net – выпуски новостей Сомалийского национального агентства новостей о событиях в Сомали и регионе.

www.puntlandpost.net – выпуски новостей о событиях в Сомали и регионе.

www.solnanews.com – выпуски новостей Национального агентства новостей Сомалиленда о событиях в республике и регионе.

www.snaradio.so – программы «Радио СНА» (на языке сомали).

www.radiomugdisho.net – программы «Радио Могадисо» (на языке сомали).

www.somali-tv.com – программы «Национального телевидения Сомали» и других телекомпаний о событиях в стране и регионе.

www.somalimemo.co – выпуски новостей о событиях в Сомали и регионе.

www.so.wikipedia.org – справочные материалы по истории Сомали и СНА.

Страницы в соцсети Facebook: Taliska Ciidanka Xoogga Dalka Soomaaliyeed, Taliska Ciidamada Difaaca Puntland, Taliska Guud – Ciidanka Qaranka JSL и др.

Приложение 1. Вооруженные формирования, действующие на территории Сомали (по состоянию на 01.04.2021)

Принадлежность	Штатная численность*	Структура	Осн. пункты дислокации	Вооружение	Учебные центры	Примечания
Вооруженные силы Сомали (Сомалийская национальная армия – СНА): - СВ - ВМС / БОХР - ВВС	СВ – 24 тыс. в/сп (12 пехотных бригад и части центрального подчинения, включая обр. «Данаб» (Молния) «Горгор» (Орел), «14 октября» и резерв СВ; ВМС – 300 чел. ВВС – 50 чел.	ГШ – Могадишо. 6 опер. секторов: «12 апреля» – пр.ов. Бенадир; 27 – Хиран и Ср. Шабелле; 43 – Ср. и Ниж. Джуба, Гедо; 60 – Бай, Бакол, Ниж. Шабелле; 21 – Гальгудуд и Мудуг; 54 – Нугал, Бари.	Могадишо, Афгойе, Шаламбод, Балидогле, Барауэ (Ниж. Шабелле), Джоухар, Адале (Ср. Шабелле); Було-Бардэ, Беледвейнэ, Джалалакси (Хиран); Дусамареб, Ададо, Балабанале (Гальгудуд); Байдабо, Бурхакаба, Гофрудуд, Динсор (Бай); Худур, Уаджид, (Бакол), Беледхаво, Доло, Гарбахарей, Бардэрэ (Гедо), Кисмайю, Добле (Ниж. Джуба).	Бронемашины, БТР, полевая артиллерия, зенитные установки (ЗУ), минометы, стрелковое оружие (СО), несколько БЛА. Всего – до 600 автомобилей и бронемашин, до 10 катеров. Стрелковое оружие, спецтранспорт, 5 легких БЛА, спецсредства защиты и связи (в СНБР).	ВС: Джазира (ю-з окраина Могадишо), Херо-Агон (Могадишо), Балли-Догле, Байдабо, Доло, Беледвейнэ, Гелинсор, Гароуз, Доблей, Кисмайю и др. Полиция: академия им. генерала Кахие (Могадишо), школы полиции в Хоргобле, Байдабо, Гарбахаррей, Кисмайю. СНБР: Центр подготовки им. Нура Ширбоу (Могадишо).	Подготовка л/с СНА ведется инструкторами из США, ЕС, Великобритании, Турции и АМИСОМ. Подготовка офицеров СНА, СНБР и полиции – в Могадишо, Джибути, Эритрее, Турции, Катаре, Уганде, Египте и Судане.
Федеральная полиция	До 12 тыс. чел., включая отряды спецназа «Харам-ад» (Гепард).	ГШ (14 управлений) – Могадишо. Отделы полиции – во всех 18 р-нах столицы.				Подчинена МВБ.
Служба нац. безопасности и разведки	До 2 тыс.чел., включая отряды спецназа «Гашан» (Щит) и «Уаран» (Копье).					Входят в структуру Минюста.
Дисциплинарные войска (охрана тюрем и СИЗО)	Около 1,6 тыс. чел.	Штаб – Могадишо. В ФРС действуют 8 тюрем и до 80 СИЗО.	Порт и а/п Могадишо, Погранпункты.			
ФМПС	Около 600 чел.	ГУ – Могадишо.				ФМПС подчинена МВБ.

Принадлежность	Штатная численность*	Структура	Осн. пункты дислокации	Вооружение	Учебные центры	Примечания
Силы обороны Пунтленда (Ciidammada Difaaca Puntland)	До 7 тыс. в/сп. (до 12 пехотных батальонов, два бат-на спецназа, бат-н президентской гвардии, отдельные танковая рота и арtdивизион)	ШТ – Гароуз. Пять оперативных секторов: 1 – Нугал; 60 – Мудуг; 7 – Бари, Каркар; 9 – Санаг, Хайлан; 26 – Сол, Айн, Гароуз, Босасо.	Гароуз, Годод (р-н Галькайо), Барда-Дэра, Тегарэ, Джехдин (Мудуг), Бадан, Хоргобле, Тукарак, Сугурэ и др.	До десятка танков Т-55, БТР, ПА, РСЗО типа БМ-21, ЗУ, минометы, СО, спецтранспорт.	Гароуз, Хоргобле (Кардо), Абкале (Харфо, Мудуг), Бадан, Боаме.	Подчинены правительству Пунтленда. Их интеграция с СНА отложена по политическим причинам.
Силы морской полиции или БОХР (PMPF)	До 1,2 тыс. чел., включая подразделения спецназа	Штаб – Бендер-Сияд (20 км зап. Босасо)	Бендер-Сияд, Эйп, Хафун, Баргал, Искушубан, Гараад, Кандапа.	До 12 катеров, спецтранспорт, колесные БТР, 2 легких самолета и 2 вертолета.	Бендер-Сияд / Кау (пров. Бари)	Участвуют в КТО. Помощь в подготовке и МТО оказывают ОАЭ и страны НАТО. Помощь в подготовке оказывают США.
Служба безопасности и разведки (PSF)	До 600 чел.	Штаб и ГУ – в Гароуз.	Гароуз, Босасо			
Полиция	До 3 тыс. чел., включая отряд спецназа «Годир»	Всего – 49 полицейских участков.	Все адм. центры провинций.	СО.	Полицейская школа в Хоргобле (Кардо)	
Дисциплинарные войска	Около 800 чел.	В Пунтленде – 4 тюрьмы.	Гароуз, Босасо, Кардо, Галькайо	СО.		
Территориальные войска Гальмудуга	До 1 тыс. чел. (в резерве – еще до 3 тыс. чел.)	Штаб – Дусамареб	– Дусамареб, Данкаронэ (Гелинсор). - все райцентры - Хобье.	-ЗУ, минометы, РПГ, СО; спец. транспорт (до 50 ед.); - до 5 катеров.	– Гелинсор, Индакарис (45 км южнее Галькайо) - Ададо.	Создаются заново из в/ф племен хабар-гидир, суррэ и марехан.
Полиция, СБ и БОХР	До 600 чел.					
Территориальные войска Джубаленда	До 2 тыс. чел., преимущественно из племен огаден)	Штаб – севернее Кисмайо (быв. академия ВВС).	Кисмайо и райцентры пров. Ниж. Джуба. Кисмайо.	ЗУ, минометы, БТР RG-31, HMMWV и более 100 ед. автотехники.	Мадамато (р-н Кисмайо), Доблей (на границе с Кенией), Аф-Мадоу (Ниж. Джуба), Доло (Гедо).	Взаимодействуют с ВС Кении в борьбе против «Аш-Шабаб». Помощь в подготовке и оснащении оказывают Кения и ОАЭ.
Полиция СБ Президентская гвардия	До 600 чел. До 350 чел. Около 300 чел.			Стрелковое оружие		

Принадлежность	Штатная численность*	Структура	Осн. пункты дислокации	Вооружение	Учебные центры	Примечания
Территориальные войска и полиция ЮЗР	Всего – до 2,5 тыс. чел.+ 600 чел. (из племен раханвейн, бималь)	Штаб – Байдабо. Ком. – Махамед Шейх Абдуллахи	Райцентры Бай, Бакол и Ниж. Шабелле	ЗУ, минометы, РПГ, СО; спец. автотехника.	Байдабо, Худдур, Дайнунай (Бай), Эль-Джалле (Ниж. Шабелле).	Создаются при содействии Эфиопии и Великобритании.
Муниципальная полиция Хиршабелле	До 600 чел.	Штаб – Джоухар.	Джоухар и райцентры ФР.	Стрелковое оружие.	Джоухар	В 2020 г. начато создание территориальных войск ФР
Муниципальная полиция и служба безоп. пров. Бенадир	До 2,5 тыс. чел. (преимущественно из хавие)	Штаб – мэрия Могадишо.	Все 18 районов Могадишо.	Стрелковое оружие.	Полицейская академия им. генерала Кахие	Находятся в подчинении мэра Могадишо и начальника городской полиции
Вооруженные формирования организации «Аш-Шабаб»	Всего – около 8 тыс. боевиков, включая отряды моджахедов (джабхат), «силы исламского правосорядка» (хизба), «налоговой полиции» (закават) и разведывательно-диверсионные группы «службы безопасности» (амнияд).	Полевой штаб – р-н Джиглиб (Средняя Джуба) Сектора б/д: – юг – Ср. и Ниж. Джуба, Сев.-Вост. Кения); - центр – Хиран, Гальгудуд, Мудуг); - юго-восток – (Бенадир и Ниж. Шабелле); - юго-запад – Гедо, Бай, Бакол); - северо-восток – (пров. Бари); - С.-В. Кения.	Сакоу, Буале, Джиглиб, Джамамэ (долина Джубы); р-ны Куртунварей, Барауэ, Саблале (Ниж. Шабелле); р-ны Динсор, Бурхакаба (Бай); р-н Беледвейнз; Эль-Дэр, Эль-Бур, Гальхарэри (Гальгудуд), р-н Галгалла (Бари); р-ны Гариса; р-н Мандера, Эль-Уак (С.-В. Кения)	До 50 БТР, зенитные установки, минометы, различные типы управляемых мин, РПГ, стрелковое оружие; до 200 пикапов и 10 моторных лодок с пулеметами.	Районы Буале, Джиглиб (Сред. Джуба), Бурта-Кумба/Джамамэ, Камсума (Ниж. Джуба), Торо-Торо, Амбаресо (Ниж. Шабелле), Эль-Аддэ (Гедо), Бур-Хайбэ (Бай), Эль-Дэр (Гальгудуд), Расо (Хиран), Галгалла (Бари) и др. Всего – до 30 лагерей. Цикл подготовки – 4–6 мес.	Этнически боевики представлены сомалийскими племенами раханвейн, хавие, дарод (примерно по 25%), дир и джарэвейне (по 10%), а также иностранными гражданами (из Кения, Эфиопии, Йемена, Танзании, Ближнего Востока)
Национальная армия Сомалиленда (НАС)	До 18 тыс. в/сп. Высшее ОТС – бригада. Всего – до 18 неполных бригад.	ГШ – Харгейса. Военные округа: - Центральный (штаб – Харгейса) - Западный (штаб Борама), - Восточный (штаб – Бурьо). ГУ – Харгейса.	Харгейса, Дарар, Джирри (Аудал), Бали-Губадле, Ор (Сарар), Лас-Анод, Корилугуд, Эригабо, Бурьо и др.	Танки Т-55, «Центурион», М-47, БТР-50, БРДМ-2, Фиат-6614 (до 100 ед.); РСЗО БМ-21, ПТУРС «Тоу», ПА; ЗУ, минометы, СО.	Шейх (Сахиль), Дарарвейне (Мародиджех), Горая-Аул (Аудал), Билин (Санар), Самокаб (пров. Сол)	В УЦ одновременно проходят подготовку до 800 в/сп. Часть командного состава обучается за рубежом (в Эфиопии, Египте и Великобритании).

Принадлежность	Штатная численность*	Структура	Осн. пункты дислокации	Вооружение	Учебные центры	Примечания
Полиция	Около 6 тыс. чел.	Всего 75 участков и 95 опорных пунктов.	Все крупные населенные пункты.	Стрелковое оружие.	Лихле (Мандера, пров. Сахиль)	Помощь в подготовке и оснащении полиции оказывают UNDP, UNODC, страны ЕС и Великобритания.
Разведслужба	До 500 чел.	Штаб – Харгейса.				
Президентская гвардия	Около 450 чел.					
Дисциплинарные войска	Около 1,8 тыс. чел.	Штаб – Харгейса.	Центр. тюрьма – Мандера. Всего в тюрьмах Сомалиленда ≈ 3 тыс. заключенных.	Стрелковое оружие.		Подчинены Минюсту.
Береговая охрана (морская полиция)	Около 600 чел., вкл. 1 эскадру патрульных катеров	Штаб – Харгейса, ОЦ – Бербера; три базы: 1 – Бербера, 2 – Зейла, 3 – Майд, 12 постов.	Посты: Бербера, Майд, Зейла, Лугхая, Хис, Лас-Сурад, Карин и др.	12 катеров; 3 РЛС; стрелковое оружие.	Бербера	Формально входит в структуру МВД. Взаимодействует с EUNAVFOR в рамках программы EUCAP.
Пограничные войска	Около 300 чел.	Штаб – Харгейса.	Посты: Уаджале и Лоуя-Адо.			
Иностраные воинские контингенты (без учета военно-морских группировок у берегов Сомали)						
Миротворческие силы Африканского Союза AMISOM (AMISOM)	До 18,6 тыс. в/сл из Уганды (до 6 тыс.), Бурунди (до 3,5 тыс.), Эфиопии (до 5 тыс.), Кении (до 3,5 тыс.) и Джибути (до 1 тыс.) + 1 тыс. полицейских из Уганды, Ганы Нигерии, Кении, Замбии, Египта и Сьерра-Леоне. Руководитель AMISOM – Франциско Мадейра. Главком – генерал Диомед Ндегея (Diomed Ndegeya).	КЦ – Халанэ, р-н а/п Могадишо. Опер. сектора: 1-Бенадир и Ниж. Шабелле – около 6 тыс. в/с Уганды; 2- Ср. и Ниж. Джуба – до 3 тыс. в/с Кении; 3 – Гедо, Бай, Бакол – до 4 тыс. в/с из Эфиопии; 4 – Хиран, Гальмудуг – до 2,5 тыс. в/с из Джибути и Эфиопии; 5 – Бенадир и Ср. Шабелле – до 4 тыс. в/с Бурунди; 6 – Кисмайю – до 1,5 тыс. в/с из Кении и Эфиопии	1. Могадишо, Афройе, Баллидогле, Лего, Шаламбод, Мерка, Барауз, 2Доблей, Кокани, Афмадоу, Було-Гудуд, Хосингоу, 3. Байдабо, Бурхакаба, Уаджид, Кансахдэре, Лук, Гарбахаррей, Худур, Динсор, Бардэре. 4. Беледвейне, Булабурде, Джалалакси, Махас, Дусамарэб. 5. Джоухар, Балъад, Адале, Эль-Барарф, Махадай. 6. Кисмайю.	Различные танки, БТР, БМП, БПЛА, РСЗО БМ-21, минометы, стрелковое оружие. До 5 вертолетов «Хьюи-2» и несколько разведывательных БПЛА (арендованы у ВС США).	Учебные центры – на территории стран-участниц. Подготовку осуществляют и лагерям исламистов. Войска США, Великобритании и др. страны НАТО.	В Сомали – с 2007 г. В борьбе с «Аш-Шабаб» взаимодействуют с США и терр. войсками ФР. БПЛА ВВС США ведут воздушную разведку и регулярно наносят ракетные удары по главарям и лагерям исламистов. Войска AMISOM также поддерживаются боевой авиацией Кении. Получают финансовую и военно-техническую помощь из США и ЕС (через UNSOA). Вывод AMISOM из Сомали намечен на 2021 г.

Принадлежность	Штатная численность*	Структура	Осн. пункты дислокации	Вооружение	Учебные центры	Примечания
Военная миссия США в Сомали, включая Координационный центр ВС США в Могадишо (МСС)	Общая числ. – около 150 чел. (сокращена с 800 чел. в декабре 2020 года)	Миссия включает: - группу военных советников - разведцентр - взвод охраны - отряд БГЛА (?)	МО Сомали, аэропорты Могадишо и Босасо (?).	Комплекс радио-электр. разведки, несколько БТР и БГЛА (?)		Большая часть л/с и военной техники ВС США выведена из Сомали в Джибути и Кению согласно распоряжению президента США.
Объединенная военная миссия ЕС (EUTM Somalia)	До 200 в/сп из десяти стран ЕС	2 группы военных советников. - группа военных инструкторов - 3 взвода охраны	- Могадишо (МО и ГК СНА) - Джазира, Кисмайо	До 10 БТР и бронемашин, стрелковое оружие.		Группа EUTMS работает с 2010 г. Подготовку прошли более 7 тыс. в/сп СНА
Военная миссия Великобр.	До 100 чел.	26 инструкторов, взвод охраны, инж.-сапер. взвод	УЦ Байдабо (BSTC)	Несколько БТР и СО; инж.-стр. техника		Подготовка л/с СНА ведется с 2019 г. поротно в теч. 2 мес.
Военная миссия Турции в Сомали	Около 300 чел.	- группа советников - группа военных инструкторов - две роты охраны.	1. Турецкое посольство. 2. УЦ в Джазире	До 20 БТР, РЛС артиллерийской разведки; СО.		УЦ открыт 30.9.17. Подготовка ведется побатальонно в течение 5 мес.

Примечание: Численность силовых структур ФРС приведена согласно бюджету на 2020 год (реальная численность может быть меньше примерно на 10–15%). В данной таблице не учитываются различные ЧВК, ЧОП, мелкие партизанские отряды, а также отряды ополчения, которые в случае необходимости могут быстро собраться в каждом сомалийском племени.

Приложение 2. Структура и боевой состав вооруженных сил ФРС (по состоянию на 01.04.2021)

Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Примерная численность и этнический состав	Командный состав
ГК ВС Сомали ГШ (включает 15 управлений) - штаб СВ - штаб ВМС - штаб ВВС	Центральные, северо-восточные и южные провинции Сомали, разделенные на шесть оперативных секторов: «12 апреля» – Бенадир, 43 – ФР Джубаленд, 60 – ЮЗР, 27 – ФР Хиршабелле, 21 – ФР Гальмудуг, 54 – ФР Пунтленд.	- Могадिशо («Вилла Байдабо», р-н Медина) - Могадिशо (р-н Хаул-Уадаг) - Могадिशо (р-н Хаул-Уадаг) - Могадिशо (р-н Хамарвейне, старый порт) - Могадिशо (Афисьени, территория аэропорта)	Общая численность л/с ГШ-около 300 в/сл (60% офицеров и генералов представляют племена хавие, 30% – племена дарод, остальные – дир, раханвейн и этнические меньшинства). - 50 чел. (+ 250 чел. БОХР) - 150 чел.	Главком ВС – бр. г-л Одава Юсуф Раге (из абгаль), его зам. и НГШ – бр. г-л Абас Амин Али (из раханвейн), - главком СВ – бр. г-л Махамед Тахлиль Бири (из марехан), его зам. – бр. г-л Хуссейн Хош Али - ком. ВМС – адм. Абдихамид Махамед Дирир (из маджертен) - ком. ВВС – бр. г-л Махмуд Шейх Али «Дабле»
Части центрального подчинения: - 60 бат-н президентской гвардии - 37 б-н обеспеч. МО - 38 б-н обеспечения ГК СНА - 32 отд. тех. б-н - 59 отд. трансп. б-н - 89 отд. б-н тыла - 64 медсанбат - Центральный склад оружия и боеприпасов	Центральные и южные провинции Сомали	- Могадिशо («Вилла-Сомалия») - Могадिशо, Дайниле - Могадिशо («Вилла-Байдабо», Халанэ) - Могадिशо (Дайниле) - Могадिशо, автобаза МО - Могадिशо, центральный склад МТО - Могадिशо, центральный госпиталь МО - Могадिशо (Халанэ)	До 8 тыс. в/сл (смешанный состав): - 450 в/сл (из племен абгаль и марехан) - до 300 в/сл (из хавие) - до 300 в/сл (из племен абгаль и хабар-гидир) - до 300 в/сл - до 300 в/сл - до 250 в/сл - до 250 в/сл - до 250 в/сл	Ком. – п/п-к Хасан Адам Диис (из исак)
- 16 обр спецназа «Данаб» (четыре б-на): - 4 б-н - 5 б-н - 6 б-н - 7 б-н	Южные и центральные провинции Сомали: - Юго-Западный регион - ФР Джубаленд - ФР Гальмудуг - ФР Хиршабелле	Штаб – Баллидогле (р-н Уанлавейн, Н. Шабелле) - Баллидогле - Кисмайю - Галькайо - Джоухар	- до 1200 в/сл (смешанный этнический состав)	Ком. – м-р Ахмед А. Нур «Берьяре» (из мурусадэ), тяжело ранен 17.1.21. ВРИО – к-н Хасан Махамед Осман «Турэ» (ком. 7 б-на)

Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Примерная численность и этнический состав	Командный состав
- 17 обр спецназа «Горгор» (семь б-нов): - 1 б-н («Бирджех») - 3 б-н - 9 б-н («Гафдид») - 15 б-н - бригада резерва ГК (формируется) - 5 б-н - 6 б-н - 7 б-н	Южные и центральные провинции Сомали - пров. Ниж. Шабелле - пров. Ниж. Шабелле - пров. Гедо - пров. Гальгудуд - пров. Бенадир	Штаб – Могадишо (р-н Ходан, Херо-Даманье) - р-н Мерка - Аудэгле (?) - Беледхаво - Дусамареб - Могадишо (Даманье), часть подразделений – на подготовке в Турции	- до 1,5 тыс. в/сл (смешанный этнический состав) - до 1 тыс. в/сл сил спецназа (смешанный этнический состав)	Ком. – п-к Даях Абди Абдулле (из харти), НШ – к-н Мухудин Ахмед Махмуд.
- обр «14 октября» (шесть б-нов): - 66 исб «Далдис» - 143 б-н - 53 б-н - 83 б-н - 84 б-н - 14 б-н	Пров. Ниж. Шабелле	Штаб – Джанале (сев.-зап. Мерка) - Аудэгле - Барирэ - Аноле, Сабид - Джаннале - Джаннале - Мерка	- до 2 тыс. в/сл (смешанный этнический состав)	Ком. – п-к Уарсамэ Махамед Дирие (из огаден), НШ – м-р Абди Али Рагэ (из хабар-гидир).
Сектор «12 апреля» - 1 пбр (31 и 32 б-ны)	Бенадир и соседние р-ны Ниж. и Ср. Шабелле Пров. Бенадир и Ниж. Шабелле	Штаб – Могадишо (р-н Ходан, Даманье) - Эль-Салини (50 км зап. Могадишо), аэродром Северный Могадишо	До 1 тыс. в/сл (из племен хавие) - до 700 в/сл (из хабаргидир/хавие)	Ком. – бр.г-л Тауанэ Ахмед «Гурей» (из хавадле). Ком. – п-к Хасан М. Абукар «Джамии» (из хабар-гидир), НШ – п-к Махамед Кататоу
43 сектор - 11 пбр (56, 57, 58 б-ны) - 10 пбр (48, 49, 50 б-ны)	ФР Джубаленд Пров. Ниж. Джуба Пров. Гедо	Штаб – Кисмайо (временно – Гарбахаррей) - Кисмайо, Бар-Сунгуни, Гобвейн, Доблей - Бурдубо, Бардэрэ, Гарбахарей, Беледхаво	До 2,2 тыс. в/с (из абсамэ и марехан) - до 1 в/сл (из абсамэ и других племён) - до 1,2 тыс. в/с (из марехан + раханвейн)	Ком. – бр. г-л Али Махамед Махмуд «Богмадоу» Ком. – п-к Махамед Бадал Хасан (из огаден) Ком. – п-к Абдирашид Саид Абди «Кодже» (с 19.1.21)

Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Примерная численность и этнический состав	Командный состав
60 сектор: - 6 пбр (18, 25, 26 б-ны) - 7 пбр (34, 35, 64 б-ны) - 8 пбр (45, 46, 47 б-ны) - 9 пбр (260 и др. б-ны) - окружной госпиталь	ЮЗР (пров. Бай, Бакол, Ниж. Шабелле, исключая район Афгойе) Южная часть пров. Ниж. Шабелле Северная часть пров. Ниж. Шабелле Пров. Бай Пров. Бакол	Штаб – Байдабо (пров. Бай) - Ланта-Буро, Барауз, Шаламбод - Афгойе, Уанлавейн, Лего - Байдабо, Гофгудуд-Бурей, Дайнунай. - Худур, Уаджид, Тиеглоу. - Байдабо	До 4 тыс. в/сл (из раханвейн, хавие, бималь) - до 1 тыс. в/сл (из хабар-гидир/хавие) - до 1 тыс. в/сл (из хабар-гидир и абгаль) - до 1 тыс. в/сл (из раханвейн и хавие) - до 1 тыс. в/сл (из раханвейн и абсамэ) - около 50 чел.	Ком. – бр. г-л Махамед Шейх Абдуллахи «Ирро» (из раханвейн), НШ – п-к Ибрагим «Тифоу». Ком. – бр. г-л Адам «Лабаафле» (из хабар-гидир) Ком. – п/п-к Омар Абдирахман Абукар (из абгаль) Ком. – м-р Махамед Нур Махамед (из мирифле) Ком. п/п-к Али Ибрагим Исак «Хаббад» (с 12.11.20)
21 сектор: - 13 пбр (43, 55 б-ны) - 15 пбр (71, 72, 73 б-ны)	ФР Гальмудуг - сев. и вост. часть Гальмудуга - южная и вост. часть пров. Гальгудуд	Штаб – Дусамареб. - Ададо, Абдуаук, Херале, Баадвейнэ (Мудуг) - Дусамареб, Гуриэль, Баланбале, Эль-Дэрэ (Гальгудуд)	До 2 тыс. в/сл (преимущественно из хавие) - до 1 тыс. в/сл (из хабаргидир и суррэ) - до 1 тыс. в/сл (из быв. ополченцев АСУД)	Ком. – бр. г-л Махамед Адоу Али «Санка», его зам. – п-к Фарах Али Артан «Хирей» Ком. – п/п-к Абдирахман Маалин «Тимадэрэ» Ком. – бр. г-л Масуд Махамед Уарсамэ (из АСУД), НШ – м-р Абдисамад Муса.
27 сектор - 5 пбр (41 и др. б-ны) - 4 пбр (12, 30 и 52 б-ны) - 3 пбр (19, 21 и 23 б-ны) - окружной госпиталь	ФР Хиршабелле - пров. Хиран - пров. Сред. Шабелле (сев. и вост. часть) - южная часть пров. Сред. Шабелле	Штаб – Будобурдэ (пров. Хиран) Беледвейнэ/Ламагалай, Булобурдэ, Джалалакси - Джоухар, Махадай, Адале, Раге-Элле - р-н Балъад, Хилвейнэ, КМ-20. - Ламагалай, Беледвейнэ	До 3 тыс. чел. (из хавие + джарэ-рвейнэ) - до 1 тыс. в/сл (из хавадле и гальджеэль) - до 1 тыс. в/сл (из абгаль) - до 1 тыс. в/сл (из абгаль) - около 50 чел.	Ком. – бр. г-л Ахмед Маха-мед Аласоу «Таредишо» (из абгаль), НШ – бр. г-л Салах Муса Комей (гальджеэль). Ком. – п-к Махамуд Хасан Ибрагим «Бакай». НШ – п-к Абдуллахи Баррэ Ильми. Ком. – п-к Саней Абдулле Нур «Габ» (из абгаль). Ком. – п-к Абшир Махмуд Махамед «Шотокей».

Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Примерная численность и этнический состав	Командный состав
54 сектор (формирование, начатое в декабре 2017 г., остановлено)	ФР Пунтленд	Штаб – Гароуз	Около 2,4 тыс. вс/сп (остаются в составе Сил обороны Пунтленда)	Ком. – бр.г-л Авиль Ахмед Юсуф
<p><i>Учебные центры СНА:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - ГУЦ им. г-ла Абдика-рима «Дегабадана» - Центральные офицерские курсы - Турецкий УЦ «Турксом» - Школа подготовки водителей и техников - УЦ сил спецназ «Данаб» («Гроза») <p>Окружные УЦ:</p> <ul style="list-style-type: none"> - УЦ им. г-ла Гордона - УЦ 60-го сектора - УЦ 43-го сектора - УЦ 21-го сектора - УЦ 54-го сектора - УЦ 27-го сектора 	<p>Центральные и южные провинции Сомали</p> <p>Сектор «12 апреля»</p> <p>Сектор 60</p> <p>Сектор 43</p> <p>Сектор 21</p> <p>Сектор 54</p> <p>Сектор 27</p>	<ul style="list-style-type: none"> - Джазира (юго-западная окраина Могадишо) - Могадишо (р-н Ходан) - Джазира - Могадишо (р-н Уададжир). - а/б Балли-Догле (р-н Уанлавейн, Нижняя Шабелле) - Херо-Агон, Даманье (Могадишо). - Байдабо, а/п Байдабо. - Кисмайо, Добле, Бардэрэ, Доло. - Харкабобэ (Гуриэль), Херо-Арурис. - Гароуз. - Беледвейнэ, Хилвейнэ / Бальад. 	<p>Одновременно в учебных центрах проходят подготовку до 1000 в/сп, включая курсантов и младший офицерский состав.</p>	<p>Нач. – бр. г-л Махамед Махмуд «Саней» (из хабаргидир). Инструкторы из США и стран ЕС.</p> <p>Нач. – п-к Махамед Ясин (из дарод). Инструкторы из Турции.</p> <p>До 2021 г. были инструкторы из США.</p> <p>Инструкторы из Великобритании и Эфиопии. Инструкторы из Кении и Эфиопии.</p> <p>Инструкторы из Джибути.</p>

Приложение 3. Структура и боевой состав Сил обороны Пунтленда (СОП)

Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Оценочная численность	Командный состав
ГК / ГШ Сил обороны Пунтленда, вкл. 6 ГУ (л/с, оперативное, боевой подготовки, транспортное, тыла и финансовое)	Вся территория Пунтленда разделена на 5 оперативных секторов (ОС): 1, 7, 9, 26 и 60 ОС	Бихин (Гароуз, бывший штаб 54-го сектора СНА)	До 150 чел.	Главком – див. г-л Ясин Омар «Дэрэ», его 1-й зам. – бр. г-л Саид Шодэ, 2-й зам. – бр. г-л Ахмед Али Салад Фарах.
- штаб 1-го ОС : - б-н охраны президента ФР - 54 отд. б-н - склады МТО - автобаза СОП	Территория пров. Нугал	- Гароуз - Гароуз - Гароуз - Гароуз - Гароуз	Всего – до 1,2 тыс. чел.	Ком. – бр. г-л Махмуд Махамед Ахмед «Губадле» Ком. – п-к Абдикадир Джама Дирир (с 10.08.2020)
- штаб 60-го ОС ; - три пехотных батальона (включая б-ны «Гамадид» и «Бирджех») - резерв СОП: - танковая рота - арт. дивизион - учебные центры: - УЦ им. генерала Арейса - новый УЦ Абкале	Территория пров. Мудуг	- Годод (30 км вост. Галькайо). - Джехдин (р-н Галькайо); Барда-Дэрэ, Тераге; Сабан-Садада, Гано-Фазле (восток) - Синай (р-н Галькайо) - Годод (р-н Галькайо) - Абкале (р-н Харфо)	Всего – до 1,5 тыс. чел.	Ком. – бр. г-л Махамед Муса Хирси Ком. – п/п-к Абди Адам «Шалако»
- штаб 7-го ОС ; - три пехотных батальона (вкл. б-н спецназа «Галайр») - учебный центр	Территория пров. Бари и Каркар	- Босасо - Босасо, Аф-Урур, Галгала - Хоргобле (Кардо)	Всего – до 1,4 тыс. чел.	Ком. – п-к Адам Абди Хаши
- штаб 9-го ОС ; - три пехотных батальона (вкл. пб «Либин-сидэ»); - УЦ им. г-ла Грина	Территория пров. Санаг и Хайлан	- Бадан - Бадан, Хадафtimo, Эль-Бух, Хингалол - Бадан	Всего – до 1,4 тыс. чел.	Ком. – п-к Абдуллахи Умар Ашур Нач. – п/п-к Сахал Фарах Раре
- штаб 26-го ОС - три пехотных батальона учеб. центр им. п-ка Махашвана*	Территория пров. Сол и Айн	- Боамэ - Год-Кабобэ (вост. Тукарак), Боамэ (Сол), Уир-Уир (Айн) - Онкдле (Сол)	Всего – до 1,2 чел.	Ком. – п-к Абдирахман «Афвейнэ» <i>*Завершается подготовка к открытию УЦ</i>

Приложение 4. Структура и состав Национальной армии Сомалиленда (по состоянию на 01.06.2020, сведения – неполные)

Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Оценочная численность	Командный состав
ГШ и ГК НАС	Вся территория Сомалиленда, разделена на четыре военных округа и несколько ОС	Харгейса (р-н Бирджих)	До 300 чел.	Главком – див. г-л Нух Измаил Тани (из саад-муса/хабар-аваль), НГШ – бр. г-л Абдирисак Саид Буллале «Афгудуд» (из самарон).
Части центрального подчинения				
Войска ГК НАС (резерв):	Вся территория Сомалиленда	Харгейса, Дарарвейно, Бендер-Уанга, Соданта	До 3 тыс. чел.	Ком. – гнк Абдуллахи Ибрагим Хасан.
#обр спецназ	Вся территория Сомалиленда	Дарарвейно (один б-н переброшен в Тукарак)	До 1 тыс. чел.	
#отд. бронетанковый батальон	Вся территория Сомалиленда	Дарарвейно (18 км сев.-вост. Харгейсы)	До 300 чел.	
#адн	Вся территория Сомалиленда	Соданта (р-н Харгейса). Батарея РСЗО переброшена в Тукарак (Соп).	До 300 чел.	Гнк Али Авале
Отд. инженерно-саперный б-н	Вся территория Сомалиленда	Р-н Харгейса	До 300 чел.	
Отд. инженерно-строит. батальон	Вся территория Сомалиленда	Р-н Харгейса	До 300 чел.	
Училище НАС им. Абдуллахи Аскара	Обучается до 100 курсантов в теч. 1 года.	Дарарвейно	До 100 чел.	Начальник – гнк Махмуд Махамед Сардара.
Школа унтер-офицеров «Хараг-Уафи»	Обучается до 100 курсантов в теч. 6 мес.	Дарарвейно		Начальник – гнк Амир Саид Дирие
Арсенал НАС		Р-н Харгейса	До 100 чел.	
Центр. автобаза		Харгейса	До 100 чел.	
Центр. склад МТО		Харгейса	До 100 чел.	
Ремонт. мастерские		Харгейса	До 100 чел.	
Центр. госпиталь		Харгейса (р-н Бирджих)	До 50 чел.	Нач. – м-р Махамед Джама
Военные округа и оперативные сектора				
Центральный ВО (31-й сектор)	Пров. Мародиджих, Дад-Марэр, Хауд	Штаб – Харгейса (р-н Бирджих)	До 4 тыс. чел.	Ком. – гнк Измаил Фарах Авале «Донал» (из арап)
3 пбр*		Один б-н – в Тукарак	До 1 тыс. ч.	
4 пбр*		Один б-н – в Тукарак	До 1 тыс. ч.	
5 пбр	Пров. Мародиджих	Аддалей (Мародиджих)	До 1 тыс. ч.	
6 пбр	Пров. Дад-Марэр	Одвейно (Дад-Марэр)	До 1 тыс. ч.	
Окружной УЦ		Шейх (пров. Сахиль)	До 100 чел.	
Западный ВО (91-й сектор)	Пров. Сагал, Аудал и Габилей	Штаб – Горое-Аул (юго-вост. Борама, Аудал)	До 2 тыс. чел.	Ком. – бр. г-л Хасан Абди «Акли»

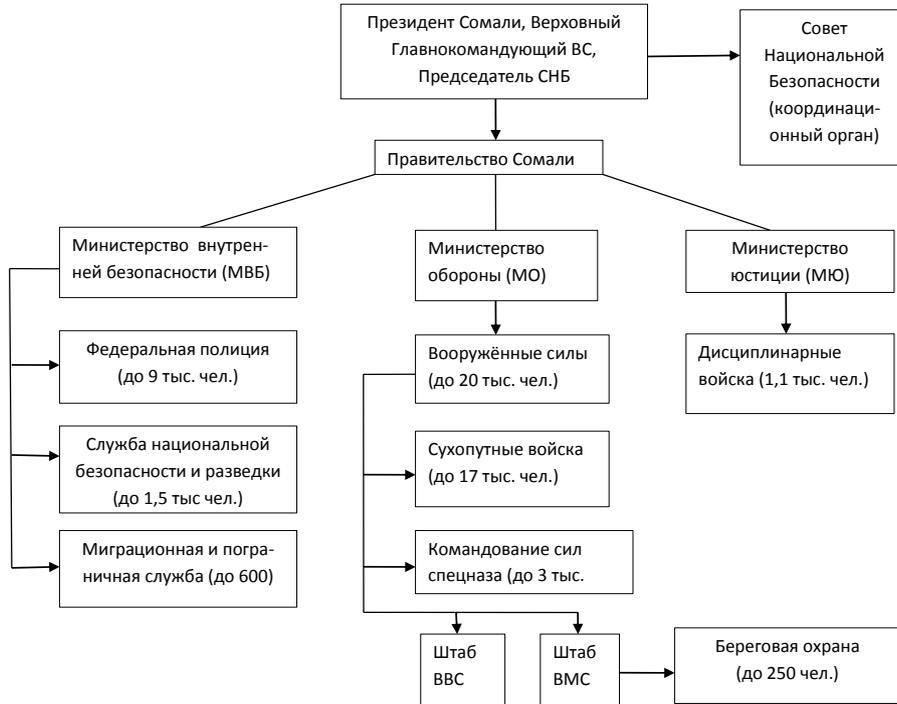
Органы управления, соединения и части	Зоны ответственности	Пункты дислокации	Оценочная численность	Командный состав
19 пбр	Пров. Аудал	Горое-Аул, Харирад (1 б-н – временно в ЮОбе, Санаг)	До 1 тыс. ч.	
99 пбр	Пров. Габилей	Временно – в пров. Сол.	До 800 чел.	П-к Абдинасир «Агоджид»
Склад оружия		Джиди (Аудал)	До 100 чел.	
Окружной УЦ		Горое-Аул (Аудал)	До 50 чел.	
Окр. госпиталь		Борама	До 50 чел.	
Восточный военный округ	Пров. Тогдэр, Сарар, Буходле (Айн), Санаг, Сол, Бадан, Хайсимо	Штаб – Бурьо (Тогдэр), передовой КП – Тукарак	До 7,5 тыс. чел.	Командующий – бр. г-л Али Баррэ Хусейн, НШ – г-к Абдуллахи Суфи Ахмед
3-й сектор	Пров. Санаг и Бадан	Штаб – Эригабо (пров. Санаг)	До 50 чел.	Ком. – бр. г-л Муса Джамма Далаф
12 пбр	Зап. Санаг	Бие-Гудуд (р-н Эригабо), Эль-Афвейн	До 800 чел.	Комбриг – г-к Абдириасак Махамед Фарах «Нафьяр»
15 пбр	Южный Санаг	Гарадаг, Шимбирале	До 800 чел.	П-к Салах Хирси «Дагасол»
25 пбр	Северный Санаг	Р-н Эригабо, Лас-Корай	До 800 чел.	П-к Махамед Салах Тусбахле
93 пбр (формируется из ополченцев)	Пров. Бадан	Дахар, Барагахакол, Хингалол	До 400 чел.	Комбриг – г-к Хусейн «Дэрэ»
116 пбр (форм. из ополченцев)	Пров. Бадан	Армале, Эль-Бух	До 400 чел.	
117 пбр (форм. из ополченцев)	Пров. Бадан	Р-н Бадан, Хадафтимо	До 400 чел.	
Окружной УЦ		Бихин (западнее Эригабо)	До 50 чел.	М-р Ахмед Али Дух
12-й сектор	Пров. Тогдэр и Сарар	Штаб – Бурьо (пров. Тогдэр)	До 50 чел.	Ком. – г-к Ахмед Хуррэ Харие, НШ – п-г-к Кейд Осман Махамед
17 пбр	Пров. Сарар	Ог (вост. Айнабо)	До 800 чел.	
? пбр	Пров. Тогдэр	Р-н Бурьо	До 800 чел.	
Окр. госпиталь		Бурьо	До 50 чел.	
7-й сектор	Пров. Сол, Хайсимо, Айн	Штаб – Лас-Анод	До 50 чел.	Ком. - г-к Махад Амбаше Ильми
2 пбр (усилена артиллерией)	Пров. Сол	Ари-Адейе, Гамбара, Тукарак (Сол)	До 1 тыс. чел.	Ком. – г-к Махмуд Махамед Хусейн «Гаама-дэрэ»
11 пбр	Пров. Буходле	Корилугуд	До 800 чел.	
130 пбр (форм. из ополченцев)	Пров. Буходле	Буходле, Корилугуд, Майгаме	До 300 чел.	Ком. – г-к Абдуллахи «Дегавейна»
Окр. УЦ	Пров. Сол, Сарар, Айн	Самокаб (пров. Сол)	До 50 чел.	Нач. – п-г-к Ахмед Булале
Приморский ВО (Aagga xeebta)	Побережье Сомалиленда	Штаб – Бербера	Около 2 тыс. чел.	
1 гарнизон	Сев.-зап. побережье	Штаб – Гериса (Зейла)		Ком. – г-к Юсуф Иман Дирие
1 отд. б-н	Сев.-зап. побережье	Мадах-Дадлай (р-н Зейла)	До 300 чел.	
18 пбр	Сев.-зап. побережье (120 км)	Лухая, Фугухо, Барисле (Лауя-Аддо)	До 800 чел.	П-г-к Баше Фанак
? гарнизон	Побережье Сахиль	Штаб – Бербера	До 800 чел.	
? гарнизон	Побережье Санаг	Штаб – Майд	До 300 чел.	

Приложение 5. Высшее руководство СНА и других силовых ведомств Сомали

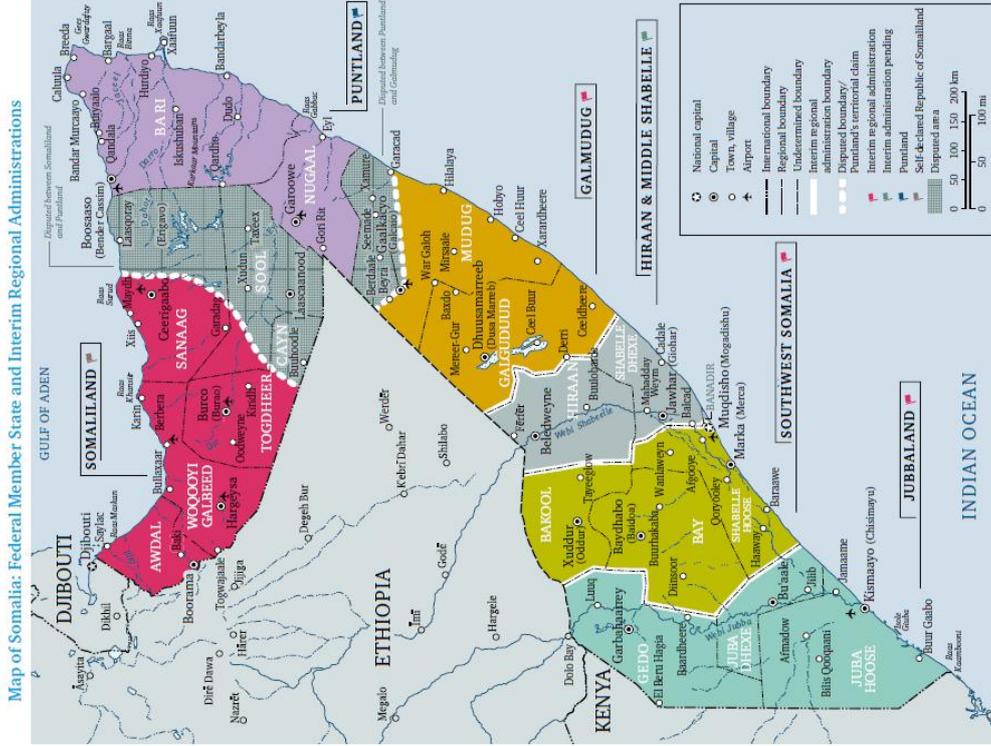
Должность	Имя в русской транскрипции	Имя в сомалийской транскрипции	Краткие сведения о руководителе
Руководители федерального уровня			
Президент ФРС, Верховный главнокомандующий ВС, Председатель СНБ	Махамед Абдуллахи Махамед «Фармаджо»	Maxamed C/laahi Maxamed (Farmaajo)	Родился в 1962 г. в Могадишо, происходит из рода рэр-дини/ марехан/дарод. С 1981 г. работал в финансовом отделе МИД Сомали. В 1985–89 гг. был 2-м секретарем посольства СДР в США. В 1989–93 гг. учился на историческом факультете университета штата Нью-Йорк в Буффало. В 1990-х и 2000-х гг. работал в муниципалитетах Буффало и Нью-Йорка. С октября 2010 г. по июнь 2011 г. – премьер-министр ВФП Сомали. В 2011 г. создал политическую партию Сомали – «За справедливость и равенство» (Taayo). Президентом ФРС избран 7.2.17 сроком на 4 года. После вступления на пост отказался от гражданства США. Осторожный, но целеустремленный политик.
Министр обороны (член СНБ)	Хасан Хуссейн Хаджи	Xasan Xuseen Xaji	Происходит из племени гарр/дигиль. Назначен 19.10.20.
Министр внутр. безопасности (член СНБ)	Хасан Хундубей Джимьале	Xasan Xundubey Jimcale	Происходит из племени абгаль/мудулуд/хавие. Ранее работал в МИД Сомали. Назначен 19.10.20.
Главнокомандующий СНА	Бр. г-л Одова Юсуф Раге	Odoowe Yuusuf Raage	1987 г.р. Происходит из племени абгаль. В СНА с 2006 г. Военное образование получал в Уганде и Турции. За 10 лет дослужился от лейтенанта до бр. г-ла, став 22.8.19 главноком СНА. Ранее занимал должности начальника президентской гвардии, начальника ГШ, главнокома СВ СНА. Умелый оратор.
Начальник ГШ	Бр. г-л Абас Амин Али	Cabas Amin Cali	Происходит из раханвейн.
Начальник федеральной полиции	Див. г-л Абди Хасан Махамед «Хаджар»	Cabdi Xassan Maxamed (Xajaar)	Родился в пров. Сол в 1953 г. В/о получил в университете Могадишо. С 1977 г. служил в СНА. Проходил спецподготовку в США и ФРГ. В 2007–2008 гг. был НГШ СНА, затем – военным атташе ФРС в Саудовской Аравии. Полицию возглавил с 22.8.19.
Директор СНБР	Фахад Ясин хаджи Дахир	Fahad Yaasiin Xaaji Daahir	Происходит из рода рэр-аухасан/шехаль. Получил религиозное образование в Сомали и на Ближнем Востоке. Бывший корреспондент «Аль-Джазиры» и редактор сайта Somalitalk. В молодости был членом «Исламского союза», затем – «Дам-уль-Джадид». Ныне соратник президента Фармаджо, помог ему победить на выборах 2017 г. и возглавил аппарат президента. 15.8.18 назначен заместителем директора СНБР, а через год – директором СНБР. Поддерживает контакты со спецслужбами США, Катара и Турции. Трудолюбив, сдержан.
Командующий дисциплинарными войсками	Бр. г-л Махад Абдирахман Адам	Mahad C/rahmaan Aadan	Назначен в апреле 2019 г. Ранее был начальником полиции ЮЗР. Происходит из раханвейн. Ему около 65 лет.

Должность	Имя в русской транскрипции	Имя в сомалийской транскрипции	Краткие сведения о руководителе
Командующий силами БОХР	Адмирал Абдихамид Махамед Дирир	S/xamiid Maxamed Diirir	Происходит из хавие. Назначен 24.6.20. Ранее занимал должность командующего сухопутными войсками.
Начальник Федеральной миграционной и пограничной службы	П-к Махамед Адам Джимъале «Кофи»	Maxamed Aadan Jimcaale (Koofi)	Происходит из рода айр/хабар-гидир/хавие. С 2007 г. состоял в СИС, а с 2010 г. – в «Аш-Шабаб». Перешел на сторону ФП Сомали. В 2013 г. возглавил столичное управление СНБР. Начальником ФМС назначен 27.7.16.
Руководители регионального уровня			
Президент и глава правительства Пунтленда, Верховный главнокомандующий Сил обороны Пунтленда (СОП)	Саид Абдуллахи Дэни	Siciid Cabdullaahi Deni	Родился в 1966 г. в Могадишо. Происходит из рода осман-махмуд/маджертен. В/о получил в университетах Могадишо и Путры (Малайзия). Участвовал в создании Пунтленда, работал в сфере образования, одновременно занимаясь коммерцией. С 2012 г. был депутатом ФП, а в 2014–15 гг. – министром планирования и международного сотрудничества Сомали. Состоял в «Дам-уль-Джаид». Избран 8.1.19 на 5 лет. Придерживается авторитарного стиля руководства.
Министр безопасности Пунтленда	Абдисамад Махамед Галлан	Cabdisamad Maxamed Gallan	Происходит из племени маджертен. Опытный политик, бывший глава пров. Бари. Был кандидатом на пост президента Пунтленда на выборах 2019 г.
Командующий силами СОП	Див. г-л Ясин Омар «Дэрэ»	Yaasiin Cumar Dheere	Происходит из племени маджертен. В 1980-х гг. учился в СССР. При Сиаде Барре был комбригом в 54-м военном округе. Затем стал начальником штаба повстанцев ДФСС. Участвовал в создании полиции и сил обороны Пунтленда, занимал пост заместителя командующего СОП. 29.6.19 назначен командующим СОП.
Начальник морской полиции	П-к Абдирахман Махамед Джама	S/rahmaan Maxamed Jaamac	
Президент, глава правительства, Верховный главнокомандующий НАС, председатель Совета государственной безопасности Сомалиленда	Муса Бихи Абди	Muuse Biixi Cabdi	Родился в 1948 г. в пригороде Харгейсы. Происходит из племени хабар-аваль/исак. В прошлом – офицер ВВС Сомали (учился в СССР и США), участник войны с Эфиопией (1977 г.). До 1985 г. был военным атташе СДР в США. Опытный, жесткий политик, активист СНД и один из создателей партии «Кульмие». Занимал пост министра внутренних дел в правительстве Игаля. В 2010 г., после победы Ахмеда «Силанье» на президентских выборах, занял пост председателя партии «Кульмие». 13.11.17 избран президентом Сомалиленда.
Министр обороны Сомалиленда член СГБ	Абдикани Махмуд Атэые «Фарид»	Cabdiqani Maxamuud Caateeye (Fariid)	Происходит из племени исса. Назначен 30.3.19. Ранее занимал пост министра юстиции.
Главнокомандующий НАС	Дивизионный г-л Нух Исмаил Тани	Nuux Ismaaciil Taani	Происходит из хабар-аваль / исак. Повторно назначен на этот пост 14.8.16. Пользуется авторитетом в НАС. Ему уже около 70 лет.

Приложение 6. Схема административного управления федеральными силовыми структурами Сомали

Приложение 7. Карта-схема «Федеративная Республика Сомали»

Map of Somalia: Federal Member State and Ininterm Regional Administrations

В. Ахмедов*

ИРАН И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ САР В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Начавшиеся на рубеже 2010–2011 годов социально-политические движения в Арабском мире привели к смене баланса сил, перестройке прежних военно-политических союзов в регионе Ближнего Востока и оказали самое непосредственное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Ирана.

К началу «арабской весны» Иран превратился в одну из влиятельных держав в регионе Ближнего Востока. Ему удалось выстроить пояс союзных государств по линии Багдад–Дамаск–Бейрут–сектор Газа, а также укрепить свое влияние в шиитских общинах в арабских монархиях Персидского залива и в Йемене.

Приход к власти в Египте «Братьев-мусульман» и возрастание их политической активности в Сирии привели на каком-то этапе к сближению этой сетевой международной организации с Ираном. Так, с весны 2012 года по апрель 2013 года иранское правительство провело 7 раундов закрытых переговоров, через посредничество Турции, с сирийскими «Братьями-мусульманами». Тегеран даже обещал им свою поддержку в приходе во властные институты нового сирийского государства в случае поражения Башара Асада

* Владимир Ахмедов – старший научный сотрудник ИВ РАН.

в обмен на сохранение прежнего характера отношений Ирана с Сирией.

События в Сирии стали самым тяжелым испытанием для внешней политики ИРИ в отстаивании своих завоеваний в регионе. Иран оказал беспрецедентную поддержку режиму Б. Асада в Сирии, открыв в начале 2012 года кредитную линию более чем на 3,6 млрд долларов. Иран продавал Сирии нефть по заниженной цене, за которую Дамаск платил из займов, предоставленных Тегераном. По настоянию Ирана в боях с вооруженной оппозицией участвовали отряды шиитской милиции из Ирака. На стороне Асада сражались иранские элитные части КСИР. Тысячи бойцов ливанской «Хизбаллы» (от 10 до 14 тысяч) приняли участие в боях, помогая режиму Асада удерживать контроль над рядом ключевых районов страны. На каком-то этапе это дало возможность сирийским властям остановить наступление отрядов вооруженной оппозиции на Дамаск и вернуть контроль над некоторыми стратегически важными районами на севере Сирии¹.

На рубеже 2013–2014 гг. отношение Ирана к сирийскому вооруженному конфликту стало меняться. В Иране считали, что даже в случае сохранения Б. Асада у власти основы режима безвозвратно подорваны, а его ближайшее окружение не имеет политического будущего в Сирии. Особенно эти опасения усилились летом 2013 года после угрозы со стороны США нанести военный удар по Сирии.

В результате Иран был вынужден обратиться к России с просьбой вмешаться в сирийский вооруженный конфликт².

В сложившихся условиях Тегеран пытался выиграть время, чтобы создать в стране надежные и долговременные позиции, которые позволили бы ему сохранить свое влияние в стране даже в случае смены режима в Сирии. Долговременная цель ИРИ состояла в том, чтобы иметь в Сирии надежные оперативные позиции в случае раскола страны по этническим и конфессиональным признакам³.

Одной из важных опор в реализации вышеуказанных планов Тегерана наряду с милицейскими шиитскими отрядами служили Вооруженные силы САР.

Еще в период правления Хафеза Асада (1970–2000) Иран установил особые связи с рядом высокопоставленных офицеров сирийской армии. После прихода к власти в САР Башара Асада отношения с этой группой офицеров укрепились. Иран активно работал с сирийскими офицерами. Многие из них прошли специальный курс подготовки в Иране, куда их стали направлять еще в 2005 г. В условиях Сирии Иран с 2004 г. поддерживал непосредственные контакты с сирийскими офицерами, прежде всего из Академий Военно-воздушных сил (ВВС) и Радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и Центра стратегических и научных исследований (ЦСНИС) САР.

Генерал-майор Мухаммед Сулейман, который был убит в 2008 г., был одним из высокопоставленных сирийских офицеров, тесно связанных с Ираном и «Хизбаллой». Необходимо отметить, что М. Сулейман учился вместе с Баселем Асадом и считался его близким другом. После гибели Баселя в 1994 г., придя к власти в 2000 г., Башар Асад приблизил М. Сулеймана, сделав его офицером по особым поручениям президента. М. Сулейман считался одним из влиятельных офицеров в окружении Б. Асада и вел досье по вопросам «ядерного» и «химического» оружия, а также решал деликатные вопросы с Ираном и «Хизбаллой».

М. Сулейман поддерживал тесные контакты с Имадом Мугние – руководителем подразделения специальных операций при генеральном секретаре «Хизбаллы» Х. Насралле. Они неоднократно выполняли деликатные миссии на территории САР и за ее пределами. Любопытно, что И. Мугние был убит в тот же год, что и М. Сулейман.

Большинство экспертов считает, что сохранение сирийской армии как важнейшего института государства в условиях вооруженного кризиса стало возможным

в результате ее поддержки со стороны союзников Сирии – России и Ирана.

В то же время Вооруженные силы САР понесли значительные потери своих материальных и людских ресурсов и кардинальным образом трансформировались в условиях кризиса.

Изменился конфессиональный баланс в армейском руководстве. В результате дезертирства более 3 тыс. офицеров (в основном это были сунниты) образовавшийся вакуум был заполнен алавитами, которые заняли практически все руководящие должности в армейском руководстве.

Чтобы компенсировать нехватку офицеров, режим вынужденно прибег к созданию шиитских милиций и вспомогательных сил, формирование которых базировалось на семейных и общинных союзах и неформальных связях.

Попытка инкорпорировать вышеуказанные подразделения в деформированную армейскую среду при отсутствии ясной стратегии и достаточных ресурсов привела на деле к появлению гибридной структуры национальных вооруженных сил, в рамках которой действовали слабо скоординированные регулярные части и милицейские формирования⁴.

Военным фактически не удалось провести быструю мобилизацию своих бойцов в масштабах всей страны, которая оказалась быстро охвачена восстанием. Усилившиеся накануне кризиса в армейских рядах явления коррупции, nepотизма, непрофессионализма серьезно ослабили боеспособность и эффективность Вооруженных сил САР. В условиях роста конфессиональной поляризации армия столкнулась с проблемой самоидентификации своего личного состава. Сирийская армия оказалась расколота на два конкурирующих лагеря, которые были связаны с Россией и Ираном. При этом Москва и Тегеран имели разные взгляды на процесс реструктуризации национальных вооруженных сил.

В первое время после начала участия России в сирийском конфликте Москва и Тегеран практиковали общий военно-политический подход в сирийском кризисе. Он основывался на достижении военного превосходства, освобождении захваченных повстанцами территорий, борьбе с вооруженной сирийской оппозицией. Достиженные военные успехи формировали политические победы, которые служили укреплению места и роли Москвы и Тегерана в сирийском кризисе. Укреплению российско-иранского сотрудничества служило общее видение целей и задач в развитии сирийского вооруженного конфликта.

В то же время Иран продолжал сталкиваться в Сирии с рядом серьезных проблем. Прежде всего это непрекращающиеся атаки израильских ВВС на иранские военные объекты на сирийской территории и растущее международное давление в связи с необходимостью сокращения иранского военного присутствия в Сирии. Это отрицательно сказывалось на российско-иранском сотрудничестве по сирийскому кризису.

В то же время политика, которую Иран проводил в Сирии на протяжении последних лет, позволила ему создать серьезные заделы в рядах системных и внесистемных влиятельных сил и организаций в стране. В сложившихся обстоятельствах Иран прибег к стратегии реформирования своих сил и созданию локальных временных союзов. Это позволило Тегерану глубоко интегрироваться в ткань сирийского общества и государства, прежде всего в армию и силы безопасности САР.

С 2012 г. роль Ирана в Сирии значительно возросла. От оказания консультационной и советнической помощи, технической поддержки, выполнения отдельных спецопераций Иран перешел к непосредственному установлению тесных отношений с милицейскими формированиями и частями регулярной армии, а также начал привлекать в Сирию иностранные вооруженные формирования из других стран.

Одним из первых шагов в этом направлении стало создание Национальных сил обороны (НСО), которые формировались по религиозному признаку. Позднее были созданы Местные силы обороны (МСО), в рамках которых Иран, используя материальные и финансовые стимулы, попытался объединить местные милиции и часть племенных отрядов.

Иран также расширил свои позиции в дивизии Республиканской гвардии (ДРГ) и 4-й дивизии. На практике это выразалось в создании объединенного командования из офицеров КСИР и ДРГ для руководства НСО. Вплоть до настоящего времени Иран на регулярной основе фактически платил (в форме различных грантов) зарплату офицерам из ДРГ и 4-й дивизии.

В 2015–2016 гг. Иран решил провести реорганизацию милицейских формирований, интегрировав их в формальные армейские структуры Сирии. Так, часть лояльных Ирану милицейских формирований волилась в состав ДРГ и 4-й дивизии.

На базе МСО после серии преобразований была создана «Народная армия» (силы народного ополчения) как одно из подразделений регулярной сирийской армии. На деле в командный состав «Народной армии» входили в основном иранцы, она выполняла особые функциональные задачи и имела самостоятельное финансирование⁵. Был также определен статус отрядов «Хизбаллы», которые стали формальными подразделениями сирийских вооруженных сил, а их бойцы получили сирийские военные документы. На практике они, как и прежде, подчинялись Ирану и «Хизбалле», а их личный состав финансировался из иранской казны.

Методы и средства участия Ирана в вооруженном сирийском конфликте менялись на каждом новом этапе сирийского кризиса. Иранская поддержка способствовала некоторому укреплению эффективности и боеспособности национальных вооруженных сил. Это позволило режиму добиться определенных успехов в борьбе с воору-

женной оппозицией. Однако этого оказалось недостаточно для того, чтобы сирийская армия смогла сохранить достигнутые успехи, тем более обеспечить устойчивую победу правительственных войск над вооруженной оппозицией. Подобное развитие событий ставило под вопрос все прежние достижения Ирана в Сирии.

Даже те стратегически важные районы Сирии, которые Иран пытался контролировать, оставались нестабильными в результате разновекторных действий многочисленных местных участников конфликта. Сирийский конфликт, в котором Иран принял участие значительной частью своих сил в регионе, привел к серьезному истощению боевого потенциала «Хизбаллы» и иракских милиций. Это ставило под угрозу позиции Ирана в Ливане и Ираке. Одновременно усиливался риск потенциальных конфликтов различных проиранских сил в Сирии.

Несмотря на это, Иран продолжает оставаться важным военно-политическим фактором сирийского вооруженного конфликта и оказывать на его ход самое непосредственное воздействие, получая, таким образом, важный козырь в ведущихся с Западом переговорах по ядерной проблеме и своей будущей роли в регионе. В то же время главные устремления ИРИ сегодня направлены не столько на защиту власти президента Б. Асада, сколько на обеспечение своих интересов в Сирии и на Ближнем Востоке в постасадовский период.

Отсутствие явных подвижек на переговорах Запада и Ирана по «ядерной сделке» выявило много пробелов в подходах Вашингтона и Тегерана не только по Сирии, но и по целому ряду других региональных проблем. Эти разногласия дают Тегерану основания не торопиться с решением по сирийскому вопросу и своей ядерной программе. При определенных обстоятельствах они могут даже укрепить позиции Ирана в переговорах с Западом, в том числе и по вопросу о будущей роли ИРИ на Ближнем Востоке. В условиях благоприятно складывающейся для Тегерана региональной обстановки Иран вполне мо-

жет согласиться на то, чтобы в обмен на свой отказ от бесконтрольного обладания ядерным оружием стать региональной сверхдержавой при поддержке США.

Действительно в случае успешной реализации американо-иранские соглашения могут коренным образом изменить баланс сил в регионе Ближнего Востока. Одним из первых признаков возможных грядущих изменений может стать новое прочтение вопроса о политическом транзите в САР и роли «Братьев-мусульман» в этом процессе.

¹ The Interpreter. 07.11.2013.

² Muhsen Abu al-Nour. Muhammad. Implications of the Russian Intervention on Iran's Role in Syria, International Politics, 11 May 2016. <https://goo.gl/7Xjm8n>.

³ Washington Times. 17.10.2011.

⁴ Kheder Khaddour. Syria's Troublesome Militias, 7 November 2018. <https://carnegievec.org/diwan/77664>

⁵ How Iranian Militias are Integrated into Regime Forces, al-Modon Newspaper, 4 May 2018. <https://bit.ly/2UXaKQV>.

АРМИЯ И ПОЛИТИКА В ЕГИПТЕ

Одной из серьезных проблем египетской политической системы является доминирование военных в политике. Начиная с антимоноархического переворота в 1952 г. и утверждения у власти Г. А. Насера, армия постоянно вмешивалась в политику.

В период правления А. Садата сокращение расходов на армию заставило военных активизировать свою экономическую деятельность в конвенционных военных сферах, что позволило им укрепиться в гражданском секторе экономики за счет создания прибыльных предприятий в различных секторах производства и услуг.

Инициированные Х. Мубараком в 90-е годы XX века «неолиберальные» реформы существенно ограничили всесильность египетской бюрократии. Более того, эти реформы привели к появлению нового типа элит, представители которых стали искать связи и контакты с военными.

В результате армия получила возможность защищать свои интересы через механизмы экономической независимости.

Свое массированное присутствие на политической арене военные использовали для защиты различных интересов. К числу наиболее важных институциональных

* Владимир Ахмедов – старший научный сотрудник ИВ РАН.

интересов военных можно было отнести сохранение контроля над определением размера военного бюджета и выделяемых на него средств из государственной казны, количеством и видами закупаемой военной техники и вооружений, рядом экономических ресурсов.

Контролируя высшую надзорную власть, военные обеспечивали таким образом себе законодательный иммунитет, увеличив свою долю в экономике, которая, по разным оценкам, колебалась от 10 до 40% ВВП Египта. Доходы, получаемые предприятиями военных, ложились на их личные счета и никак не контролировались государством и обществом.

Наряду с защитой своих институциональных интересов военные под эгидой имиджа защитников государства активно вмешивались в достаточно чувствительные и delicate сферы жизни общества и политики, чтобы не допустить дальнейшего углубления социального неравенства, способного привести к социальному взрыву в стране.

В последние годы правления Х. Мубарака военные дистанцировались от правящей Национально-демократической партии (НДП) и стали заполнять социальный вакуум, возникший в результате отказа государства от некоторых своих прежних социальных обязательств.

Например, они стали субсидировать цены на хлеб. А также поддерживали некоторые другие пришедшие в упадок государственные проекты в сфере строительства социального жилья и выполнения общественных инфраструктурных проектов¹.

Революция 2011 года заставила военных изменить свой поведенческий стереотип, перейдя с прежнего курса «стабилизационной модели» на «кризисную модель» управления государством.

Отставка Х. Мубарака поставила Высший совет вооруженных сил (SCAF) в центр сложной и разбалансированной политической жизни в стране. После отставки Х. Мубарака армия как один из устойчиво функциониру-

вавших институтов взяла на себя ответственность за сохранение приоритета государственной власти и поддержание других государственных институтов.

Выдвижение президентом представителя «Братьев-мусульман» М. Мурси и его поддержка Советом объяснялась тем, что за 18 месяцев своего правления Совет не сумел продемонстрировать эффективность управления страной и в результате роль военных сильно ослабла. Правление М. Мурси позволило военным заняться поддержанием и укреплением своих ведомственных интересов, в том числе закрепив их конституционным путем.

Возобновившиеся в декабре 2012 года политические протесты сильно подорвали позиции правящего режима. Наряду с растущим политическим насилием и вызовами национальной и международной безопасности в результате исламистского восстания на Синае, сирийского кризиса, конфликта с Эфиопией за передел сфер влияния в бассейне Нила, забастовки полицейских возникла реальная угроза стабильности государства. Это вынудило военных полностью переключиться в режим кризисных действий.

«Братья-мусульмане» пропустили этот поворотный момент. Они полагали, что военные озабочены исключительно стабилизацией положения в стране. При этом они не предпринимали серьезных попыток к политическому примирению и проведению более глубоких социальных реформ. В конечном счете, это привело к еще более сильным и массовым социальным протестам в стране в июне 2013 года, вмешательству военных в политику и отставке президента М. Мурси 3 июля 2013 года.

Занятая «Братьями-мусульманами» жесткая линия после отставки М. Мурси еще больше укрепила убеждения военных в необходимости реализации «кризисной модели» управления. Министр обороны А. Ф. ас-Сиси потребовал «народный мандат» на борьбу с потенциальной угрозой терроризма.

Чтобы избежать повторения сирийского и ливийского сценариев, Совет принял решение взять бразды правле-

ния в свои руки. На институциональном уровне военные решили оказать поддержку ас-Сиси на президентских выборах в мае 2013 года. На практике это означало устранение сильных потенциальных оппонентов, которые заявили в январе 2014 года о своем стремлении ратифицировать предложенные поправки к конституции в ходе референдума при беспрецедентной явке в 98%. Одновременно военные и полиция «нейтрализовали» любые несогласные общественные группы и политические партии.

Когда нынешний президент АРЕ А. Ф. ал-Сиси был назначен на пост министра обороны в 2012 г., для многих в армии этот шаг символизировал некую модернизацию национальных вооруженных сил. Тем более сам ас-Сиси в ходе многочисленных совещаний говорил о необходимости укрепления армии и ее модернизации. Решать поставленную задачу тогдашний министр обороны и нынешний президент Египта стал за счет многочисленных военных контрактов. По некоторым данным, сегодня Египет занимает третье место в мире по импорту вооружений, несмотря на довольно слабую экономику и растущую бедность населения.

В то время как военные сконцентрировались на модернизации вооружений и перевооружении армии, ее организационная структура оставалась практически в неизменном виде, как и при прежнем министре обороны М.Х. Тантауи. Офицерский корпус решительно отстаивал свои привилегии и противился каким-либо реформам в армии. На практике сохранение статус-кво в организационной структуре армии объективно снижало ее боеготовность и вело к неготовности офицерского корпуса соответствовать новым требованиям и вызовам.

Политизация и профессиональная стагнация египетского офицерского корпуса в течение нескольких последних десятилетий привели к тому, что престиж Египта как передовой военной державы на Ближнем Востоке стал падать. Многие арабские страны, прежде всего арабские монархии Персидского залива, начали пере-

оценку политической значимости и военного влияния Египта в регионе.

На самом деле сегодня Египет, бесспорно, остается наиболее сильной в военном отношении страной региона с точки зрения вооруженной оснащенности своей армии. Во многом это связано с продолжающимся уже более 40 лет военно-техническим сотрудничеством с США и поступающей американской помощью. Однако отсутствие каких-либо перемен в структуре личного состава армии привело к отсутствию, особенно на уровне среднего командного звена по-новому мыслящих командных кадров, способных изменить к лучшему ситуацию в мощном офицерском корпусе Египта. Особенно явно это проявилось во время последних по времени сражений египетских военных с исламистами из «Исламского государства» (ИГ, запрещено в России) в ходе событий на Синайском полуострове.

При отсутствии серьезных реформ офицерского корпуса египетские военные рискуют достаточно быстро превратиться в охранителя долговременной стабильности в самой крупной стране Арабского мира вместо того, чтобы стать его надежным и эффективным локомотивом.

В то же время, говоря о реформах в армии, необходимо считаться с объективно ограниченными возможностями военно-политического руководства Египта провести подобного рода мероприятия. Прежде всего это связано с социально-экономическим положением в стране. Действительно, в Египте, где зарплаты в госсекторе очень низкие, а места в частном секторе ограничены, карьера военного по-прежнему остается весьма привлекательной. Прежде всего это касается молодежи из пригородов и сельской местности, для которых карьера военного, возможно, служит единственным путем социализации. Сегодня, по некоторым данным, десятки тысяч молодых людей ежегодно штурмуют разнообразные военные учреждения страны, чтобы поступить на ограниченное (несколько сотен) число мест бесплатного обучения

и таким образом обеспечить себе и своей семье относительно сносное существование.

Со своей стороны высшие военные образовательные учреждения используют свои критерии отбора новых рекрутов, не уделяя главного внимания соответствию соискателя высоким академическим стандартам и его физической подготовке. По сути, эти требования сводятся к тому, чтобы соискатель был мужского пола, являлся выпускником 12-летней школы или колледжа, холостым, не имеющим иного (кроме египетского) гражданства, не замешанным в каких-либо политических акциях, представителем почтенного семейного клана. Последнее условие становится практически непреодолимым препятствием для большинства выходцев из бедных районов, представителей этнических и религиозных меньшинств.

На деле многие молодые рекруты не обладают элементарным жизненным опытом. Большинство оказывается попросту неприспособленными к армейской жизни. В идеологическом плане многие слушатели оказываются легко восприимчивыми к взглядам самого широкого спектра от ультранационалистических до исламистских (в рамках принятой исламской концепции – В.А.). Слушателям прививаются идеи о том, что они (как будущие офицеры) законно занимают место в правящей элите страны, должны быть полностью лояльны власти, чужды приверженности каким-либо демократическим ценностям. Таким образом, из новых рекрутов уже на этапе учебы в Академии формируют охранителей государства и представителей правящей элиты вместо того, чтобы воспитывать из них карьерных профессионалов на службе своему народу и стране, не вмешивающихся в политику и административное управление.

Если для некоторых поступление в военные учебные заведения превращается в настоящее испытание, то другие попадают туда, пользуясь семейными и клановыми связями в рамках принятой в обществе патронажной системы взаимоотношений. Несмотря на то, что официально

военные отрицают существование подобной практики, в стране имеется несколько поколений военных, которые принадлежат к определенным семейным кланам, в том числе и ас-Сиси. К тому же общее снижение стандартов национальной образовательной системы и пропаганда ультранационалистических взглядов как решающий фактор, определяющий политическую лояльность, сказались на составе выпускников военных училищ.

Обучение в Академии также не свободно от определенных недостатков. Учебные программы в гражданских ВУЗах значительно разнообразнее и насыщены большим числом предметов, чем в военных. Практические занятия, которые обычно начинаются на третьем году обучения, не отличаются требуемой интенсивностью и тактической подготовкой, способной подготовить молодого офицера к действиям в боевых условиях. Обучение слушателя основам и особенностям руководства фактически отсутствует в программе подготовки. Поскольку служба в большинстве подразделений армии носит срочный характер, то офицеры не заинтересованы в тщательной подготовке и обучении личного состава своих подразделений.

Большинство египетских офицеров в руководстве подразделениями делают упор на свое звание и должностное положение и не стремятся завоевать авторитет за счет эффективного управления и профессионализма. Подобное положение является слабым звеном в системе управления войсками, порождает недостатки в цепочке передачи команд, воспитании корпоративного духа и оперативного искусства. Тем более, что система продвижения по службе основана главным образом не на критериях меритократии, а на патронажной системе и принципах лояльности. Это ведет к выдвиганию на ключевые посты в оперативном управлении армии не самых подготовленных и способных офицеров.

В то же время под командованием молодых офицеров с весьма небольшим жизненным опытом и знанием дела, слабой подготовкой внезапно оказываются десятки

солдат. Не имея достаточного опыта эффективного руководства, эти офицеры нередко подвергаются недоверчивому отношению со стороны своих начальников и не обладают авторитетом в глазах своих подчиненных. Подобная ситуация негативно сказывается на взаимоотношениях внутри подразделений, затрудняет управление ими и не способствует формированию командного духа. В результате значительная часть военного командования не способна быстро адаптироваться к новым реалиям, догматично привержена протоколу и не может эффективно действовать в условиях чрезвычайной ситуации. Высшее военное руководство настолько прочно удерживает бразды правления в своих руках, что большинство египетских офицеров зачастую оказывает весьма незначительное влияние в вопросах оперативного командования своими подразделениями.

Несмотря на вышесказанное, офицерский корпус пользуется достаточно большими привилегиями по сравнению с остальной частью населения страны, которое вынуждено нести на себе значительную часть тягот недавних реформ в режиме экономии. Начальные зарплаты офицерского состава в несколько раз превышают прожиточный минимум, офицеры пользуются бесплатным медицинским обслуживанием, льготными кредитами на приобретение жилья и личного транспорта, доходными должностями после выхода на пенсию и безусловной защитой государства. Такие привилегии открывают прямой путь коррупции, так как гражданские служащие стремятся организовать совместные предприятия с военными, чтобы получить защиту в критической ситуации².

Действительно, нормализация военно-гражданских отношений в Египте сталкивается с рядом проблем. Ключевым элементом в их решении служит возвращение военных к модели стабилизационного характера с одновременным проведением реформ и возвращением в систему государственного управления большего числа гражданских специалистов. Необходимо отказаться от любых

попыток новой милитаризации государственных институтов, сохранения сложившегося статус-кво. Система государственного управления, кадровых назначений, формирования бюджетов отдельных ведомств должна стать более прозрачной.

Эти меры могут способствовать снижению степени влияния военных на процесс государственного управления за счет повышения роли в нем гражданских институтов. Подобные реформы могут оказать решающее воздействие на нормализацию отношений военных с исламистами и открыть для исламистов новые каналы социализации. С другой стороны, это укрепит безопасность в стране и заставит военных вернуться к их обычной функции защитников государства и перестать вмешиваться в политику.

¹ Подробнее см.: Ibrahim El Houdaiby. Fighting the last war? Civil-military relations in Egypt // Policy Brief. N° 179 – APRIL 2014.

² Подробнее см.: Egypt's Military Leadership Deficit // Egypt Defense Review. September 29, 2020. <https://cgpolicy.org/articles/egypt-military-leadership-deficit/>.

В.А. Исаев

СИРИЙСКИЙ РАЗЛОМ (экономический аспект сирийского кризиса)

Сирия накануне 2011 года

Сирия уже достаточно давно относится к числу арабских стран со средним уровнем, не имея источников обильного финансирования, как это происходит, например, с нефтедобывающими государствами Персидского залива. Во многом из-за этого обстоятельства социально-экономическое развитие страны проводилось в рамках ориентации на достижение хозяйственной самостоятельности при регулирующей функции государства. Преобразования и деятельность государства в социально-экономической сфере осуществлялось в общенациональных масштабах и в целом предполагало удовлетворение нужд широких народных масс. В Сирии это проявилось в создании мощного государственного сектора, а затем и в постепенном превращении государства в «коллективно-предпринимателя», в усилении социальных функций государства и его активном воздействии на формирование производственных отношений, в использовании различных форм и методов прямого и косвенного регулирования хозяйственной жизни.

В Сирии, как и практически во всех арабских странах, государство всегда опасалось, что либерализованная экономика может утратить управляемость, выйти из-под

контроля и будет развиваться по сценариям «дикого рынка», неся тем самым негативные политические последствия для власти. Государство отдавало себе отчет в том, что разгул частнохозяйственной инициативы в условиях дефицита ресурсов может привести к развитию социальных антагонизмов, поскольку частный капитал склонен работать в основном с «короткими деньгами» и в арабских реалиях имеет в целом низкую степень социальной ответственности. Общественное мнение в Сирии также демонстрировало неуверенность в высокой благонамеренности местного бизнес-сообщества и в его способности беспристрастно участвовать в распределении экономических выгод.

Поэтому важным условием преодоления хозяйственной отсталости стало повышение роли промышленности в экономике, модернизация уже существующих и создание новых промышленных предприятий. В практику руководства государства активно вводились планы хозяйственного развития. Активное государственное вмешательство в экономическую жизнь страны явилось решающим фактором в индустриализации Сирии, в перестройке отраслевой структуры народного хозяйства, причем госсектор стал важнейшим элементом социально-экономической структуры. Он занял господствующие высоты в добывающей промышленности, на транспорте, в энергетике, обрабатывающей промышленности, внешней торговле. Кроме того, благодаря госсектору заметно снизился уровень безработицы, ведь уже в 1980 г. только на промышленных предприятиях, принадлежащих госсектору, было занято более 40% всей рабочей силы страны (1). Только благодаря госсектору удалось создать ряд капиталоемких отраслей промышленности, без которых не могла быть преодолена хозяйственная отсталость. Если в начале 1960-х годов Сирия была типичной аграрной страной, то в результате целенаправленной политики в развитии госсектора произошли впечатляющие перемены, а госсектор стал мощным орудием в борьбе за достижение Сирией

экономической самостоятельности, перестройку экономической структуры, широкие социальные преобразования.

Наряду с государственным в Сирии существовал и существует частный сектор, а в 1970-е годы в стране был взят курс на либерализацию экономики, что было неизбежно связано с поощрением частного национального предпринимательства. Привлечение частных капиталов должно было, по мнению правительства, уменьшить давление на госбюджет, высвободить средства на реализацию проектов развития, осуществлявшихся по государственной линии. В связи с этим были предоставлены льготы частному промышленному капиталу, владельцы которого освобождались на ряд лет от налогов на прибыль и строительство производственных объектов, от таможенных сборов на импорт капитального оборудования и налогов на ту часть прибыли, которая направлялась на расширение промышленного производства.

Таким образом, политика индустриализации, темпы которой серьезно выросли в 1970–1980-е годы, явилась важнейшим периодом в преодолении хозяйственной отсталости страны. Ускоренное развитие промышленности способствовало интеграции и специализации сирийской экономики, изменило ее структуру, подняв производительность труда, в результате чего страна стала превращаться из аграрной в индустриально-аграрную.

Необходимо отметить, что после прихода к власти в 1970 г. левого крыла Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) Сирия была провозглашена «социалистическим народно-демократическим государством» (2). В соответствии с доктриной построения «арабского социализма», которую провозгласила ПАСВ, в стране целенаправленно проводились мероприятия, направленные на улучшение социальной ситуации. Например, были введены бесплатное образование и медицинское обслуживание населения, проведена аграрная реформа, в результате которой заметно вырос материальный достаток местных крестьян. К тому же государ-

ственными декретами был установлен приемлемый для большинства населения уровень цен на продукты питания и товары широкого потребления.

Процесс модернизации экономики, ускоренная индустриализация, структурная перестройка промышленности, существенное изменение облика деревни, внедрение достижений научно-технического прогресса не могли не отразиться на социально-классовой структуре сирийского общества.

Развитие страны и формирование различных новых социальных слоев сирийского общества происходило в достаточно специфических условиях: при сохранении, например, пережитков докапиталистических отношений (особенно в деревне), а следовательно, наталкивалось на множество противодействующих факторов и оказывалось весьма растянутым по времени. Это, в свою очередь, обусловило крайнюю сложность процесса становления в Сирии современной общественной структуры.

С одной стороны, в стране существовали классы и слои, связанные с производственными отношениями современного типа, а с другой, – по-прежнему имелись группы традиционного и переходного типов. К тому же заметный отпечаток на развитие различных социальных групп и слоев местного общества накладывали этнические, общинные и религиозные различия, традиционно существовавшие в Сирии.

Наряду с абсолютным и относительным увеличением численности рабочего класса, мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, связанных с современными по своему характеру производственными укладами, в Сирии, по причине незавершенности процесса социального и общественного строительства, имелись также группы и слои, связанные с традиционными и полутрадиционными укладами, причем их число продолжало расти за счет сферы внутренней торговли и обслуживания.

Таким образом, несмотря на индустриализацию, создание современной промышленности и модернизацию

деревни, социально-классовая структура сирийского общества в целом продолжала оставаться весьма разнородной и многослойной, сохраняя характерные для многих арабских стран особенности многоукладной социально-политической системы.

Несмотря на то, что реалии сирийской экономики к концу 1990-х годов оставались в основном прежними, стали намечаться новые тенденции, часть которых постепенно материализовалась в конкретных проявлениях. При общей неизменности внутривнутриполитических условий существования сирийского общества больше внимания стало уделяться коррекции экономических принципов его организации. Руководство страны стало осознавать, что один лишь госсектор уже не в состоянии обеспечить прогресс национального хозяйства. И хотя официально госсектор продолжал оставаться ведущей силой экономического развития страны, власти стали предоставлять больше свободы деятельности частному сектору. Так, было признано необходимым создание более благоприятного инвестиционного климата для привлечения в страну частных капиталов, особенно сирийских, которые были вывезены за рубеж в период радикальных экономических преобразований начала 1970-х годов.

Поэтому были приняты законы, призванные стимулировать приток в страну иностранного капитала, предоставить местному частному предпринимательству больше возможностей и свободы, ограничить коррупцию, имевшую место в госсекторе. И хотя в политической риторике властей эти законы трактовались исключительно в качестве меры, могущей поддержать госсектор перед лицом новых политических и экономических реалий, они имели серьезные последствия для национального хозяйства Сирии и получили широкий социальный резонанс, ведь речь, по существу, шла о коммерциализации госсектора, создании предпосылок встраивания его в систему рыночных отношений, которые стали разрастаться по мере нарастания тенденций к либерализации сирийской эко-

номики. Эти тенденции свидетельствовали о том, что государство готовило предпосылки для реформирования основ государственного сектора, а следовательно, и всей системы непосредственного участия государства в хозяйственной деятельности и будущего преобразования экономического пространства страны на базе принципов рыночной экономики.

Помимо ряда проблем, связанных с будущим развитием госсектора, существовали и другие сложности, которые сдерживали постепенный переход страны к рыночной экономике, например, отсутствие частных банков и биржи, неэффективное управление госсектором, слабый частный сектор, неспособный аккумулировать капитал, необходимый для ускорения реформ. К тому же коррупция сдерживала приток иностранного капитала, опасавшегося осуществлять серьезные инвестиции в хозяйственные проекты.

Также определенная часть сирийских управленцев и руководителей госсектора отличалась сравнительно невысоким образовательным уровнем и опасалась свободной иностранной конкуренции, что, естественно, негативно сказывалось на общем уровне экономической конкурентоспособности страны.

Эти и другие проблемы подвигли сирийское руководство в 2000-е годы более решительно приступить к решению назревших в обществе сложностей. Это касалось, прежде всего, мер по демократизации экономической и общественно-политической жизни, получивших название «сирийская весна». По инициативе президента Башара Асада, занявшего высший государственный пост в 2000 г. после смерти его отца Хафеза Асада, была провозглашена политика «открытости и гласности», направленная на демократизацию внутривнутриполитической жизни.

Был также принят пакет мер по развитию принципов рыночной экономики, которые способствовали расширению участия частного бизнеса в промышленной и финансовой сферах. В то же время понятно, что такое стимули-

рование экономики имело не только позитивный, но и негативный эффект, выразившийся, например, в росте безработицы, повышении розничных цен и, как следствие, увеличении числа неимущих, происходившем в процессе расслоения местного общества, что, в свою очередь, вело к усилению социальной напряженности.

На волне политики открытости в Сирии стали формироваться независимые общественно-политические организации, получившие название «форумов национального диалога». Всего в САР в 2000-х годах было создано более 20 таких «форумов», в работе которых участвовали сотни представителей сирийской интеллигенции, в основном творческой и гуманитарной. Правда, многие из этих организаций не пользовались серьезной массовой поддержкой в сирийском обществе, т.к. их идеологические платформы не имели заметного воздействия на народные массы, поскольку достижения Сирии на ведущих участках хозяйственного строительства вплоть до событий 2011 г. создавали серьезные предпосылки для успешного социально-экономического развития в рамках реализуемой в то время стратегии «социально ориентированного рынка».

Можно заметить, что данная стратегия, в принципе, не могла обеспечить стремительного развития экономики, но позволяла стабилизировать положение большинства народа за счет дотаций и субсидирования потребительского сектора. Силы государства в этот период были направлены на то, чтобы уменьшить социальную нагрузку на бюджет, но не за счет народных масс, а с помощью изменения стратегии хозяйственного развития. В этом смысле, например, оказался полезным переход от практики импортозамещения к экспорториентированному курсу, который, вместе с другими мерами, должен был создать основу для диверсификации экономики, сбалансировать внешнюю торговлю страны и, в конечном счете, более эффективно определять пропорции доходов и расходов государства.

В принципе, Сирия имела более-менее приемлемую динамику по ряду экономических показателей. На этом фоне мировой финансовый кризис 2008–2010 гг. не стал для нее катастрофой, хотя зримо обнажил слабые места и точки напряжения в социально-хозяйственной жизни страны, а в ряде случаев и реально осложнил ее положение.

Вместе с тем, он дал импульс к размышлениям и стимулировал экономическую мысль. В стране к этому времени велись дискуссии по поводу реформ, перехода к рыночным отношениям, приватизации активов, находившихся в государственной собственности. Однако эти дискуссии в средствах массовой информации не привели к заметным практическим результатам. По-прежнему проблема реформирования госсектора и передачи госсобственности в частные руки оставалась весьма острой, т.к. в стране имелись опасения по поводу изменения форм собственности, тем более в массовом порядке. Приватизация настораживала низшие и средние слои населения тем, что эффективность приватизации подрывалась не только знанием собственной реальности, но сведениями о сходных процессах в России, которая в Сирии служила образцом для подражания в годы масштабной национализации основных средств производства после прихода к власти партии ПАСВ.

Однако общая тенденция мирового развития, региональная практика и настоятельные потребности дальнейшего экономического роста так или иначе подталкивали страну к переоценке хозяйственной стратегии. Было ясно, что без этого Сирии будет трудно противостоять внутренним и внешним факторам, которые будут сдерживать ее дальнейшее развитие. Имелись также все основания считать, что перед ней возникнут препятствия со стороны международных финансовых институтов и агентств развитых стран Запада, которые контролируют вопросы оказания содействия устойчивому развитию и которые всегда выдвигали свои условия получения развивающимися странами займов и кредитов, из которых

наиболее жесткими являются переход к «свободному рынку» и отказ государства от вмешательства в экономику. В авангарде этих требований находятся МВФ и Всемирный банк, которые настаивают на неукоснительном выполнении подобных требований в вопросах, имеющих определяющее значение для судеб развивающихся стран, в том числе и арабских. Особенно это традиционно касается Сирии, которая на протяжении десятилетий является объектом враждебного внимания со стороны США, во многом определяющих деятельность МВФ и Всемирного Банка. США давно оказывали давление на сирийское руководство, применяя различные санкции и любые другие формы ущемления этой страны в попытках принудить Сирию отказаться от собственных взглядов на социально-экономическое развитие и подходов к решению ближневосточного конфликта.

В целом внутренним мотивом для либерализации экономики и развития рыночных сил в Сирии служили два обстоятельства, которые были для нее характерны на протяжении длительного периода. Во-первых, финансовая ситуация в стране была хронически напряженной, т.к. помимо ежегодных расходов на социально-экономические нужды, Сирии на протяжении многих лет приходилось тратить значительные суммы, иногда до 40% ежегодного бюджета на оборону из-за ее конфронтации с Израилем в рамках ближневосточного конфликта. Для сбалансирования бюджета на определенном этапе стало необходимо прибегнуть к привлечению ресурсов из частных национальных источников, особенно учитывая ограниченность доступа Сирии к внешнему финансированию. Во-вторых, государственные экономические институты уже давно испытывали сложности с менеджментом и современными маркетинговыми технологиями, а поэтому были не в состоянии обеспечить приемлемую прибыльность и эффективность государственных предприятий. Кроме того, переход к рыночным отношениям по западным лекалам противоречил устоявшимся

идеологемам, которые оберегали госсектор от «размывания» и поощряли частное предпринимательство только в тех сегментах национального хозяйства, где оно не могло конкурировать с государством. Разумеется, этому способствовало то обстоятельство, что идея преимущественного управления экономикой страны со стороны государства глубоко закрепились не только в руководстве САР, но и в массовом сознании ее народа.

В подобных условиях процесс оптимизации социально-экономического развития неизбежно имел тенденцию к замедлению, а местная власть надеялась, что именно таким образом удастся избежать революционных шагов, могущих прийти на смену длительно откладываемой кардинальной перестройке сложившихся форм собственности. Отсюда легко можно было прогнозировать, что нерешительность как раз и способна спровоцировать общественный протест, размах которого может привести к тяжелым политическим последствиям.

Понятно, что начинавшиеся до «сирийской весны» хозяйственные инициативы закладывали в целом серьезные предпосылки для изменения устоявшихся в стране экономических реалий, но полностью запустить с их помощью альтернативный процесс до конца не получилось. Сирии не удалось до начала исламистского путча пройти «точку невозврата» реформ, которые могли бы ускорить модернизацию страны и дать ей возможность войти в эпоху глобализации максимально подготовленной к новым вызовам и испытаниям.

Тем не менее Сирия продвинулась в том, что касается расширения частнохозяйственного предпринимательства, в ней появились крупные по местным масштабам частные национальные компании с многопрофильной специализацией и большими оборотными капиталами, которые стали участвовать в крупных проектах общенационального значения и на равных сотрудничать с иностранным капиталом. О возрождении рыночных отношений в Сирии в этот момент свидетельствует индекс легкости

ведения бизнеса, который регулярно рассчитывается Всемирным банком для 181 государства. В этом списке Сирия в 2000-е годы по таким показателям, как трансграничная торговля, выплата налогов, защита инвесторов, открытие бизнеса, наем рабочей силы, получение лицензий и т.п., занимала место в начале третьей четверти списка, а по показателям регистрации собственности находилась в середине него. И только по исполнению контрактов и доступу к кредитам она находилась почти в самом конце перечня рассматриваемых Всемирным банком стран (3). Иными словами, по ряду параметров страна практически не уступала своим арабским соседям, даже более активным в этот период в продвижении по пути рыночных преобразований.

С целью более интенсивного продвижения по этому пути руководство Сирии отказалось от практики времен «исправительного движения» и перешло к осуществлению концепции социально ориентированного рынка. В ее рамках создавались условия для выработки современного хозяйственного законодательства, которое в результате было оформлено в составе почти 30 законов и декретов, регулирующих различные стороны внутри- и внешнеэкономической деятельности страны. Среди них были своего рода этапные, которые затрагивали наиболее существенные стороны управления хозяйственными процессами и создавали вполне приемлемую обстановку для привлечения иностранного и местного частного капиталов. При этом основной упор был сделан на привлечение прямых иностранных инвестиций, ради которых, в принципе, и был инициирован весь комплекс этих мероприятий.

В стратегии развития акцентировались моменты, связанные с усилением экспортной составляющей во внешнеэкономической деятельности страны за счет роста доли обрабатывающих отраслей сирийской промышленности в структуре ВВП. Мотивировать эту деятельность должны были Высший совет по экспорту, Управление развития и продвижения экспорта, Фонд развития экспорта.

Большое значение при этом придавалось заключению двусторонних соглашений о свободе торговли с рядом арабских стран, Россией, КНР, Ираном и Турцией.

Новый взгляд на место Сирии в современном мире подвиг ее руководство на более интенсивное продвижение в сторону реализации рыночной модели экономики и к более активному участию в региональных экономических процессах. Это должно было помочь стране изменить к ней негативное отношение со стороны западного бизнеса, облегчить мобилизацию внутренних источников финансирования, необходимых для социально-хозяйственных нужд, и увеличить приток финансовых ресурсов из-за рубежа.

В 2009 г. в Дамаске начала функционировать фондовая биржа, были приняты дополнительные декреты, корректирующие основы экономической деятельности в стране, устанавливающие правила работы государственных хозяйственных институтов. Появились частные банки, страховые компании, диверсифицировалась в сторону облегчения в целом предпринимательская активность. Этот обширный список дополнялся многочисленными решениями Центрального банка САР и Совета по финансовой и кредитной политике, которые создали разветвленный механизм обслуживания иностранных инвестиций. Были проведены законодательные инициативы в сфере реформы корпоративной собственности, понижены ставки процента на банковские кредиты, трансформирован государственный долг в соответствующие государственные казначейские обязательства и бонды, консолидированы курсы валют, а также проведены и другие действия, связанные с перестройкой, реорганизацией и модернизацией социально-экономической деятельности.

Другими словами, ситуация в Сирии изменилась настолько, что если во времена движения страны по пути «социалистической ориентации» речь шла почти исключительно о развитии капитализма, только в его «усеченной» форме без его важнейших институтов, то в начале

2000-х годов она становилась все более соответствующей требованиям современности. И хотя большинство населения САР продолжало опасаться приватизации государственных активов, поскольку в этом были заинтересованы крупные контингенты сирийских граждан, которые расценивали эти активы в качестве спасательного круга, удерживавшего на плаву социальные категории граждан с низкими доходами, руководство страны четко заявило о необходимости проведения в Сирии широких рыночных реформ.

С весны 2011 г. под влиянием внешних обстоятельств упор был, естественно, перенесен на внутривнутриполитические процессы, а экономика как бы отошла на «задний план» и оказалась в проигрышной ситуации из-за постепенного разрушения привычных хозяйственных связей и падения темпов роста. Хотя именно она, даже в ее довоенном виде, могла бы стать весомым аргументом в пользу сирийского руководства, тогда как ее разрушение только пополнило список претензий к власти определенной части населения. Ведь в 2009 г. вследствие мирового финансового кризиса, которого Сирии избежать не удалось, темпы роста ВВП страны снизились до 1,8%, упали также доходы от продажи за рубеж нефти, уменьшился спрос на сирийские экспортные товары, сократился и приток иностранных инвестиций. Правда, следует заметить, что в целом Сирии вплоть до 2008 г. включительно удавалось поддерживать вполне приличные ежегодные темпы роста ВВП, составлявшие 4–5% (4).

В целом до начала войны с исламистами, социально-экономическая ситуация в стране соответствовала традиционному для Сирии среднему уровню развития и обеспечивала приемлемое существование для большей части населения. В ряде случаев она даже отвечала и более высоким запросам благодаря социальной политике, которая в той или иной степени сглаживала имевшиеся социальные противоречия. Эти последние были вполне естественны для государства, которое конфрон-

тировало с Израилем и более 50 лет имело фактически военный бюджет. Но в любом случае, до начала 2011 г. в масштабах всей страны речь не шла о дефиците продуктов питания на внутреннем рынке или о невозможности обеспечения населения образованием или здравоохранением. В стране вполне нормально функционировали программы помощи малообеспеченным слоям населения, дотировались основные продовольственные товары, цены на топливо и цемент. При этом была близка к удовлетворительной вся социальная инфраструктура, росло число рабочих мест, особенно на крупных инфраструктурных объектах.

Таким образом, Сирия до начала мартовских беспорядков 2011 г., так или иначе, шла в ногу со временем. Действия сирийского руководства, несмотря на определенные промахи и просчеты, отвечали основным вызовам, которые выдвигало ее социально-экономическое развитие: страна стремилась поддерживать социально-политическую и экономическую устойчивость, повышать конкурентоспособность национального производственного механизма и уровень жизни местного населения, диверсифицировать свое национальное хозяйство, чтобы с наименьшими потерями интегрироваться в международные экономические структуры.

Разрушение Сирии

Особенностью сирийского общества издавна была его конфессиональная и этническая неоднородность. Большинство – 86% – составляли мусульмане, 10% – христиане, 3% – друзы, 1% – другие. Из мусульман 82% относили себя к суннитам, а остальные – к алавитам, шиитам, исмаилитам. Считается, что алавитов насчитывается 10–12% населения, т.е. 2–2,5 млн человек. Исторически сложилось так, что суннитская торгово-промышленная прослойка доминировала в экономике,

а алавиты составляли большинство офицерского корпуса и костяк партии ПАСВ, которая после нескольких переворотов в 1960-е гг. стала господствующей силой в сирийском обществе.

Курды (их общая численность примерно 30 млн человек, хотя сами курды приводят цифру в 40 млн) разделены границами Турции, Ирака, Сирии и Ирана. В Сирии их проживало более 2 млн человек. В своем большинстве они сосредоточены на северо-востоке страны, в меньшей степени – в анклав севернее Алеппо, в самом Алеппо и на границе с Турцией. На их настроения уже довольно давно воздействуют вооруженная борьба против турецкого режима иракских курдов, а также действия последних против властей в Ираке, что привело к созданию автономного, практически независимого Иракского Курдистана.

В 2006–2011 гг. Сирию постигла небывалая засуха, в результате которой в некоторых провинциях погибло до 75% урожая и 80–85% скота, что поставило по угрозу голода более миллиона человек. Поэтому начался массовый исход крестьян и кочевников в города, так, в Алеппо в 2011 г. переселились по меньшей мере 200 тыс. человек. А в нулевых годах в Сирию, после американского вторжения в Ирак, эмигрировали более 800 тыс. иракских беженцев (5). Все это, естественно, стало дестабилизировать социально-экономическую обстановку в стране.

Первые антиправительственные выступления в Сирии начались 26 января 2011 г. Но массовые акции вспыхнули 15 марта того же года в провинциальном центре Дераа. Выступавшие требовали проведения реформ и демократических свобод. Понятно, что произошли столкновения с полицией. Сразу же оппозиция и внешние арабские и западные информационные ресурсы стали утверждать, что полиция избивала подростков за их антиправительственные граффити на стенах домов. Правительственная же сторона заявляла, что были обнаружены склады оружия и погибло несколько полицейских. В рядах

оппозиции немедленно появились вооруженные провокаторы, которые начали стрелять не только по силам правопорядка, но и по демонстрантам. Как бы то ни было, протесты стали охватывать все большее число сирийских городов, а власть применила армию для подавления протестов.

При этом наиболее непримиримое противостояние с полицией, сопровождавшееся призывами к свержению правящего режима, происходило в тех городах, где изначально были представлены сторонники «Братьев-мусульман» и других исламистских движений. Речь идет прежде всего о таких городах, как Хама, Хомс, Джиср аш-Шугур. Им активно стала оказываться помощь из-за рубежа в создании вооруженных антиправительственных группировок со стороны стран НАТО и монархий Персидского залива, что не было удивительным, т.к., например, США и их союзники по НАТО, а также Израиль уже давно видели в Сирии государство, успешно противостоящее Израилю в ближневосточном конфликте и поддерживающее движение «Хизбалла» и Иран. А США и Израиль рассматривали Иран, несмотря на все договоренности по иранской ядерной программе, как враждебное государство. Поэтому для них ослабление Ирана и минимизация его влияния в Сирии являлись стратегическими целями. К тому же США, Израиль и монархии Персидского залива не раз обвиняли Сирию в поддержке «международного терроризма», главным образом палестинских организаций и ливанского движения «Хизбалла». Поэтому смена режима в САР отвечала политическим интересам этих государств.

К тому же суннитские монархии Персидского залива, противостоящие шиитскому Ирану и видящие в нем потенциальную угрозу со времен иранской Исламской революции 1979 г., обладали значительным влиянием в Лиге Арабских Государств (ЛАГ), что не могло не отразиться на позиции этой организации в отношении событий в Сирии. Объективно интересы монархий Персидского залива совпали с интересами ведущих стран НАТО.

Особо следует отметить роль Турции, которая, являясь членом НАТО, следовала ее позиции в сирийском кризисе. Тем не менее у Турции имелись и свои стратегические интересы в отношении Сирии. Так, поддержка турецким руководством сирийских исламистских группировок, часть которых составляли сирийские «Братья-мусульмане», была обусловлена тем, что нынешнее турецкое руководство, представленное Партией справедливости и развития, является идеологически близким ассоциации «Братья-мусульмане». В связи с этим свержение светского режима в Сирии и вероятный приход к власти суннитских исламистских группировок отвечали интересам турецкого руководства. Кроме того, турецкие руководители вот уже на протяжении ряда лет позиционируют себя в качестве преемников Османской империи и, проводя политику неоисламизма, стремятся продвинуть влияние Турции на все регионы, когда-то входившие в состав Османской империи, в том числе в Сирии, особенно в пограничных с Турцией районах.

У сирийских волнений имелись свои логика и динамика. Сирийские исламисты не забыли, как в 1982 г. в ответ на теракты «Братьев-мусульман» Хафез Асад (отец нынешнего президента Сирии) жестко подавил их восстание в г. Хама. Поэтому у «наследников» того восстания имелись свои счеты и к семейству Асадов, и к его сторонникам, и к алавитам, которых наиболее ярко представляют Асады. Поэтому они сразу стали вооружаться при поддержке из-за рубежа, особенно с помощью Турции, через которую сразу же пошли поставки оружия, закупувшегося на средства Саудовской Аравии и Катара. Поэтому вскоре стало ясно, что почти бескровный туниССкий или египетский варианты развития событий в Сирии не пройдут.

Следует заметить, что ни лидеров, ни оппозиционных сирийскому правительству партий в начале волнений в стране не было. Но огонь к «тлевшему фитилю» был поднесен извне. Еще до начала волнений сирийский режим стал объектом беспощадной информационной войны,

которую вели против него средства массовой информации западных государств во главе с США при активной поддержке многих телеканалов и печатных изданий монархий Персидского залива. Все подталкивали страну к гражданской войне. Это происходило на фоне достаточно массовых демонстраций антиправительственных сил. Начались столкновения с силами правопорядка, которые становились все более ожесточенными, со все большим количеством жертв с обеих сторон.

В январе 2012 г. бои уже шли в пригородах Дамаска, из рук в руки переходил г. Растан, также шли с переменным успехом бои в г. Хомс.

Перебежчики из сирийской армии и отдельные группировки вооруженных повстанцев, многие из которых принадлежали к «Братьям-мусульманам», объявили в июле 2011 г. о создании «Свободной сирийской армии» (ССА), которая на деле не имела общего командования, хотя за границей кое-кто пытался назвать себя таковым, и обосновалась в Турции.

В целом повстанцы сформировали свыше тысячи групп и группировок различной численности, которые объединялись вокруг какого-нибудь местного лидера или вокруг общей идеологии. При этом помощь таким группировкам шла во все более возрастающих масштабах. Еще в декабре 2011 г. бывший офицер ЦРУ США Ф. Джиралди утверждал, что «НАТОВские военные самолеты без опознавательных знаков прибывают на турецкие базы, расположенные близ границы с Сирией, доставляя оружие из арсеналов покойного Муаммара Каддафи и добровольцев от Ливийского переходного национального совета. Инструкторы французского и английского спецназа помогают сирийским повстанцам, в то время как ЦРУ и подразделения специальных операций США поставляют оборудование для связи и информации, чтобы помогать делу повстанцев» (6).

Не осталась в стороне от этого процесса и ЛАГ, которая в ноябре 2011 г. ввела экономические санкции против

Сирии. Практически одновременно это же сделал и Евросоюз.

Понятно, что все эти события срывали попытки налаживания мирного диалога между руководством САР и оппозицией, провоцируя последнюю к вооруженным действиям. В результате летом 2012 г. бои уже шли в жилых кварталах Дамаска, а в Алеппо правительственные силы с трудом удерживали лишь часть города. Повстанцы захватили контрольно-пропускные пункты на сирийско-турецкой границе, что обеспечило им беспрепятственную поставку помощи через Турцию.

К тому же рядом с подразделениями аморфной ССА появились многочисленные отряды исламистов, среди которых постепенно набирала силу организация «Джебхат ан-Нусра» (запрещена в России), распространившая свое влияние практически на всю восточную часть страны и на большую часть провинции Идлиб.

В феврале 2013 г., когда возникла угроза со стороны джихадистов транспортным связям между Сирией и Ливаном, в дело вмешались вооруженные отряды ливанской «Хизбаллы», которые в ходе боев с ССА смогли занять г. Эль-Кусейр, что помогло вернуть правительственный контроль над большей частью сирийско-ливанской границы.

Но на востоке Сирии ситуация все более осложнялась, т.к. оппозиционеры захватили г. Ракка и большинство нефтепромыслов в одноименной провинции.

Ожесточение сторон в первый же год зашкаливало. Так, в ходе боев за г. Эль-Кусейр один из командиров повстанцев демонстративно совершил акт людоубийства, съев перед камерами сердце и печень убитого солдата правительственных войск. При этом он призвал повстанцев убивать алавитов и съедать их сердца.

Это означало, что светская оппозиция в лице ССА стала «размываться». «Братья-мусульмане», которые на первых порах активно действовали в рядах ССА, начали переходить в экстремистские группировки, члены

которых легко переливались из одной в другую, особенно в те, где больше платили. В этих группировках также стали массово появляться добровольцы и наемники из самых различных стран мира.

Постепенно «Джебхат ан-Нусра» установила контроль над значительной частью провинции Идлиб, восточных районов Сирии, частью Алеппо, Хомса, оазиса Гута, прилегающего к Дамаску. Под ее контролем также оказалась сирийская часть Голанских высот. Ее ударной силой стали смертники, совершившие десятки терактов. В 2015 г. «Джебхат ан-Нусра» и ее союзники взяли под контроль всю провинцию Идлиб, включая ее столицу. Ей присягнули на верность и боевики-выходцы из самых разных стран мира. Авиаудары США по позициям этой группировки в Сирии не нанесли ей серьезного ущерба, но увеличили ее популярность среди исламистов.

Необходимо отметить, что в 2013 г. в рядах вооруженной сирийской оппозиции появилась еще более мощная, беспощадная и сверхфанатичная группировка «Исламское государство в Ираке и Леванте», в дальнейшем – «Исламское государство» (ИГ, запрещено в России), которая активно вмешалась в войну в Сирии. Уже вскоре эта группировка оккупировала восточные районы страны, выбив из них сторонников «Джебхат ан-Нусры», затем города Ракка, Пальмира, часть Дамаска, провинцию Идлиб, часть Алеппо.

Признав ИГ «террористической организацией», США в сентябре 2014 г. создали коалицию, которая стала наносить авиаудары по позициям ИГ в Ираке, а затем (без согласия правительства в Дамаске) и в Сирии. Весомых результатов эти авиаудары не принесли, но США перешли к прямым поставкам оружия США, а также курдам в Ираке и Сирии, что, понятно, вызвало серьезное недовольство Турции.

На конец 2014 г. общая площадь контролируемой ИГ территории в Ираке и Сирии оценивалась почти в 90 тыс. кв. км, на которой проживало около 8 млн человек. 11 де-

кабря 2015 г. министр обороны России С. К. Шойгу сообщил, что ИГ захватило около 70% территории Сирии, а общая численность его боевиков составила 60 тыс. человек (7), тогда как еще в сентябре 2014 г. глава ФСБ России называл цифру в 30–50 тыс. человек (8).

Бюджет ИГ оценивался разными источниками по-разному, но все сходились в том, что основным источником доходов для ИГ была контрабанда нефти с захваченных месторождений в Сирии и Ираке, которую боевики продавали главным образом турецким посредникам. Эти доходы ИГ, по данным министерства финансов США, оценивались в 40 млн долл. в месяц. Ограбление банков принесло ИГ еще 0,5–1 млрд долл. (9). Другие источники финансирования – доходы от грабежей местного населения, выкупы за заложников, торговля наркотиками и разграбленными артефактами, помощь сочувствующих боевикам богатых доноров из монархий Персидского залива и пр. – вообще не поддается более или менее объективным оценкам.

В сложившихся условиях сирийское руководство обратилось за помощью к России, которая 30 сентября 2015 г. согласилась оказать Сирии военно-техническое содействие. Военное вмешательство России, безусловно, изменило баланс сил и всю военно-политическую обстановку в Сирии. Были укреплены позиции правительственных войск, улучшено моральное состояние местной армии, ослабли позиции джихадистов, стала быстрыми темпами сужаться зона их контроля над сирийскими территориями. Сирийские войска при активной поддержке российских ВКС отбросили банды ИГ от Дамаска, освободили от их оккупации такие важные города, как Хомс, Хама, Алеппо, Пальмира, Дейр-эз-Зор, не говоря уже о множестве небольших городков, сел и деревень. Конечно, это не означало, что война против ИГ на территории Сирии закончена, ведь спорадические вооруженные столкновения в некоторых провинциях Сирии продолжают и по сей день, а в руках джихадистов по-прежнему продолжает оставаться крупная и густонаселенная провинция Идлиб.

Тем не менее можно утверждать, что в войне в Сирии произошел решающий перелом и благодаря российскому военному вмешательству баланс сил в этой стране радикальным образом изменился в пользу официального Дамаска.

Поэтому на первый план постепенно стала выходить проблема восстановления страны, ведь боевые действия на ее территории оставили после себя страшные разрушения.

В первую очередь, поражают масштабы произошедшей в Сирии гуманитарной катастрофы. В войне погибли, по разным оценкам, от 400 до 560 тыс. человек. Впервые в мировой истории каждый второй житель страны был вынужден покинуть свой кров. Летом 2018 г. число зарегистрированных беженцев из Сирии составляло 5,6 млн человек, а количество внутренне перемещенных лиц – 6,1 млн, из которых 2,5 млн – дети. Ожидаемая продолжительность жизни уменьшилась за 2010–2015 гг. с 75,9 до 55,7 лет. По состоянию на 2015 г. 13,5 млн сирийцев, в том числе 6 млн детей, нуждались в гуманитарной помощи (10).

Собственно экономические потери впечатляют не меньше. С начала вооруженного конфликта страна теряла по 500 тыс. рабочих мест в год. В предвоенное десятилетие экономика Сирии росла в среднем на 4,3% в год, в первую очередь за счет увеличения нефтедобычи, приносившей в бюджет до 25% доходов. Однако из-за войны и захвата нефтяных месторождений боевиками ИГ, которые летом 2015 г. контролировали около 80% нефтяных полей страны, объемы добычи нефти сократились с 346 тыс. барр./сутки в 2008 г. до 50–90 тыс. барр./сутки в 2018 г. С 2013 г. прекратили работу более 30 энергетических объектов, а нападениям и подрывам подверглись около 40 ЛЭП, что привело к веерным отключениям подачи электроэнергии в стране (11). Свои удары по ключевой для сирийской экономики отрасли нанесли западные санкции и падение цен на нефть на мировом рынке. В ре-

зультате внутренней добычи нефти едва хватало на хотя бы минимальное поддержание тех национальных производственных мощностей, которые не сильно пострадали в ходе боевых действий. Кроме того, из-за боев в центральной части страны фактически было остановлено производство фосфатов и цемента.

С этих же позиций следует рассматривать и ситуацию в транспортной и логистической инфраструктуре Сирии, в которой резко обострились проблемы из-за деградации условий безопасности перевозки грузов и пассажиров. В равной степени это относится к морским и авиационным портам и их грузообороту вследствие падения объемов внешней торговли, реэкспортных и транзитных операций.

На этом фоне значительное сокращение сирийского ВВП было зарегистрировано практически по всем бюджетным статьям, причем особенно впечатляющим было падение в жилищном и капитальном строительстве – в 26 раз, т.к. именно этот сектор оказался наиболее пострадавшим от военных действий, которые привели к массовому разрушению жилого фонда и инженерных коммуникаций.

Весьма чувствительно военная ситуация отразилась и на таких отраслях, как внутренняя торговля (падение ее доли в ВВП страны в 1,7 раза), транспорт и связь (в 1,2 раза), добывающая и обрабатывающая отрасли промышленности (в 1,7 раза).

Розничная и оптовая торговля, а также гостиницы и рестораны традиционно являлись потребителями неквалифицированной рабочей силы, поэтому их падение крайне отрицательно сказалось на состоянии безработицы в стране. Резко снизились и доходы от иностранного туризма, который сократился более чем на 90% (12).

Потеря властями во время войны контроля над основными сельскохозяйственными районами, в первую очередь над провинцией Хасеке, которую население считает сирийской житницей, на фоне разрушения мельниц, элеваторов и хлебопекарен спровоцировало дефицит муки в городах, который с трудом удалось выправить за счет

использования стратегических запасов государства и гуманитарной помощи России, срочно поставившей Сирии 100 тыс. т пшеницы (13).

Ограничения на валютные операции, рост стоимости импорта промежуточных и инвестиционных товаров, урезание объемов поставок товаров широкого потребления и другие сходные моменты убийственно сказались на производительной силе капитала, станочного парка и т.п. Особенно это относится к таким крупным по сирийским меркам центрам промышленного производства, как Алеппо, Хомс, провинция Дамаск, которые подверглись наиболее сильным разрушениям.

Поэтому в разы сократилась доходная часть бюджета страны, а также ВВП Сирии – на 63% за 2011–2016 гг. На восстановление его довоенных значений потребуется, по разным оценкам, не менее 10 лет. В 2018 г. Сирия опустилась в число беднейших стран с доходом на душу населения менее 995 долл. в год, т.е. на уровень Йемена, Сомали или Афганистана. При этом оценки потерь сирийского национального хозяйства от военных действий постоянно уточняются. Например, по цифрам, представленным Экономической и социальной комиссией ООН по Западной Азии, они составили 388 млрд долл., не считая потерь от эмиграции квалифицированной рабочей силы. Из этой суммы 120 млрд долл. – прямые потери от разрушений и повреждений мостов, дорог, жилых зданий и т.п. Различны и оценки средств, необходимых для восстановления разрушенного войной хозяйства. Так, в ноябре 2017 г. специальный представитель Генерального секретаря ООН по Сирии С. ди Мистура назвал цифру в 250 млрд долл., а президент САР Б. Асад весной 2018 г. привел цифру в 400 млрд долл. (14).

Однако в ряде случаев дееспособность, хотя и ограниченная, сохранилась в мелком частном секторе преимущественно в районах, наименее затронутых войной. С одной стороны, сохранение хозяйственной активности этого сектора было связано с его диверсифицированно-

стью и малым объемом частных производств, что не позволило поставить под удар сразу всех товаропроизводителей. Там, где обстановка постепенно нормализуется, понесенный ими материальный ущерб компенсируется за счет возобновления выпуска несложных в техническом отношении средств производства (плуги, сеялки, ткацкие станки и др.) и товаров повседневного спроса. Этот процесс не затухает, т.к. к нему постепенно подтягиваются хозяева кустарного промысла, поддерживая тем самым определенную дееспособность ослабленной экономики.

Тем не менее Сирия продолжает нести экономические потери не только в силу прямого разрушения гражданской экономики, что предопределяет прямое повреждение капитала, ограничивает его мобильность и резко снижает его инвестиционную активность. Другая сторона проблемы состоит в том, что экономика ослабляется не предусмотренным бюджетом ростом военных расходов и продолжающимся разрушением хозяйственных связей. Ведь с началом широкомасштабных военных действий на территории Сирии произошло перераспределение финансовых ресурсов, изначально предполагавшихся для использования в производственном процессе, но затем срочно переброшенных на военные нужды.

Из всего этого следует, что разрушительное воздействие войны, которая практически полностью расстроила воспроизводственную систему Сирии, создает новые реальности в национальном хозяйстве страны. Такая ситуация ставит сирийское руководство перед серьезнейшими проблемами выбора решений, которые могли бы облегчить положение в социально-хозяйственной сфере. Однако эффективных вариантов алгоритма действий у сирийского руководства остается все меньше, что связано с объективным уменьшением возможностей для сохранения баланса производительных средств, чтобы не допустить абсолютного обесценения сохраняющихся активов и прямого обвала всех систем воспроизводственно-го механизма.

Чтобы избежать развития этого негативного сценария, Сирии нужны немалые средства, которых попросту нет в бюджете страны. Например, бюджет Сирии на 2019 г. составлял лишь 9 млрд долл. (до войны – 14 млрд), а его инвестиционная часть – только 2,5 млрд долл. (до войны – 21 млрд). Золотовалютные запасы оценивались в 1,3 млрд долл. (до войны – 21 млрд). Средств на восстановление разрушенной экономики нет и у частных сирийских банков, совокупный капитал которых в конце 2016 г. составлял 3,5 млрд долл. (до войны – 13,8 млрд) (15).

К тому же резко обесценилась национальная валюта – сирийский фунт – с 50 сир. ф. за 1 долл. США в 2010 г. до 515 сир. ф. за 1 долл. в 2018 г. Соответственно выросли цены на продовольствие и товары широкого потребления.

В этих условиях правительство САР образовало Межведомственный комитет по восстановлению, который занялся администрированием проектов в сфере восстановления инфраструктуры и предоставлением населению базовых услуг в таких крупных городах, как Дамаск, Алеппо, Хомс, Хама. Но объемы финансирования пока не выглядят впечатляющими: всего около 200 млн долл. за 2013–2017 гг., к тому же и эта небольшая сумма не была полностью освоена. В 2017 г. правительство Сирии объявило о запуске «Национальной программы развития послевоенной Сирии», параллельно обложив некоторые товары специальной пошлиной, отчисляемой на осуществление данной программы.

В целях мобилизации ресурсов частного сектора правительство страны в 2015 г. установило ряд законов, согласно которым государственные и муниципальные учреждения получили право создавать холдинговые компании, а инвесторы – реструктурировать свои долги на достаточно выгодных для них условиях. Новый закон о государственно-частном партнерстве допустил частных инвесторов к управлению государственными активами во всех отраслях национального хозяйства, кроме нефтяной. В ноябре 2017 г. была также законодательно установлена

доля государства в финансировании процесса восстановления, составившая 10%, что должно было побудить частных к более активному инвестированию средств в проекты восстановления.

Кроме того, правительство постаралось создать условия для возвращения в страну выведенных из нее капиталов, объем которых ООН оценивала в 2016 г. в 22 млрд долл. При этом, говоря о восстановлении экономики в основном за счет собственных сил, руководство САР не скрывает своей заинтересованности во внешней помощи, обещая отдать приоритет дружественным странам, главным образом России, КНР и Ирану, которые на самом деле проявляют интерес к участию в восстановлении сирийской экономики. Что же касается стран Запада и монархий Персидского залива, то они во главу угла ставят свое участие в финансировании восстановительных работ в Сирии в зависимости от развития политического процесса урегулирования разногласий между Дамаском и сирийской оппозицией, а конгресс США, более того, посредством санкций пытается ограничить возможности других стран содействовать мирному восстановлению Сирии.

Таким образом, за время войны против терроризма Сирия вошла в полосу мощных экономических и социальных пертурбаций, которые самым серьезным образом изменили не только политическую обстановку и социальный климат в стране, но и подорвали ее возможности к возрождению на длительное время.

Борьба с исламистской интервенцией, которая породила огромное количество беженцев и подорвала внутрихозяйственные связи и воспроизводственный процесс, поставила также на повестку дня вопрос о будущем политическом устройстве государства и об экономических основах его существования. Поэтому вполне вероятно, что навязывание Сирии методик выхода из кризиса со стороны западных стран едва ли встретит положительную реакцию у подавляющего большинства сирийцев, уже

достаточно давно страдающих от исламистских экспериментов и не готовых к новым испытаниям, которые им сулят западные методы выхода из кризиса.

Источники

1. Ахмедов В.М. Сирия на рубеже столетий. Власть и политика. М., 2003, с. 6.
2. Современная Сирия. Справочник. М., 1974, с. 232.
3. Арабский мир на перепутье (революция против экономики). М., 2014, с. 60.
4. Там же, с. 61.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/гражданская_война_в_сирии
6. The American Conservative, 19.12.2011.
7. ТАСС, 11.12.2015.
8. РИА Новости, 16.11.2014.
9. Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2018, с. 544.
10. UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. The 2016 Humanitarian Needs Overview: Syrian Arab Republic. N.Y., 29.12.2015, p. 3.
11. Syrian Review, 26.02.2018.
12. Арабский мир на перепутье (революция против экономики). М., 2014, с. 65–66.
13. UP DATE 1 – Russia has sent to Syria 100,000 T of Wheat as Aid-Sources // Reuters, 3.11.2015.
14. ГАЗЕТА.RU, 18.02.2019.
15. Там же.

В.И. Ковалев

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИТОГАХ 2020 ГОДА ДЛЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

2020-й год войдет в историю российско-турецких отношений, с точки зрения их политического аспекта, как год конфликта в Нагорном Карабахе.

Напомним, что конфликт продолжался в период с 27 сентября по 10 ноября 2020 года и увенчался тем, что было подписано трехстороннее Заявление между Азербайджаном, Арменией и Россией. Это заявление, по сути, следует рассматривать как признание руководством Армении своего поражения в Нагорно-Карабахском конфликте.

Полный текст Заявления президента Азербайджанской Республики И.Г. Алиева, премьер-министра Республики Армения Н.В. Пашиняна и президента Российской Федерации В.В. Путина опубликован на сайте Кремля¹.

Помимо возвращения Азербайджану территорий (включая Агдамский район, согласно п.2 Заявления; Кельбаджарский район, Лачинский район, согласно п.6 Заявления), совместным Заявлением предусматривается развертывание российского миротворческого контингента, сроком на 5 лет с автоматическим продлением на последующие периоды, вдоль линии соприкосновения в Нагорном Карабахе и вдоль Лачинского коридора.

Другим ключевым аспектом принятого сторонами Заявления является определение плана строительства

в течение трех лет нового маршрута по Лачинскому коридору, который обеспечит связь между Нагорным Карабахом и Арменией.

С другой стороны, Республика Армения обязалась гарантировать безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой. Также предусматривается строительство новых транспортных коммуникаций, которые должны связать Нахичеванскую Автономную Республику с западными районами Азербайджана.

Вообще разблокировка «всех экономических и транспортных связей в регионе» в случае успешной реализации может стать одним из главных достижений принятого Заявления.

Невзирая на то, что формально Турция в Заявлении не упоминается, а Россия стала главным арбитром конфликта, турецкая сторона, будучи на стороне Азербайджана, сыграла ключевую роль в победе азербайджанской стороны. Более того, Турция не просто следовала в фарватере развивающихся в регионе событий и оказала поддержку Азербайджану в рамках формулы «два государства – один народ», она выступила одним из режиссеров конфликта. Невзирая на то, что Азербайджан и Турция буквально в один голос обвинили Армению в эскалации конфликта, подчеркивая, что речь шла лишь об «обуздании агрессивных планов по созданию Великой Армении».

В этом смысле следует отдать должное турецкой стороне: она изучила и применила опыт локальных конфликтов недавнего прошлого. Помимо этого, Турцией был четко уловлен момент возникновения фундаментальных расхождений между руководителями России и Армении, президентом В. Путиным и премьер-министром Н. Пашиняном.

Турецкая сторона не ошиблась в своих расчетах, которые показали, что Россия не будет вмешиваться на этом историческом отрезке в Нагорно-Карабахский конфликт на армянской стороне, желая обуздать «западнические амбиции» Н. Пашиняна.

Ради этого, как посчитала Анкара, Россия даже будет готова смириться с тем, что Турция оказывается непосредственно вовлечена в конфликт на постсоветском пространстве. Надо ли говорить о том, что со стороны выглядело и продолжает выглядеть так, что Турция зашла на территорию не просто стратегических, а жизненных интересов России. А, следовательно, наносится ущерб позиционированию России себя как ведущей силы на постсоветском пространстве.

Причем исходя из заявлений российской стороны, можно сделать вывод о том, что она встретила с крайним раздражением «турецкий активизм» в вопросе Нагорного Карабаха.

В этом смысле стоит вспомнить выступление в разгар конфликта министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, в котором он заявил, что «Россия считает Турцию тесным партнером, а не стратегическим союзником». «Мы никогда не квалифицировали Турцию как нашего стратегического союзника. Это очень тесный партнер», – сказал С. Лавров. Более того, российский министр также отметил, что Россия не разделяет мнения Турции о возможности военного решения конфликта в Нагорном Карабахе². Эпитет «Турция – тесный партнер» приобрел после этого устойчивый характер с коннотацией, что России – «тесно» с Турцией.

Как бы то ни было, участие Турции в Нагорно-Карабахском конфликте не ограничилось лишь поддержкой азербайджанской стороны. Турция по итогам конфликта стала и непосредственной участницей процесса мониторинга мирных договоренностей между Арменией и Азербайджаном. В частности, 30 января 2021 года было объявлено о том, что в Агдаме открылся совместный российско-турецкий мониторинговый центр для контроля за прекращением огня в Нагорном Карабахе³.

Таким образом, следует подчеркнуть, что, невзирая на то, что Турция формально не являлась стороной при принятии Заявления 10 ноября 2021 года, по факту она ею являлась и получила полномочия по тому, чтобы отслеживать выполнение достигнутых договоренностей.

Символическим «бонусом» для Турции стало участие президента страны Реджепа Тайипа Эрдогана в праздничных мероприятиях в Азербайджане: 10 декабря 2020 года в Баку состоялся совместный азербайджано-турецкий парад победы по итогам очередного витка конфликта за обладание территорией Нагорного Карабаха. Хотя, по всей видимости, правильнее было бы сказать, что этот парад состоялся не с участием Турции, а в честь Турции.

Итак, какие последствия для российско-турецких отношений можно усмотреть в итогах Нагорно-Карабахской войны 2020 года? Подчеркнем, что этот конфликт стал, пожалуй, важнейшим политическим событием года, затрагивающим отношения между Россией и Турцией.

Прежде всего заметим, что на протяжении всех 30 лет с момента провозглашения независимости Азербайджана в 1991 году, Турция декларирует свою полную и безоговорочную поддержку азербайджанской стороне в ее территориальном споре с Арменией.

Впрочем, эти декларации имели под собой не только бумагу, на которой они были напечатаны, но и конкретную работу. В частности, Турция активно содействовала тому, чтобы росла военная мощь Азербайджана и в армяно-азербайджанском противостоянии в его пользу менялся баланс сил. Вряд ли помощь турецких военных советников и беспилотников имела бы решающее значение в ситуации, если бы сам Азербайджан не имел бы ощутимого военного преимущества перед Арменией.

Победа Азербайджана, в итоге, становится первым случаем урегулирования территориального спора на постсоветском пространстве при участии Анкары, которая на двоих с Азербайджаном потеснила даже Минский формат урегулирования. Российская сторона в этом процессе, даже в роли арбитра кризиса, выглядела все-таки «вторым номером», отрабатывающим возникшую ситуацию. Стратегическая инициатива была у «первого номера» – у Турции, действующей из-за спины Азербайджана.

Возникновение подобного прецедента предсказуемо заставило многих как в самой Турции, так и за ее пределами рассматривать турецкую сторону в качестве нового игрока, который может, как минимум, «балансировать» Россию на постсоветском пространстве. Как максимум, «потеснить» ее на Украине, Кавказе и в Центральной Азии.

Заметим, что такое амплуа полностью устраивает турецкую сторону. И, очевидно, желая укрепить свои позиции, Турция в таком качестве пытается предложить себя Западу – в первую очередь, новой администрации Джо Байдена. То есть после Нагорного Карабаха Турция открыто предлагает Западу «сдерживание России» в обмен на политическую поддержку. Рассматриваемый конфликт и его итоги должны послужить наглядным свидетельством того, что это сдерживание уже возможно на практике.

Разумеется, ситуация – ситуации рознь. В том смысле, что в ту же эскалацию конфликта вокруг Донбасса Турция активно втягиваться не желала, хотя президент Р.Т. Эрдоган и принял в Стамбуле своего украинского коллегу В. Зеленского 10 апреля 2021 года.

С высокой турецкой трибуны в Стамбуле прозвучали все «необходимые слова» о полной поддержке территориальной целостности Украины и непризнании Турцией «оккупации Крыма». Однако от непосредственного участия в вооруженном противостоянии и бряцания оружием Турция отказалась, переадресовав данный вопрос в сторону НАТО. Послание турецкой стороны было предельно ясным: Турция может участвовать в «урегулировании» конфликта вокруг Донбасса лишь в составе широкой НАТОвской коалиции. Последняя, разумеется, «не случилась».

Хотя украинский лидер и дал Турции множество обещаний, которые должны были заинтересовать турецкую сторону: от участия в программе приватизации черноморских портов до передачи туркам технологий в сфере авиастроения и покупки турецкого «оружия победы» – беспилотных летательных аппаратов «Байрактар». Однако стоит заметить, что Турция выбрала для себя иной

путь – наращивание своего присутствия на Украине, используя и поддерживая (в украинских умах) фактор российской угрозы. Следует ожидать и того, что Турция пригласит Украину вступить, в качестве полноправного члена, а не наблюдателя в Тюркский совет, то есть стать частью турецкого интеграционного проекта.

В этом смысле Украине не стоит обманываться турецкой «поддержкой»: истинной целью турок в противостоянии между Россией и Украиной является именно Украина, которая демонстрирует все признаки failed state или «провалившегося государства».

Более того, вопреки расхожему мнению о том, что распад СССР представлял собой «мирный развод», напомним, что постсоветское пространство достаточно насыщено разного рода территориальными спорами. И конфликт 28 апреля 2021 года между Таджикистаном и Киргизией лишь подсветил еще один из них. Причем опять же, заметим, что Турция немедленно продемонстрировала свой интерес к тому, чтобы выступить арбитром в конфликте.

Пожалуй, важнейшим итогом Нагорно-Карабахского конфликта 2020 года становится тенденция к тому, чтобы политические усилия России на постсоветском пространстве, включая миротворчество, дублировались и конкурировали бы с аналогичными усилиями со стороны Турции.

¹ Заявление Президента Азербайджанской Республики, Премьер-министра Республики Армения и Президента Российской Федерации. 10 ноября 2020 года. Сайт Кремля.

<http://kremlin.ru/events/president/news/64384>. Доступ: 08.05.21.

² Лавров: Турция для России тесный партнер, а не стратегический союзник. 14 октября 2020 года. Издание Gazeta.Ru.

https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/10/14/n_15078769.shtml. Доступ: 09.05.21.

³ В Карабахе открылся российско-турецкий мониторинговый центр. 30 января 2021 года. ТАСС.

<https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10584995>. Доступ: 09.05.21.

А.М. Наджаров

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ НА СИРИЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Французская Республика имеет давние связи с Сирией, берущие начало еще со времен Крестовых походов, когда на территории нынешней Сирии были основаны франкские королевства. После окончания Первой мировой войны территории Сирии и Ливана стали французскими подмандатными территориями; и несмотря на быструю деколонизацию после окончания Второй мировой войны, Париж остался вовлечен в политические процессы на пространстве Леванта.

Несмотря на определенное потепление отношений между Парижем и Дамаском во второй половине 2000-х гг., Пятая республика одной из первых выступила против правительства Башара Асада после начала революционных событий в Сирии. В данной статье рассматривается политика Парижа в отношении Дамаска на протяжении последних десяти лет, изучаются ее императивы и инструментарий. Работа структурно разделена на две части: политика в 2011–2015 гг. и в 2016–2021 гг.

Политика в 2011–2015 гг.: поддержка оппозиции и попытки интервенции

«Арабская весна» застала Францию врасплох. Первоначальный ответ Парижа на протестные выступления

в арабских странах был весьма противоречивым: президента Туниса Бен Али Пятая республика изначально поддержала, в случае с президентом АРЕ Хосни Мубарака заняла нейтральную позицию. Однако, когда началось ливийское восстание, Франция выступила в качестве инициатора западной интервенции в Джамахирию, первой признав Переходный национальный совет и добившись согласия ЛАГ на введение бесполетной зоны над ливийской территорией. Курс на поддержку арабских восстаний был поддержан и в случае Сирии. Уже 26 апреля 2011 г. президент Н. Саркози заявил, что репрессии сирийского режима против демонстрантов недопустимы. В мае 2011 г. на Сирию были наложены первые санкции ЕС¹. После массового кровопролития в августе 2011 г. в Хаме Франция окончательно заняла твердую антиасадовскую позицию. В совместном заявлении с Б. Обамой, Д. Кэмероном и К. Эштон Н. Саркози заявил, что президент Башар Асад должен уйти. Стоит отметить, что подобная жесткая позиция по Сирии являлась заслугой министра иностранных дел А. Жюппе – именно он стоял за концепцией пересмотра французской политики «поддержки режимов» к политике «поддержки людей»². Подобный разворот французской политики объясняется как интересами Парижа в самой Сирии, так и его региональными интересами в целом.

Несмотря на предупреждения посла в Дамаске Эрика Шевалье и французских спецслужб (DGSE, DGSI, DRM³) о том, что любой политический транзит в Сирии обещает быть трудным и кровавым, французское политическое руководство было убеждено, что режим Башара Асада вот-вот падет⁴. Не желая повторения тунисского и египетского сценария, где Франция потеряла многолетних партнеров, Париж поставил на оппозицию. Исходя из этого и ожидая бегства высокопоставленных лиц режима, Франция начала активно налаживать контакты с сирийскими оппозиционными структурами. Уже в октябре 2011 г. Париж признал Сирийский национальный совет в качестве

легитимного представителя сирийского народа. Скорость Франции была объяснима: Сирийский национальный совет возглавил сирийский эмигрант, проживавший в Париже, – Бурхан Гальюн, его заместителем стала другая сирийская эмигрантка, проживавшая во Франции – Басма Кодмани⁵.

Другим направлением Парижа по работе с сирийской оппозицией стало упрочение связей с суннитским кланом Тласов. Тласы были исторически связаны с Пятой республикой – так, дочь министра обороны Сирии Мустафы Тласа, Надира, была замужем за Акрамом Уже, саудовским торговцем оружием, связанным с французскими военно-промышленным комплексом. С началом революции клан Тласов не спешил поддерживать режим, несмотря на то что Тласы занимали крайне привилегированное положение в сирийской политической и экономической системе. В марте 2012 г. стало известно, что Мустафа Тлас находится в Париже. В июле 2012 г. французскими спецслужбами был организован побег бывшего руководителя президентской гвардии Манафа Тласа⁶. Спустя неделю в интервью газете «Аш-Шарк аль-Аусат» старший брат Манафа, бизнесмен Фирас, заявил, что ряды режима покинули 45 офицеров из семьи Тлас, в частности, Абдул-Раззак Тлас, двоюродный брат Манафа и Фираса⁷. После бегства Тласов департамент Ближнего Востока и Северной Африки МИД Франции стал уверен в неизбежности падения режима⁸.

Абдул-Раззак Тлас являлся важной фигурой для французской политики в Сирии. Представитель клана Тласов стал вторым человеком вооруженной группировки «Бригады Фарука», действовавшей в районе Хомса. Вместе с ним действовал и его родственник Абдулла Тлас, преимущественно в районе Аль-Кусейра⁹. «Бригады Фарука» представляли собой значительную силу в 2012–2013 гг. и были номинально аффилированы со Свободной сирийской армией. По некоторым данным, именно «Бригады Фарука» были одним из ос-

новых получателей французской военной помощи – именно из региона Хомса к «Исламскому государству» (ИГ, запрещено в России) впоследствии попали французские образцы вооружений¹⁰.

Однако французская политика в Сирии вскоре столкнулась с ограничениями, вызванными региональным раскладом сил и самими региональными интересами Пятой республики. Во-первых, стоит отметить, что ни Тласы, ни бежавший во Францию летом 2012 г. премьер-министр Риад Хиджаб, ни другие беглые представители сирийского режима не были французскими марионетками – они поддерживали связи и пытались добиться поддержки сразу нескольких вовлеченных государственных акторов. Во-вторых, политика Парижа на сирийском направлении должна была ориентироваться на политику Саудовской Аравии и Катара. Причиной тому было желание Франции закрепиться и расшириться на рынках вооружений, гражданской авиации, инфраструктуры монархий Персидского залива, привлечь инвестиции аравийских монархий во Францию. Концепция внешней политики, направленной на привлечение денег, наиболее полно раскрылась при президенте Ф. Олланде, при котором была запущена программа «один посол-один предприниматель». К слову, в той же парадигме Париж проводил и политику в отношении Ирана, занимая максимально ястребиную позицию по иранской ядерной программе в надежде получить экономические привилегии от стран Залива в обмен на политическое позиционирование. В этом внешнеполитическом поведении не было ничего принципиально нового – оно представляло собой классический пример *politique arabe française*.

Однако ориентация на страны Залива связывала руки Парижу в отношении происходящего «на земле». Так, близкий Франции и Катару в Сирийском национальном совете Бурхан Гальюн были заменен летом 2012 г. на Абдель Бассета Сейду, близкого к Саудовской Аравии. В свою очередь Сейда сделал довольно

значимое заявление после побега Тласов и Риادا Хиджаба из страны, заявив, что никому из них нет места в сирийском политическом процессе¹¹. Популярный и медийный Абдул-Раззак Тлас также пал жертвой интриг региональных держав, когда в 2013 г. в интернете появилось компрометирующее его секс-видео. Сразу же после этого он был лишен всех должностей шариатским советом «Бригад Фарука»¹². В целом Франция, обладавшая вначале широким пулом связей в сирийской оппозиции – как в политических структурах, так и «на земле» – к 2013 г. это влияние утратила. Главной причиной тому была относительная слабость Парижа по сравнению с региональной тройкой (КСА-Катар-Турция) и США, которые могли продавливать своих людей в оппозиционные структуры и координировать действия вооруженной оппозиции.

В связи с этим к 2013 г. Франция утратила способность к самостоятельному действию на сирийском направлении. Усугубляло ситуацию и закрытие посольства, которое ударило по разведывательной сети Пятой республики. При этом политическое руководство Франции наотрез отказывалось взаимодействовать в каком-либо виде с режимом в Дамаске. Так, когда сирийцы предложили DGSF список французских джихадистов, находившихся в САР, министр внутренних дел Мануэль Вальс отказался его принимать¹³.

Поэтому стратегия Франции в Сирии была сведена к совместным действиям вместе с западными и региональными партнерами. Действуя совместно с США и Великобританией, Пятая республика приложила все усилия для международной легитимации сирийской оппозиции и наибольшей изоляции режима в Дамаске. После образования Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии Париж 10 декабря 2012 г. на саммите «Друзей Сирии» в Марракеше заявил, что коалиция является единственным легитимным представителем сирийского народа¹⁴.

В то же время сотрудничество с региональными партнерами заключалось в прямых или косвенных поставках французского оружия сирийской оппозиции, обучение французскими специалистами ее боевиков, разведывательной поддержке. Совместно с Турцией французы создали лагерь подготовки ССА в близости от сирийско-турецкой границы. Действуя совместно с турецкими спецслужбами, французы снабжали и финансировали группировки, аффилированные со Свободной сирийской армией, в частности, формирование «Лива ат-Таухид» во главе с Абдул Кадир Салехом¹⁵. Французское оружие поступало в Сирию либо через третьи страны (КСА, Катар), либо напрямую, зачастую оказываясь в руках радикальных исламистских группировок – как это произошло в Хомсе (попало в руки ИГ) или Восточном Эль-Каламуне (попало в руки «Джейш аль-Ислам»)¹⁶. Преимущественно, это было стрелковое оружие и легкие вооружения – пулеметы, ПТРК, а также нелетальное военное оборудование: бронжилеты, приборы ночного видения, средства связи. Стоит заметить, что такие же поставки с 2014 г. начали получать и курдские формирования¹⁷. Помимо этого, французские спецслужбы поставляли оппозиционным формированиям разведданные, в частности – спутниковые снимки.

Попытка интервенции 2013 г.

Апогеем французской ястребиной политики в отношении Сирии стала неудачная попытка интервенции 2013 г. Предлогом для подготовки удара по сирийскому режиму стала химическая атака в Восточной Гуте, которая унесла жизни сотен человек. Такого количества смертей от ядовитых газов не было со времен ирано-иракской войны. Западные СМИ требовали вооруженного вмешательства в сирийский конфликт. Президент Франсуа Олланд после публикации 21 августа доклада французской разведки

об атаке заявил о необходимости военных действий против сирийского режима¹⁸.

ВС Франции начали подготовку к интервенции еще до химической атаки в Восточной Гуте. Еще в июне 2013 г., после того как в апреле было использовано химическое оружие в Джобаре и Саракибе, французский министр иностранных дел Лоран Фабиус заявил о подготовке военной операции в случае продолжения химических атак со стороны сирийского правительства. Удары должны были наноситься совместно с британцами и американцами. Операция получила предварительное кодовое название *Fight tonight*. Удар должен был быть нанесен в ночь на 1 сентября. Стоит отметить, что Лоран Фабиус занимал еще более ястребиную политику в отношении Сирии, чем его предшественник А. Жюппе¹⁹. В целом при администрации Олланда сирийское направление курировалось, в первую очередь, МИД Франции, а Министерство обороны и спецслужбы были отстранены от принятия ключевых решений.

Однако 29 августа 2013 г. британский премьер-министр Дэвид Камерон не смог добиться согласия Палаты общин на проведение операции. А 31 августа, за несколько часов до начала операции, президент США Барак Обама позвонил Франсуа Олланду, чтобы сказать, что представит вопрос об интервенции Конгрессу (что, де-факто, означало, что интервенции не будет). Французские самолеты на базе Абу-Даби были отозваны с операции за сорок минут до вылета, когда стало окончательно ясно, что Франция наносить удары будет в одиночестве²⁰. В отсутствие поддержки со стороны США и Великобритании операция была обречена на стратегический провал. Несмотря на то, что с военной точки зрения Пятая республика могла без особых проблем нанести удар по сирийским военным объектам (в конце августа в Средиземном море находился авианосец «Шарль де Голль», не говоря о том, что самолеты «Рафаль» могли ударить по Сирии, вылетев с аэродромов на юге Франции или с базы

в Абу-Даби), этим бы все и ограничилось. Ожидать серьезного урона сирийской военной машине от этого не стоило. В свою очередь администрация Олланда, по сути, стремилась повторить ливийский сценарий, возглавив военную операцию, переходящую в смену режима.

Однако французские союзники на это не пошли. Ситуация слишком отличилась от ливийской: отсутствовал международный мандат на вооруженное вмешательство в сирийский конфликт. ПВО Сирии была значительно сильнее ливийской. Москва недвусмысленно давала понять, что не позволит Западу сделать с Асадом то, что было сделано с Каддафи. Интервенция не состоялась: 12–14 сентября 2013 г. прошли переговоры Лаврова-Керри, по итогам которых Россия взяла на себя ответственность за уничтожение сирийского запаса химического оружия. После стольких бравурных заявлений о нерушимых «красных линиях» Париж оказался на обочине сирийского политического процесса. Французский гамбит провалился; в то же время террористические группировки, действовавшие в Сирии, становилась все большей угрозой безопасности Пятой республики и ее граждан.

Дело «Лафарж»

Стоит отметить, что Франция стремилась компенсировать потерю влияния «на земле» и утрату традиционной разведывательной сети путем использования неконвенциональных, формально не связанных с французским государством инструментов. Ярким примером такого является дело «Лафарж», где французские спецслужбы (в первую очередь, DGSI, во вторую – DGSE, в меньшей степени, DRM) активно сотрудничали с руководством цементного завода в мухафазе Алеппо, в районе Джалабии²¹. Завод представлял собой совместное предприятие флагманской французской компании «Лафарж» и сирийской фирмы бизнесмена Фираса Тласа MAS Group. Стро-

ительство завода началось еще до войны и являлось одной из крупнейших западных инвестиций в Сирию (порядка 700 млн евро).

Несмотря на начало боевых действий в 2012 г., «Лафарж» продолжил работу, продавая цемент различным вооруженным группировкам. В это же время состоялись первые контакты французских спецслужб с директором компании «Лафарж» по безопасности – Жан-Клодом Вейаром. Жан-Клод Вейар прослужил 30 лет в морской пехоте, кроме того, он лично знал глав всех трех французских спецслужб²². Стоит отдельно отметить, что руководство завода состояло, преимущественно, из бывших военнослужащих французской армии и сотрудников спецслужб. Кроме того, на самом заводе работали норвежец Джейкоб Вернесс и иорданец Ахмед Джалуди – бывшие сотрудники спецслужб Норвегии и Иордании соответственно, и, предположительно, французские двойные агенты.

Руководство завода в лице Фредерика Жолибуа и Бруно Пешо состояли в постоянной переписке с DGSI и DGSE, сообщая им об обстановке «на земле» и нахождении французских джихадистов, в частности, бретонского террориста Кевина Гуиварша. В то же время руководители «Лафарж» – Жан-Клод Вейар и Кристиан Эрро регулярно встречались в Париже с представителями DRM. В целом, по мнению французских спецслужб, Компания «Лафарж» оказала неоценимую услугу разведывательному сообществу Пятой республики. Из Сирии присылали списки с именами, телефонами, принадлежностью террористов к той или иной группировке. Сотрудничество «Лафарж» со спецслужбами продолжалось вплоть до занятия в конце 2014 г. завода силами ИГ. Стоит отметить, что французские спецслужбы знали, что руководство завода продает свою продукцию радикальным группировкам и поддерживает с ними контакт. Тем не менее, как впоследствии отмечали и руководители предприятия, и Жан Клод Вейар, и Фирас Тлас, зачастую выступавший

посредником в переговорах компании с радикалами, в условиях постоянно меняющейся лояльности вооруженных группировок в точности знать, с кем аффилирована та или иная группировка, не представлялось возможным. В 2015 г. завод был занят курдскими формированиями.

Стоит отметить любопытный факт – после того, как компания «Лафарж», к тому времени объединившаяся со швейцарской фирмой «Холсим» в «Лафарж-Холсим», попыталась договориться с курдскими силами о возобновлении ее деятельности на заводе, арабский сайт «Заман аль-Васл» и американский сайт Cryptom, связанный с американскими спецслужбами, опубликовали материалы, обвиняющие «Лафарж» в сотрудничестве с ИГ и финансировании террористических группировок²³. В материалах DGSE, опубликованных французским изданием *Le Journal du Dimanche*, за подобными обвинениями видится рука американской разведки, решившей «подставить» прежнее руководство компании «Лафарж». Обвинения в адрес «Лафарж» основывались на свидетельствах Амро Талеба – бывшего посредника между заводом в Сирии и различными НВФ, в т.ч. связанными с ИГ. Однако Талеб входил в сирийские оппозиционные структуры и контактировал с Пентагоном. В то же время руководство объединенной компании «Лафарж-Холсим» заключило контракт на аудит с фирмой *Baker Mackenzie*, возглавляемой бывшим сотрудником Государственного департамента США. Часть руководства «Лафарж-Холсим», по данным DGSE, решила избавиться от генерального директора Эрика Олсена, директора по безопасности Жан-Клод Вейара и других. По мнению спецслужб Пятой республики, подобный поступок был связан с тем, что некоторые представители руководства «Лафарж» были связаны с американским правительством.

Можно предположить, с чем было связано подобное поведение американских партнеров Парижа. Организовав слив информации, американцы смогли поставить на место Олсена, Вейара и Эрро своих людей, в то время как

завод в Сирии перешел под контроль близким к США курдов. Данная история напоминает своего рода рейдерский захват и ярко иллюстрирует «подковерные» противоречия между трансатлантическими партнерами. Однако ситуация с «Лафарж» также показывает методы работы французской разведки на сирийском направлении, заключающихся в «встраивании в местный ландшафт». Еще одним примером «встраивания в местной ландшафт» служит деятельность организации «Врачи без границ».

«Врачи без границ»

Более успешным инструментом французского присутствия в Сирии представляется гуманитарная организация «Врачи без границ» (*Médecins sans frontières*). Исторически связанная с французской разведкой²⁴, данная гуманитарная организация работала в Сирии с 2009 г, открыв в Дамаске медицинский центр. С началом гражданской войны ее деятельность была сконцентрирована в районах, подконтрольных оппозиции. В 2012 г. MSF открыли два госпиталя в Идлибе (Атме и Джабаль Аль-Акрад) и в мухафазе Алеппо (Аазаз)²⁵. В то же время организация начала поставлять медикаменты, медицинские материалы, медицинское оборудование в госпитали в оппозиционных районах по всей Сирии. Стоит отметить, что в 2012 г. во Франции была также основана организация UOSSM (*Union des organisations de secours et soins médicaux*) с целью помощи гражданскому населению Сирии. В Сирии «Врачи без границ» и UOSSM действовали, взаимодополняя друг друга. В 2013 г. UOSSM открыла госпиталь в Баб-эль-Хава, возле турецкой границы²⁶.

В 2015 г. финансирование проектов MSF резко увеличилось: с 3 до 17 млн евро. Были дополнительно открыты госпитали в Эль-Сахуре (мухафаза Алеппо), Айн-аль-Арабе (Кобани); развернуто три медицинских центра в Аль-Хасеке. Организация также поставляла медикаменты

и медицинские материалы шести госпиталям в мухафазе Дераа. В 2016 г. финансирование вновь было удвоено, достигнув 39.4 млн евро. Были развернуты медицинские центры в Маарет-ан-Нумане, Восточном Алеппо, оказана поддержка госпиталям в Аль-Кунае и Даркуше (Идлиб). В остальных районах Сирии 80 медицинских структур получили поддержку со стороны MSF.

В 2017 г. с освобождением силами международной коалиции значительных территорий от ИГ, организация значительно расширила свою деятельность на северо-востоке Сирии, а ежегодное финансирование превысило отметку в 50 млн евро. Были открыты медицинские центры в Ракке, Тель-Абьяде, Айн-Иссе и Табке. Был также открыт медицинский центр в Манбидже, мобильные центры в Такаде и Тель-Крисьяне (Идлиб). Стоит отметить, что в регионах, переходивших под контроль сирийского правительства, организация сворачивала свою деятельность, как, например, в Алеппо и в мухафазе Риф Димашк.

В 2018–2019 гг. с падением последних оплотов оппозиции в Южной и Центральной Сирии организация снизила объем деятельности и финансирования своих проектов в САР до 40 млн евро. В то же время на северо-востоке были открыты центры в печально известном лагере Эль-Холь, Тель-Тамаре и Неврозе. Таким образом, в настоящее время деятельность организации ограничена Идлибом и северо-востоком Сирии.

Необходимо отметить, что «Врачи без границ» действительно оказали значительную помощь гражданскому населению Сирии в конфликтных зонах. Однако о связи организации с французскими спецслужбами говорит не только правительство в Дамаске, но и простые сирийцы²⁷. При этом, в отличие от крайне медийных «Белых касок», «Врачи без границ» и их партнеры – UOSSM держатся в относительной тени. При этом они интегрированы в местный ландшафт, и, по сути, представляют для жителей Идлиба элемент критической инфраструктуры.

Политика в 2015–2021 гг.: борьба против терроризма

Расстрел редакции сатирического журнала «Шарли Эбдо» оказался первым в череде кровавых терактов, обрушившихся на Францию. За ним последовал ряд мелких нападений исламистов на государственных представителей и простых граждан. Однако 13 ноября 2015 г. в Париже было совершено 7 терактов, которые в совокупности можно охарактеризовать как «французское 11 сентября». 150 человек погибло, сотни получили ранения после захвата заложников в клубе «Батаклан».

Теракты потрясли Францию и одновременно обнажили несостоятельность политики Парижа на Ближнем Востоке. Несмотря на весь свой активизм, французское политическое руководство оказалось неспособно обеспечить безопасность своих граждан. После каждого теракта обнаруживалась связь с ИГ, а сама террористическая организация каждый раз брала на себя ответственность за атаки на французской территории.

Террористические атаки привели к значительным изменениям как в политической, так и в стратегической культуре Пятой республики. В случае сирийского направления ближневосточной политики Франции борьба с терроризмом вышла на первый план. Безусловно, стоит отметить, что даже вне контекста антифранцузского исламистского терроризма неоконсервативная сирийская политика Франции потерпела крах. Режим Асада так и не пал (военная операция России, начавшаяся в 2015 г., гарантировала сохранение Б. Асада у власти); т.н. «умеренная оппозиция» окончательно превратилась в совокупность исламистских группировок разной степени радикальности. Однако невиданные по жестокости и количеству жертв террористические атаки, тысячи французских джихадистов в рядах ИГ²⁸ привели к пересмотру французской политики в отношении Сирии.

13 ноября 2015 г. операция «Шамаль», начатая годом ранее для борьбы с ИГ в Ираке, была распространена на Сирию. Французские истребители с базы в Ад-Дафре нанесли несколько десятков ударов по объектам террористов в Ракке. Впоследствии французские силы в рамках операции были усилены. В поддержку к основным партнерам французов в Сирии – курдам – были переброшены подразделения французского спецназа.

Усилия международной коалиции в борьбе с ИГ оказались не напрасными – в 2017 г. Халифат начал стремительно отступать и рассыпаться. 10 июля 2017 г. был освобожден иракский Мосул, 17 октября – сирийский город Ракка, 19 ноября ИГ утратило последний крупный город под своим контролем – Абу-Кемаль²⁹. В марте 2019 Силами демократической Сирии (СДС, основу которых составляют курды) от ИГ был зачищен последний населенный пункт на территории Сирии – село Багуз³⁰. Однако одновременно с этим в указанный период был завершен разгром сирийской «умеренной» оппозиции войсками Сирийской арабской армии (САА) при поддержке России и Ирана. В этот же период произошло исключение Парижа из процесса сирийского мирного урегулирования. Политика Франции на сирийском направлении, по сути, разделилась на два трека: политику на северо-востоке и политику в отношении режима в Дамаске. Кроме того, во французской политике на сирийском направлении также произошли значительные институциональные изменения. С приходом в 2017 г. администрации Э. Макрона и назначением бывшего министра обороны ле Дриана на пост министра иностранных дел сирийская политика перешла из ведения Ке д'Орсе преимущественно в ведение военных и спецслужб с периодическим вмешательством администрации президента (в отличие от Олланда, который внешнюю политику делегировал Фабиусу и ле Дриану, Макрон был гораздо более вовлечен в выработку внешнеполитических стратегий Пятой республики).

Французское присутствие на северо-востоке Сирии

СДС стали основным партнером международной коалиции «на земле» в рамках борьбы против ИГ. Коалиция поддерживала СДС как с воздуха, так и спецназом, который обучал курдов и оказывал поддержку при штурме городов. В 2016 г. французские военнослужащие (артиллеристы и спецназ) вошли на территорию Сирии.

Сотрудничество с курдами стало основой французского присутствия на северо-востоке САР. Париж открыл пять баз в 2018 г. на севере: в районе Айн-аль-Араба, Саррина, Айн-Иссы, возле бывшего завода «Лафарж» и Ракке (на территории бывшего сахарного завода при въезде в город)³¹. Впоследствии после разгрома ИГ французы расположились на юго-востоке: в районе городов Зибан (нефтяное месторождение Аль-Омар), Абу-Хамам (нефтегазовое месторождение Ат-Танка), Аш-Шаддад (месторождение Аль-Джабса). Французские силы также присутствовали на американских базах.

Однако начало турецкой военной операции на севере Сирии осенью 2019 г. вынудило французов свернуть часть своих баз. Турецкое наступление в целом совпало с кризисом во франко-турецких отношениях; более того, оно было одним из факторов этого ухудшения. Анкара через государственное агентство Анадолу обвинила Париж в поддержке «курдских террористов из РПК»³². С учетом того, что Франция, начиная с 2018 г., значительно усилила поддержку сирийских курдов – не только в военном, но и в политическом отношении путем организации встреч с членами правительства и парламента. Так, к примеру, в июне 2021 г. Э. Макрон принял делегацию с северо-востока Сирии в лице Бериван Халед, Ильхам Ахмед и Гасана Юсефа³³. В ходе встречи, по словам курдских представителей, обсуждалась «помощь Франции

в деле международного признания курдской автономной администрации». Таким образом, курдский вопрос стал, наряду с ливийским конфликтом, камнем преткновения во франко-турецких отношениях. В то время как Турция воспринимает сирийских курдов как угрозу, для Пятой республики это не только основной партнер «на земле» в Сирии, но и инструмент давления на Анкару.

Однако следует заметить, что курды – это и инструмент давления на Дамаск и его союзников. В условиях уменьшающегося американского интереса к происходящему в Сирии, Париж приобретает большее значение для СДС, так как, несмотря на ограниченность французских материальных ресурсов на сирийском направлении, Пятая республика имеет определенный политический ресурс для легитимации курдской автономии и мобилизации международной поддержки (в особенности, со стороны ЕС) на данном направлении. Любопытно, что в последнее время тема национально-освободительной борьбы курдов нашла отражение во французском кинематографе: так, в 2019 г. был снят фильм «Сестры по оружию» (*Sœurs d'armes*) про бойцов-женщин YPG³⁴; а в 2021 г. вышел франко-израильский сериал «Ничейная земля», также посвященный борьбе СДС против ИГ³⁵. Знаменитый французский сериал «Бюро легенд» также показывает курдов с исключительно положительной стороны.

Наконец, стоит отметить, что взаимодействие с курдскими силами позволяет Франции так или иначе оставаться релевантной в сирийском вопросе, несмотря на исключение из переговорных форматов. Более того, это позволяет и извлекать определенные преимущества из своего присутствия. Во-первых, это совместная с американцами эксплуатация нефтяных месторождений в провинции Дейр-эз-Зор – в первую очередь, Аль-Омар и Ат-Танка. Во-вторых, это контрабанда исторических артефактов. Так, после основания военных баз в мухафазах Ракка и Дейр-эз-Зор французы начали основывать фик-

тивные компании, которые под видом хозяйственной деятельности занимались нелегальными раскопками. Раскопки велись в Ракке, на месте дворца Каср-Эль-Банат; в районе Табки, а также на развалинах Киркассии³⁶. Стоит отметить, что вывозом исторических ценностей занималась и связанная с французами семья Тласов, в особенности, глава семейства Мустафа Тлас, вывезший в Дубай огромное количество артефактов³⁷.

Политика в отношении Дамаска

Однако волна террористических актов, прокатившихся по Франции, привела и к определенным изменениям в политике по отношению к режиму Башара Асада в силу изменений в политической и стратегической культуре Пятой республики. Первым проявлением данных изменений стал сдвиг «вправо» французских партий по сирийскому вопросу: анти-интервенционистскую позицию по Сирии заняло не только Национальное объединение, но и республиканцы, часть социалистов и другие более мелкие партии. В 2015 г. состоялся визит французской парламентской делегации в Дамаск, в которой были представлены представители от социалистов и республиканцев. Парламентарии входили в т.н. «группу дружбы с Сирией»³⁸. В ходе визита французские парламентарии встретились с Б. Асадом. В марте 2016 г. в Дамаск прибыла куда более крупная делегация – порядка 30 человек – состоящая, преимущественно, из представителей республиканцев и Национального объединения³⁹. Кроме того, в 2015–2017 гг. Тьерри Марьяни и Жан Ассаль в составе маленькой группы (3–5 депутатов от республиканцев/Национального объединения/мелких правых партий) регулярно посещали Сирию⁴⁰.

Безусловно, стоит отметить, что подавляющее большинство французских политиков, посещавших Сирию, имели консервативные взгляды. Для французских левых

и либералов, несмотря на террористические акты, Асад все еще был неприемлем в качестве партнера в борьбе с ИГ. Однако рассматривать Асада в качестве потенциального партнера стали не только французские политики, но и часть политического и военного руководства Пятой республики.

Французская армия и спецслужбы (в особенности, военная разведка) с самого начала довольно скептически относились к неоконсервативной политике Парижа на сирийском направлении⁴¹. Исламистские теракты во Франции были крайне болезненно восприняты в военной среде. Для военных идея взаимодействия с сирийским правительством перешла в разряд приемлемого; однако в открытую восстановить контакты было невозможно. В связи с этим французские военные установили связь с организацией SOS Chrétiens d'Orient («Христиане Востока»).

«Христиане Востока» представляют собой французскую НПО, связанную с Национальным объединением и другими французскими крайними правыми силами. Организация была основана в 2013 г.; ее первым проектом была гуманитарная миссия «Рождество в Сирии» (Noel en Syrie), представлявшая собой сбор средств для жителей города Маалуля, жители которого говорят на языке Христа. Основателями организации выступили Дамьен Рье (настоящее имя – Дамьен Лефевр), Шарль де Мейер, Бенжамин Бланшар, Оливье Демеок, Франсуа-Ксавье Жикель и Максим Гоше. Все они были связаны с французскими крайними правыми силами и организациями: Лефевр был членом Génération Identitaire (французской крайне правой молодежной организации, распущена указом правительства в марте 2021 г.), Гоше состоял в Национальном объединении (тогда – Национальном фронте) и был одним из лионских «ультрас», Жикель был членом неопетенистской организации L'Œuvre française (распущена указом правительства в 2013 г.) и имел тесные связи с итальянскими неофашистами⁴²; Бланшар и де Мейер были помощниками известного ультраправого

политика Жака Бомпара, основателя «Лиги Юга»⁴³. Бланшар был также помощником евродепутата от Национального объединения Мари-Кристин Арнауту, де Мейер – помощником упоминавшегося в статье Тьерри Марьяни.

Ключевой фигурой являлся Оливье Демеок: будучи, как и другие основатели НПО, связанным с крайними правыми силами, он был близок с руководителем Школы экономической войны (École de Guerre Economique) Кристианом Арбюло. Школа представляет собой высшее образовательное учреждение, созданное в 1997 г. директором Общевоинской академии разведки (école interarmées du renseignement, готовящей кадры для французской военной разведкой, DRM) Жаном-Пишо Дюкло и самим Кристианом Арбюло, руководителем Défense conseil international (французское агентство по экспорту вооружений)⁴⁴. Собственно, связующим звеном французской военной разведки и «Христиан Востока» выступал именно Демеок. *(Столь необычайная, на первый взгляд, связь на поверку удивительной не представляется. Французские вооруженные силы, в особенности после перехода на контрактную основу в 1990-х гг., значительно «поправились»⁴⁵. Ярким примером идеологического «правого поворота» французских ВС является недавнее письмо военных Макрону, опубликованное в Valeurs Actuelles, написанное в традициях французского крайне правого дискурса – авт.⁴⁶.)* Спустя полтора года после создания организации, в 2015 г. «Христиане Востока» стали привилегированным партнером Минобороны Франции⁴⁷.

В 2013–2017 гг. организация преимущественно работала в христианских городах Махрады и Скальбии, сотрудничая с местным христианскими вооруженными формированиями под командованием Симона аль-Вакиля (Махрада) и Набиля аль-Абдуллы (Скальбия). Формирования входили в состав т.н. «Национальных сил обороны», которые впоследствии вошли в состав 5-го корпуса САА. Необходимо заметить, что ключевой фигурой «Христиан Востока» «на земле» стал Александр Гударзи.

До 2013 г. Гударзи был профессором истории в католическом университете Анже. В Сирии он стал основным посредником, передававшим собираемые во Франции деньги аль-Вакилю⁴⁸.

В 2017 г. «Христиане Востока» начали работать в Алеппо в сотрудничестве с Сирийским фондом развития (СФР), руководимым Асмой Асад, супругой президента Б.Асада. В частности, организация стала одним из партнеров программы Believe in Aleppo, организованной СФР. Пиар-кампания Believe in Aleppo курировалась специальным советником Башара Асада «по христианским делам» Халой Шауи. Она же встречалась с французскими парламентариями во время их визитов в Сирию в 2016 г. Кроме того, НПО вложила деньги в постройку Общественного центра Тишрин в Хамдании, Западном Алеппо. В целом, в 2017–2019 гг. НПО вложила в связанные с СФР проекты около 470 тысяч евро. Кроме того, бывший директор проектного департамента СФР и по совместительству владелец компании по производству средств по уходу за телом «Уббаха» Фади Фарах стал в 2019 г. финансовым директором «Христиан Востока»⁴⁹.

В настоящее время организация реализует несколько проектов на территории Сирии: в деревне Айн-Халаким в мухафазе Хама, в Алеппо, городе Садад, в районе бывшей цитадели крестоносцев Крак-де-Шевалье (Джабаль Ансария), Маалуле, Хомсе⁵⁰.

Тем не менее, в 2020 г. организация столкнулась с рядом вызовов. Во-первых, принятый Конгрессом США «Акт Цезаря» ставит под угрозу финансовую модель деятельности организации. Во-вторых, «Христиане Востока» подверглись мощнейшей медиа-атаке со стороны леволиберальных французских СМИ, в первую очередь, Mediapart, обвинившей НПО в сотрудничестве с режимом Асада. В июне 2021 г. американское издание Newlines выпустило материал, открыто обвиняющее организацию в содействии военным преступлениям. Стоит отметить, что расположенное в Вашингтоне издание аффилировано

с американскими спецслужбами – в число авторов журнала входит небезызвестный Христо Грозев и другие «либеральные ястребы». Под медиа-давлением Министерства обороны Франции убрало организацию из списка партнеров. Занимательно, что во французской медиасфере организация и ранее подвергалась нападкам со стороны леволиберальных изданий: еще в 2015 г. французский «Баззфид» и левацкая «Либерасьон» выпустили материалы, в котором «Христиане Востока» выставлялись в качестве «фашистов-асадистов»⁵¹. Однако официальные ведомства на это не реагировали; Минобороны комментарии не давало, а МИД все вопросы касательно действий организации переадресовывало Минобороны.

Медиа-атака со стороны либеральных французских СМИ, а впоследствии – аффилированного с американскими спецслужбами издания Newlines сильно напоминает описанный выше случай с «Лафарж». Однако в целом случай с «Христианами Востока» иллюстрирует не только традиционное соперничество французской и американской разведки (нашедшее отражение даже в знаменитом сериале «Бюро легенд»), но и общую рассогласованность французской политики на сирийском направлении.

При этом стоит отметить, что деятельность организации не ограничивается Сирией – она присутствует в Ираке, Египте, Ливане, Иордании и Пакистане. Уже упомянутый А. Гударзи был похищен со своими коллегами в январе 2020 г. в Багдаде шиитской группировкой, а затем отпущен через 66 дней. Как утверждает сам Гударзи в своей книге, написанной после освобождения, причиной освобождения стала пандемия коронавируса⁵². Однако освобождение совпало с заявлением Минобороны Франции о выводе войск из Ирака⁵³ (полного вывода так и не случилось)⁵⁴. В целом же надо отметить, что организация, несмотря на все медиа-атаки, стала очередным внешнеполитическим инструментом Пятой республики на Ближнем Востоке. Собственно, установление связей между режимом в Дамаске и поддержанной французскими спец-

службами и частью французского истеблишмента НПО говорит о том, что при возможном пересмотре политики Франции на сирийском направлении в случае победы республиканцев/Национального объединения на выборах сирийский режим начнет ре-легитимацию в глазах «международного сообщества» именно через Париж.

Заключение

Французская политика на сирийском направлении прошла путь от активных попыток смены режима Асада и приведения к власти профранцузских сил к ситуативным и несогласованным действиям различных политических ведомств Пятой республики, подчиненным тем или иным императивам региональной стратегии Парижа. В целом последние десять лет для Франции успешными назвать нельзя. Франция выключена из переговорного процесса, отношения с официальным Дамаском де-факто не существуют, а сам сирийский кризис стал колыбелью террористических атак в самой Франции.

Тем не менее, Пятая республика сохранила разнообразный инструментарий присутствия на сирийской территории – как через «жесткую силу», выраженную в наличии французского спецназа на северо-востоке, так и через «мягкую силу», реализуемую посредством НПО, таких как «Врачи без границ» и «Христиане Востока». Данное присутствие используется и будет использоваться Парижем для оказания давления на других акторов, вовлеченных в конфликт, выбивания из них уступок на других внешнеполитических направлениях.

При этом французская политика обладает рядом структурных слабостей, вызванных разным пониманием ситуации в Сирии властными структурами Пятой республики. Если администрация президента и Министерство иностранных дел рассматривают сирийский кризис как поле противостояния с Россией и Турцией, часть силовых

ведомств Французской Республики воспринимает Сирию как поле битвы с экзистенциальной угрозой французской государственности – исламизмом. В целом секьюритизация исламизма во французском внутривнутриполитическом дискурсе может повлечь за собой пересмотр политики в отношении Дамаска (поддержка курдов Парижем в условиях франко-турецкого соперничества представляется гарантированной) вплоть до восстановления дипломатических отношений. В случае успеха правых партий (Национального объединения, республиканцев) на выборах 2022 г. можно ожидать дальнейшего отстранения Франции от неоконсервативного подхода в отношении сирийского конфликта.

¹ L'UE renforce ses sanctions contre la Syrie et l'Iran [Электронный ресурс] Euractiv URL: <https://www.euractiv.fr/section/1-europe-dans-le-monde/news/l-ue-renforce-ses-sanctions-contre-la-syrie-et-l-iran/> (дата обращения 20.07.2021)

² Feuerstoss I. La Syrie et la France. Enjeux géopolitiques et diplomatiques. Chemins de la Mémoire. Paris: L'Harmattan. 2013, p. 366.

³ DGSE – Directoire générale de la sécurité extérieure ; DGSI – Directoire générale de la sécurité intérieure ; DRM – Directoire du renseignement militaire

⁴ Chesnot C., Malbrunot G. Les chemins de Damas. Le dossier noir de la relation franco-syrienne. Paris: Robert Laffont. 2014, p. 245-246.

⁵ « Tenir son rang » : la politique française à l'épreuve de la crise syrienne (2011-2015) // Critique internationale. 2017. T. N° 74. № 1. C. 117–136.

⁶ Pour le général rebelle Manaf Tlass, le peuple syrien peut s'en sortir seul... si on l'aide! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rfi.fr/fr/moyen-orient/20120911-le-general-rebelle-manaf-tlass-le-peuple-syrien-peut-s-sortir-seul-on-aide-syrie-bachar-el-assad> (дата обращения: 13.08.2021).

⁷ رجل الأعمال فراس طلاس: 45 ضابطاً من عائلتي انتشروا عن النظام.. ووالدي «حزبن وصامت»، أخبار [Электронный ресурс]. URL:

<https://archive.aawsat.com/details.asp?section=4&article=686212&issue=12281#.YRZpGnxxc2w> (дата обращения: 13.08.2021).

⁸ Tannous M.-N. op. cit.

⁹ ترحيب بالنقيب المنشق عبد الله طلاس في مظاهرة القصير « عبد واب [Электронный ресурс]. URL: <https://www.2abdwap.club/mp3/mp3/ترحيب-بالنقيب-المنشق-عبد-الله-طلاس-في-مظاهرة-القصير.html> (дата обращения: 13.08.2021).

¹⁰ Comment et pourquoi la France a livré des armes aux rebelles en Syrie // Le Monde.fr. 2014.

¹¹ «Tlass, ex-PM Hijab have no place in future Syrian govt» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.france24.com/en/20120822-tlass-hijab-no-place-future-government-syrian-opposition-abdulbaset-sieda-assad-fsa> (дата обращения: 13.08.2021).

¹² بيان صادر عن الهيئة السياسية لكتائب الفاروق في سورية . | الموقع الرسمي لكتائب الفاروق [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20161116153025/http://www.al-farok.com/archives/1264> (дата обращения: 13.08.2021).

¹³ Collaboration avec les services syriens : des députés interrogent Valls [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/coullisses/2015/11/20/25006-20151120ARTFIG00319-collaboration-avec-les-services-syriens-des-deputes-interrogent-valls.php> (дата обращения: 13.08.2021).

¹⁴ Gaffney J. Political leadership and the politics of performance: France, Syria and the chemical weapons crisis of 2013. French Politics, 12, 2014. P. 220

¹⁵ Syrie : des militaires français rencontrent des rebelles [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2012/12/06/10001-20121206ARTFIG00708-syrie-des-militaires-francais-rencontrent-des-rebelles.php> (дата обращения: 13.08.2021).

France funding Syrian rebels in new push to oust Assad [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/dec/07/france-funding-syrian-rebels> (дата обращения: 13.08.2021).

¹⁶ Est-ce que la France a livré des armes aux islamistes de Jaysh al-Islam? (lien signalé sur Facebook) [Электронный ресурс]. URL: https://www.liberation.fr/checknews/2018/05/22/est-ce-que-la-france-a-livre-des-armes-aux-islamistes-de-jaysh-al-islam-lien-signe-sur-facebook_1655228/ (дата обращения: 13.08.2021).

¹⁷ François Hollande confirme la livraison d'armes aux rebelles syriens [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesechos.fr/2014/08/francois->

hollande-confirme-la-livraison-darmes-aux-rebelles-syriens-308282

(дата обращения: 13.08.2021).

¹⁸ Mandel S. Synthèse du Renseignement français sur l'attaque chimique du 21 août 2013. URL:

<http://www.voltairenet.org/article180054.htm>

¹⁹ Chesnot C., Malbrunot G. op. cit. p. 322.

²⁰ Guillaud É., Chagnollaud J.-P.: Les interventions de la France dans les conflits en Méditerranée et au Moyen-Orient // «Confluences Méditerranée», 2016, p. 115 – 125.

²¹ EXCLUSIF. Les mails secrets de l'affaire Lafarge qui impliquent le renseignement français [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.lejdd.fr/International/exclusif-les-mails-secrets-de-laffaire-lafarge-3826412> (дата обращения: 13.08.2021).

²² Affaire Lafarge: une note prouve que l'Etat était informé des versements d'argent à Daech [Электронный ресурс]. URL:

https://www.liberation.fr/societe/police-justice/affaire-lafarge-une-note-prouve-que-letat-etait-informe-des-versements-dargent-a-daesh-20210713_VFOB4UF6N5EGTJRBYTQZMEMVIA/ (дата обращения: 13.08.2021).

²³ EXCLUSIF. Les mails secrets de l'affaire Lafarge qui impliquent le renseignement français [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.lejdd.fr/International/exclusif-les-mails-secrets-de-laffaire-lafarge-3826412> (дата обращения: 13.08.2021).

²⁴ Howard R. Power and glory: France's secret wars with Britain and America, 1945-2016. London: Biteback Publishing Ltd, 2016. 344 с.

²⁵ Syria | MSF medical and humanitarian aid [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msf.org/syria> (дата обращения: 13.08.2021).

²⁶ UOSSM-Nos programmes [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.uossm.fr/nos-programmes> (дата обращения: 13.08.2021).

²⁷ На основе интервью автора с сирийскими студентами НИУ ВШЭ.

²⁸ Barrett R. Beyond The Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees. The Soufan Group, 2017

²⁹ Mosul now freed from ISIS: What's next for the city left in ruins? – CNN [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2017/07/10/middleeast/mosul-what-next/index.html> (дата обращения: 13.08.2021).

Raqa recaptured from Islamic State by US-backed forces URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/17/raqa-recaptured-from-islamic-state-us-backed-forces-announce>

³⁰ Курдские ополченцы подтвердили освобождение от ИГ последнего поселения в Сирии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/655419> (дата обращения: 13.08.2021).

³¹ تعرف على مواقع انتشار القوات الفرنسية في سوريا (خريطة) [Электронный ресурс]. URL: <https://arabi21.com/story/1223988/تعرف-على-مواقع-انتشار-القوات-الفرنسية-في-سوريا-خريطة> (дата обращения: 13.08.2021).

³² Macron is a sponsor of terrorism, says Turkish foreign minister [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-50584935> (дата обращения: 13.08.2021).

³³ Politique | Syrie : Macron rencontre des représentants du Nord-Est | La Provence [Электронный ресурс]. URL: <https://www.laprovence.com/actu/en-direct/6430466/syrie-macron-rencontre-des-representants-du-nord-est.html> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁴ SOEUR D'ARMES Bande Annonce VF (2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YxkVMfa-jSg> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁵ No Man's Land – Trailer (Official) • A Hulu Original [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4oF92lXFpTM> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁶ عن ماذا تبحث القوات الفرنسية في سوريا؟ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.net/blogs/2021/1/18/عن-ماذا-تبحث-القوات-الفرنسية-في-سوريا> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁷ آلاف القطع هربها مصطفى طلاس لدي.. تقرير فرنسي يرصد الآثار السورية المنهوبة [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.net/news/cultureandart/2020/6/7/-هربها-صناديق> (дата обращения: 13.08.2021).

³⁸ Syrie : quatre élus français ont rencontré Bachar Al-Assad à Damas [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/02/25/des-parlementaires-francais-ont-rencontre-bachar-al-assad_4582844_3218.html (дата обращения: 13.08.2021).

³⁹ Quand une délégation de politiques français trouve Bachar Al-Assad « plus détendu » [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2016/03/28/quand-une-delegation-de-politiques-francais-trouve-bachar-al-assad-plus-detendu_4891157_3210.html (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁰ Thierry Mariani emmène une délégation du RN en Syrie – L'Express [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/fn/thierry-mariani-emmene-une-delegation-du-rn-en-syrie_2095703.html (дата обращения: 13.08.2021).

⁴¹ Chesnot C., Malbrunot G. *op. cit.*, p. 292.

⁴² Примечательно, что в 2018 г. в Италии был открыт филиал организации SOS Cristiani d'Oriente Foundation, связанный с известной неонацистской организацией Casa Pound.

⁴³ REFLEXes | SOS Chrétiens d'Orient : Noël en Syrie, Pâques au tison ? [Электронный ресурс]. URL: <https://reflexes.samizdat.net/sos-chretiens-dorient-noel-en-syrie-paques-au-tison/> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁴ La guerre économique, un art qui s'enseigne. Une école pour «espions» ouvrira en octobre à Paris. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20130917043445/http://a.ligatus.com/?ids=47103> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁵ Pourquoi l'extrême droite a toujours courtisé les militaires [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lejdd.fr/Politique/pourquoi-l-extreme-droite-a-toujours-courtise-les-militaires-4042321> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁶ «Pour un retour de l'honneur de nos gouvernants»: 20 généraux appellent Macron à défendre le patriotisme [Электронный ресурс]. URL: <https://www.valeursactuelles.com/politique/pour-un-retour-de-lhonneur-de-nos-gouvernants-20-generaux-appellent-macron-a-defendre-le-patriotisme/> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁷ Les liaisons dangereuses de SOS Chrétiens d'Orient avec les milices d'Assad [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mediapart.fr/journal/international/170920/les-liaisons-dangereuses-de-sos-chretiens-d-orient-avec-les-milices-d-assad> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁸ New Evidence Links a Far-Right French NGO to War Crimes in Syria [Электронный ресурс]. URL:

<https://newlinesmag.com/reportage/new-evidence-links-a-far-right-french-ngo-to-war-crimes-in-syria/> (дата обращения: 13.08.2021).

⁴⁹ Fadi Farah | LinkedIn [Электронный ресурс]. URL:

[https://www.linkedin.com/in/fadi-farah-](https://www.linkedin.com/in/fadi-farah-417a0920/?originalSubdomain=fr)

[417a0920/?originalSubdomain=fr](https://www.linkedin.com/in/fadi-farah-417a0920/?originalSubdomain=fr) (дата обращения: 13.08.2021).

⁵⁰ SOS Chrétiens d'Orient en Syrie [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.soschretiensdorient.fr/index.php/fr/nos-actions/syrie> (дата обращения: 13.08.2021).

⁵¹ SOS Chrétiens d'Orient, une association humanitaire discrètement noyauté par l'extrême droite [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.buzzfeed.com/fr/davidperrotin/sos-chretiens-dorient-une-ong-discretement-noyautee-par-lext> (дата обращения: 13.08.2021).

Comment l'association SOS chrétiens d'Orient est noyauté par l'extrême droite [Электронный ресурс]. URL:

https://www.liberation.fr/societe/2015/05/21/comment-l-association-sos-chretiens-d-orient-est-noyautee-par-l-extreme-droite_1313913/ (дата обращения: 13.08.2021).

⁵² Goodarzy A. Guerrier de la paix: Irak, Syrie, Jordanie, Éthiopie, Arménie, Pakistan un volontaire aux côtés des chrétiens menacés. Monaco: Éditions du Rocher, 2021.

⁵³ Coronavirus : la France retire ses troupes d'Irak – Le Parisien [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.leparisien.fr/international/coronavirus-la-france-retire-ses-troupes-d-irak-26-03-2020-8288088.php> (дата обращения: 13.08.2021).

⁵⁴ Comment la France aide les forces iraqiennes à combattre l'État islamique en Irak ? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ouest-france.fr/leditiondusoir/2021-03-18/comment-la-france-aide-les-forces-iraquiennes-a-combattre-letat-islamique-en-irak-2d804bc0-5a34-4492-b7a7-ceae6f4f84d2>

(дата обращения: 13.08.2021).

Irak : Un hélicoptère des forces spéciales françaises dans le viseur des jihadistes [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=0CwmUH3a1sA> (дата обращения: 13.08.2021).

Ф.О. Плещунов

**МЕЧЕТИ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ТОЧКИ ВЛИЯНИЯ
НА ЕВРОПЕЙСКИЕ ИСЛАМСКИЕ ОБЩИНЫ
СО СТОРОНЫ ЭКСТРЕМИСТОВ, ПРЕЗИДЕН-
ТА ТУРЦИИ Р.Т. ЭРДОГАНА,
КАТАРА И ЕВРОПЕЙСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ**

Подобно любым храмам и местам отправления религиозных культов вообще, мечети всегда были центрами влияния. Любой, кого толпа по тем или иным причинам признавала в качестве ученого богослова, мог с успехом пропагандировать перед публикой свою интерпретацию ислама, неважно, сколь много общего она при этом имела с тем, что написано в священном Коране (читать до сих пор умеют не все и не везде, в том числе по-арабски). Именно так, к примеру, появилась псевдоисламская секта «Ахмадие», сегодня имеющая десятки мечетей в одной только Великобритании (а заодно и штаб-квартиру там же). Впрочем, появилась так не только она, а еще множество псевдоисламских течений и учений разной степени радикальности.

Однако в отличие от большинства религий, в исламе с самого начала его существования была чрезвычайно сильна политическая составляющая. А потому и в наши дни обожаемый толпой улем зачастую получает власть не только духовную, но и власть политическую, светскую. Появление и развитие в XX в. на европейском континенте многочисленных мусульманских общин придало этому

фактору новое измерение. Проповедники в мечетях на новых и заново открытых для ислама территориях стали агентами влияния, причем зачастую не столько духовного, сколько политического. Очень быстро, всего за полстолетия, мечети на европейском континенте превратились в ключевые точки влияния на местные общины мусульман, а значит, опосредованно и на политику стран, на территории которых они проживают. Сегодня мечети в Европе – это важнейшие точки влияния дар уль-ислам на территории дар уль-харб. Точки культурной, социальной, идеологической и даже экономической экспансии. Именно в мечетях европейских городов сегодня формируется социально-религиозная идентичность мусульман континента, именно там по сути решается – станут ли они частью социума государства, в котором проживают, или социума какой-то другой страны или идейной общности.

Прямую личную выгоду от такой ситуации получают сегодня и некоторые видные политики мусульманского мира. К примеру, авторитет, очень близкий к духовному авторитету, к духовному влиянию популярного богослова, среди исламских общин в начале XXI в. получил турецкий политик, светский деятель – Реджеп Тайип Эрдоган, благодаря этому влиянию негласно претендующий на негласный же сегодня, но от этого не менее статусный титул халифа всех правоверных, коим ранее официально именовались султаны Османской Империи. За влияние на европейских мусульман сегодня борется множество исламских стран, течений и организаций, и Эрдоган (а даже не Турция) в этой борьбе является отдельным самостоятельным игроком. Прямо сейчас он реализует стратегию, в которой друг с другом тесно переплелись его авторитет в мусульманском мире вообще и ресурсы возглавляемого им государства, в частности, которые он не жалеет для воплощения на территории Европы самых масштабных проектов с протурецкой исламской составляющей. Само собой, основной упор в рамках этой стратегии делается на страны, где диаспоры выходцев из Турции

представляют собой значительную социально-политическую (и в том числе электоральную) силу. Конечно, речь прежде всего идет о Германии.

Так, 29 сентября 2018 г. Р.Т. Эрдоган открыл в Германии одну из крупнейших в стране и на континенте мечетей – Центральную мечеть Кельна. Религиозное сооружение объемом 17 тыс. кв. м, построенное под эгидой и на средства Турецко-исламского союза по вопросам религии (DITIB), вмещает порядка 1 200 верующих и среди прочего имеет конференц-зал на 600 человек. Турецкие мечети в ФРГ и их постоянно растущее число – давно не новость и написано на эту тему более чем достаточно. Однако сегодня ключевой вопрос звучит так: почему возведение мечетей под эгидой другого государства все еще продолжается в Германии, да еще и все возрастающими темпами?

По данным турецкого правительственного Управления по религиозным вопросам (DIYANET), курирующего деятельность DITIB, на текущий момент кроме Германии организацией строятся или уже построены мечети в США, России, Англии, Швеции, Беларуси, Албании, Сомали, Гаити, Казахстане, Кыргызстане, Джибути, секторе Газа, Ливане, Мали, на Филиппинах и в Турецкой Республике Северного Кипра¹. В случае с никем не признанным государством на оккупированной Турцией территории Кипра просто нет альтернатив, а мечети в странах, где турецкая община не является сколько-нибудь представительной, можно при желании рассматривать в качестве гуманитарной деятельности по поддержке уммы и прозелитизма обычного уровня. Ситуация же в ФРГ кардинально отличается от вышеописанного.

В стране, где, по некоторым данным, больше 3 млн из порядка 5 млн мусульман имеют турецкое происхождение, DITIB контролирует более 900 мечетей (хотя еще 5 лет назад их было порядка 850), имамов в которые готовит DIYANET, то есть по сути напрямую правительство Турции. Уже сейчас такие показатели означают, напри-

мер, потенциал вполне реального влияния на результаты местных и региональных выборов, а в не очень отдаленной перспективе и общенациональных.

На этом фоне влияние других турецких организаций в Германии, в том числе даже движения «Милли Герюш» (его опосредованно контролирует DIYANET) и движения сектантского типа «Хизмет» Фетхуллага Гюлена, сегодня можно считать практически ничтожным, в особенности после разрыва отношений между турецким правительством и движением Гюлена. Вряд ли можно в таком контексте согласиться с тезисом Эрдогана, который он в тот период озвучил в статье для издания «Frankfurter Allgemeine» о том, что «деятельность турецкой диаспоры в Германии прозрачна и не представляет для ФРГ никакой угрозы».

На то, что власти страны еще в 2018 г. слабо отдавали себе отчет в том, каковы реальные масштабы происходящего, указывает уже хотя бы тот факт, что Федеральная служба защиты конституции Германии лишь к сентябрю 2018 г. созрела для того, чтобы, наконец, всерьез оценить, представляет ли все-таки деятельность турецкой диаспоры угрозу для страны, и включить в свою повестку вопрос об установлении надзора за DITIB. И это несмотря на то, что еще в начале 2017 г. (впрочем, тоже довольно поздно) два десятка имамов Турецко-исламского союза были уличены в шпионской работе на турецких дипломатов в Германии, а сам союз отказался участвовать в антитеррористическом шествии в Кельне².

В тот период немецкое издание «Deutsche Welle» приводило мнения некоторых представителей госструктур, опасаящихся возможных последствий такого шага и высказывающихся против установления надзора за DITIB, что фактически будет означать для Турецко-исламского союза получение статуса угрозы конституционному порядку. Однако какого еще статуса заслуживает организация, представители которой шпионят на турецкое правительство и саботируют антитеррористические инициативы

в условиях, когда Германия перманентно подвергается террористическим атакам невиданных до сих пор масштабов?

Свое влияние среди мусульманских общин в Европе Турция сегодня наращивает, в том числе, посредством отвоевания позиций у такого сильного игрока на поле панисламского прозелитизма, как Саудовская Аравия. Так, в 2018 г., после более 40 лет нахождения под патронажем Саудовской Аравии, крупнейшая в стране Соборная мечеть Брюсселя была передана в управление Исполнительному органу мусульман Бельгии, наибольшее влияние в котором имеют представители общин выходцев из Турции, связанные непосредственно с правительством последней. Это среди прочего означает, что, как и в контролируемых Турцией мечетях Германии или, к примеру, Нидерландов, в Соборной мечети Брюсселя будет вестись агитация на турецком языке, посредством проповедей, печатных материалов, радиотрансляций и т. п.

Само собой, все это только усиливает формирование параллельного общества, когда формально живущие и работающие в странах Западной Европы выходцы из Турции фактически лояльны исключительно Турции, независимо от гражданства. Это бросается в глаза даже просто при просмотре открытых профилей в соцсетях типа Инстаграм, когда местом проживания значится, например, Бельгия, а фотографии размещаются исключительно из Стамбула или с турецким флагом.

Отношения между европейскими странами с одной стороны и Турцией с другой могут переживать взлеты и падения или даже отсутствовать вовсе, но при любом геополитическом раскладе Турция всегда будет иметь на континенте многомиллионную группу ультралояльных сторонников, прямое влияние на которую удобно оказывать через хорошо развитую и финансируемую сеть культурных центров и мечетей вроде той, что Эрдоган открыл в Кельне.

Однако сфера интересов Р.Т. Эрдогана в вопросах расширения турецкого и своего личного влияния на евро-

пейские мусульманские общины вовсе не ограничивается лишь Германией. Желанными целями в этом проекте в принципе являются все страны континента с многочисленными и представительными общинами адептов ислама. В первую очередь речь идет о Франции и Великобритании. В Соединенном Королевстве одной из самых резонансных «маркетинговых» акций турецкого президента по презентации международного турецкого исламского проекта и себя как его лидера в последние годы стало открытие в 2019 г. с его участием первой в Европе экомечети – Центральной мечети Кембриджа.

Приставка эко в данном случае означает, что у мечети нулевой углеродный след. Иными словами ни ее строительство, ни функционирование не наносят никакого вреда окружающей среде. Здание сооружено из древесины и мрамора, крыша из ели сконструирована так, чтобы пропускать максимальный объем естественного освещения, низкоэнергетические лампы питаются за счет генерации энергии солнечного света. В здании действует пассивная система вентиляции и система сбора дождевой воды. Само собой, по всему периметру мечети расположены контейнеры для раздельного сбора мусора.

На сайте мечети говорится о том, что подобный формат исламских культовых сооружений уже весьма распространен в Индонезии и Марокко, однако в Европе это первая мечеть подобного рода³. Отсутствие до последнего времени экомечетей в северных странах вполне объяснимо, несмотря на повышенное внимание Европы к проблемам экологии – довольно сложно решить вопрос с отоплением здания из мрамора и древесины в холодное время года так, чтобы оно не оставляло углеродного следа. В Кембриджской мечети эта проблема решена за счет размещенных в подвале здания насосов, нагревающих или охлаждающих помещение посредством тепловой переработки грунтовых вод.

Проект мечети разработан лондонским архитектурным бюро Marks Barfield Architects, а идея постройки была

выдвинута еще в 2008 г. доктором исламоведения Кембриджского университета, обратившимся в ислам британцем Тимоти Винтером. Построили ее в Кембридже главным образом на средства, выделенные турецким правительством и турецкими компаниями. В общей сложности Турция вложила в строительство порядка 16 млн фунтов из итоговых 24 млн⁴. В резонансный проект также вложились Катар и британский певец Юсуф Ислам, до произнесения шахады известный как Кэт Стивенс. Участие Турции и Катара в финансировании такого проекта на территории Соединенного Королевства уже само по себе является тревожным истораживающим фактором, учитывая связи этих стран с деятельностью террористической группировки «Исламское государство» (ИГ, запрещена в РФ)⁵. Впрочем, британские власти этот сигнал, кажется, проигнорировали, как и многие другие сигналы в последние годы.

Мечеть распахнула свои двери для верующих еще в апреле 2019 г. (первый намаз прошел в марте), но официальное открытие с участием главного инвестора состоялось 5 декабря того же года. Не вызывает удивления выбор клириков для контролируемой Турцией мечети. Главным имамом является имеющий докторскую степень Лондонского университета британец боснийского происхождения Сежад Мекич (Sejad Mekić), а помогает ему уроженец Турции Али Тос (Ali Tos)⁶. Мечеть позиционируется как не относящаяся ни к одной конкретной школе или движению и приветствует в своих стенах как суннитов, так и шиитов, и представителей любых других течений. Примечательной деталью является отсутствие минарета и даже громкоговорителей снаружи здания, призыв к молитве осуществляется исключительно внутри мечети.

Вполне очевидно, что участие в подобных проектах не только позволяет Р.Т. Эрдогану укреплять свой личный авторитет среди единоверцев в Европе, но также дает возможность Турции иметь точки прямого влияния на тысячи верующих в ключевых странах континента. Более

того, достаточно легко предположить, что прямо сейчас личный авторитет Эрдогана и влияние Турции среди мусульманских общин Европы существенно выше не только влияния любого лидера и страны исламского мира, но и (а это ключевой фактор) любого европейского политика или правительства.

Какие дивиденды это дает Эрдогану лично и возглавляемой им стране? Вряд ли преувеличением будет сказать «колоссальные». Достаточно лишь кратко упомянуть потенциал для агитации и лоббирования среди бывших соотечественников (зачастую сохраняющих турецкое гражданство в качестве второго), в частности, и единоверцев вообще по любым политико-идеологическим вопросам, касающимся Турции и исламского мира – от референдума по наделению Эрдогана безграничными полномочиями до действий Турции на территории Сирии, Ливии и других стран и легитимации там своих интересов. С учетом постепенного увеличения числа выходцев из Турции и мусульман вообще во влиятельных политических партиях Европы, правительственных и общественных структурах этот потенциал с годами будет все быстрее трансформироваться из абстрактного во вполне конкретный и очень эффективный ресурс прямого влияния на политику целого континента.

Если численность турецкой диаспоры в ФРГ является фактором, определяющим повышенный интерес Турции и президента Эрдогана к религиозно-идеологической пропаганде в этой стране, то в большинстве других случаев численность и представительность той или иной этнической диаспоры, исповедующей ислам, может практически не влиять на популярность и позиции внутри европейской страны того или иного течения ислама или на масштабы влияния на исламские диаспоры государства какой-либо страны мусульманского мира. В первую очередь силу этого влияния определяют именно мечети и организации (например, образовательные учреждения), контролируемые какой-либо страной мусульманского мира.

В этом отношении весьма показательным примером является Франция. Исторически численно доминирующими на территории Франции являются мусульманские общины выходцев из стран Северной Африки, бывших французских колоний. Однако контроль над рычагами идеологического влияния через мечети и различные религиозные организации с начала XXI в. принадлежит вовсе не Алжиру или, скажем, Марокко, а прежде всего Катару и Турции. В то же время значительное влияние на низовом уровне сегодня имеют диаспоры выходцев из Чечни, что подтвердили различные события 2020 г., в которых представители таких диаспор были главными действующими лицами: июньский конфликт чеченской и магрибской диаспор в Дижоне и нашумевшее убийство в октябре выходцем из Чечни Абдуллахом Анзоровым школьного учителя истории Самюэля Пати за якобы намеренное оскорбление школьников-мусульман демонстрацией карикатур на пророка Мухаммеда.

Едва ли в сложившейся ситуации французское правительство может винить кого-то, кроме себя. По множеству причин оно уже давным-давно утратило контроль над мусульманскими общинами страны и влияние на них, которые перешли к другим государствам. В частности, именно Катар с помощью организации Qatar Charity и ей подобных в последние годы финансировал строительство многих т.н. мега-мечетей во Франции, некоторые из которых, как, например, Большая мечеть Пуатье, годами стояли недостроенными в условиях недостатка пожертвований от местных мусульманских общин. Также на деньги из Катара построены мечеть Ассалам в Нанте, центр Ан Нур с большой мечетью в эльзасском городе Мюлуз, рассчитанный на мусульман не только Франции, но и соседних Германии и Швейцарии, Большая мечеть Марселя на 14 тыс. верующих, Большая мечеть Сен-Дени, финансирование в больших объемах получает Большая мечеть Парижа. И это лишь те проекты, к которым было привлечено общественное внимание.

Октябрьские события 2020 г. во Франции окончательно показали, что проживающих в стране мусульман не устраивает французская система и программы образования, несогласие с которыми выражается самыми радикальными способами. Однако не до конца понятно, что вынуждает мусульман страны до сих пор продолжать прибегать к услугам этой системы, ведь уже далеко не первый год многие государства мусульманского мира, и прежде всего тот же Катар, вкладывают немалые средства в то, чтобы организовать во Франции систему мусульманского образования, фактически параллельную официальной и независимую от нее.

Так, в том же Сен-Дени Катар профинансировал строительство кампуса Европейского института гуманитарных наук, где частный «Мусульманский университет» предлагает курсы теологии и арабского языка аспирантам-мусульманам, число которых сегодня насчитывает несколько тысяч. Кроме того, Катар – основной спонсор колледжа Lycée-Collège Avergoës, в 2010-х гг. оказавшегося в центре скандала, когда один из преподавателей подал в отставку со словами о том, что колледж является «рассадником антисемитизма и пропагандирует среди учеников исланизм»⁷. В ситуации с вышеупомянутым колледжем французское правительство оказалось настолько близоруким, что еще и выделило госфинансирование для этого учебного заведения.

Представление о том, чему же учат в финансируемой Катаром параллельной системе образования во Франции, можно составить благодаря подготовленному Институтом исследований ближневосточных медиа (The Middle East Media Research Institute) в 2019 г. докладу, посвященному учебным пособиям для образовательных учреждений, одобренным катарским министерством образования. В документе «Обзор учебных пособий для школ исламского образования Катара на 2018–2019 учебный год» (Review of Qatari Islamic Educational School Textbooks For The First Half Of The 2018–2019 School Year) дается следующая

характеристика подобной литературы: «Учебники для 6, 8, 9 и 12 классов прославляют джихад и самопожертвование во имя ислама, представляя их как добродетели и божественные заповеди, обеспечивающие благосклонность и награды от Аллаха». «Мученики во имя Аллаха не умирают, но живут, достигая высшего уровня рая», – описывается в пособиях самопожертвование⁸. Джихад в катарских пособиях понимается как «любые необходимые действия, чтобы побеждать врага руками (через действие), языком (словами) или деньгами».

Вполне очевидно, что в современной Франции джихад деньгами осуществляет все тот же Катар (наряду с Турцией, Саудовской Аравией и рядом других стран), а руками «побеждают врагов» юноши вроде Абдулаха Анзорова, отрезавшего голову учителю истории Самюэлю Пати, или тех, кто отрезал головы прихожанам в церкви Ниццы или напал с ножом на полицейских в Авиньоне в конце того же 2020 г. На этом фоне бросается в глаза явный недостаток словесного джихада – европейские мусульмане как будто особенно и не пытаются таким образом способствовать распространению вероучения Пророка Мухаммеда среди неверующих. Сторонним наблюдателям остается только гадать о причинах этого. То ли словесный метод практически не используется, потому что адепты ислама в принципе не чувствуют уверенности в том, что смогут своими словами способствовать распространению вероучения и привлечь внимание неверующих к его привлекательным сторонам. То ли потому, что на фоне других способов «словесный джихад» попросту считается неэффективным, когда гораздо проще отрезать оппоненту голову без лишних разговоров.

Ряд европейских политиков и экспертов считают решением проблемы распространения в мечетях экстремистских идей, а также идеологий отдельных государств мусульманского мира передачу мечетей из под опеки таких государств или сомнительных течений и сект в ведение институционализированных организаций, претенду-

ющих на то, чтобы представлять всех мусульман той или иной европейской страны (так, к примеру, позиционирует себя Мусульманский совет Великобритании). В этом отношении весьма показательной стала уже упоминавшаяся выше ситуация с Соборной мечетью Брюсселя, сложившаяся во второй половине 2010-х гг. XXI в.

Как уже говорилось, после почти 40 лет нахождения под патронажем Саудовской Аравии Соборная мечеть Брюсселя из-за подозрений в чрезмерном влиянии салафитов на имамов и верующих и распространении между прихожанами мечети радикальных идей, в 2018 г. была передана Исполнительному органу мусульман Бельгии (The Muslim Executive of Belgium), консультирующему правительство страны относительно субсидирования тех или иных исламских организаций или культовых сооружений. Соглашение об этом было достигнуто в январе 2018 г. на встрече министров иностранных дел Бельгии и КСА Дидье Рейндерса и Аделя аль-Джубейра.

Несмотря на то, что ряд европейских (немусульманских) СМИ и преподносил это решение как в значительной степени заслугу «просвещенного» наследного принца КСА Мухаммеда бен Сальмана, в рамках своих реформ провозгласившего курс на отказ от поддержки по всему миру мечетей, обвиненных в пропаганде радикальных и экстремистских идей, нужно скорее рассматривать его в качестве «аппаратной» победы лоббистов марокканской и турецкой диаспор Бельгии, составляющих большинство в мусульманском сообществе страны и имеющих сильное влияние внутри Исполнительного органа мусульман, а также на местные власти в вопросах контроля за тем, что происходит в мечетях в различных регионах страны.

Кроме того, в значительной степени такому развитию событий непреднамеренно способствовали действия депутата правой партии Новый фламандский альянс Тео Франкена, с 2014 по 2018 гг. занимавшего в правительстве страны должность министра по делам иммиграции. В этом качестве он среди прочего потребовал сменить

имама Соборной мечети Брюсселя на основании своих подозрений в принадлежности последнего к салафитам (предшественник имама в 2012 г. был снят с должности по этой же причине), что отрицали и сам имам Абдельхади Сеиф (Abdelhadi Sewif), и другие влиятельные исламские клирики и проповедники Бельгии, вроде Якуба Махи (Yacoub Mahi), впрочем, без каких-либо конкретных доказательств.

Наоборот, сам Абдельхади Сеиф незадолго до упомянутых событий позиционировал себя в качестве представителя т.н. «умеренного» ислама и сетовал на то, что бельгийская мусульманская молодежь его не слушает: «Я бывал в Моленбеке, посетил там несколько мечетей. Я даже там несколько раз проповедовал, призывая молодежь ориентироваться на умеренный ислам. Но далеко не все меня услышали. Я вижу растущую группу мусульман, главным образом, молодых, которые не являются последователями учения официально признанных религиозных учреждений. Вот на них все мы должны обратить внимание. Они учатся на интернет-сайтах. Они не слушают ни меня, ни других наставников. Они впитывают в себя исковерканные, ядовитые идеи, и после этого вообще не считают меня мусульманином»⁹.

Но каким авторитетом для в массе своей франкоговорящей мусульманской молодежи из пригородов Брюсселя может быть имам, за десять лет жизни в стране так и не выучивший французский язык? Как его вообще можно было услышать? Эта ситуация наглядно демонстрирует, что даже позиционирующие себя «умеренными» имамы старшего поколения пребывают в опасном (прежде всего для возможных жертв потенциальных терактов) заблуждении, что их возраст, опыт и статус гарантируют им и их проповедям внимание со стороны уммы (локальной или глобальной). А это обстоятельство, в свою очередь, говорит о том, что в глубоком кризисе пребывает сама традиционная система передачи опыта в исламе, когда молодые обязаны внимать старшим и образованным уже

только потому, что те старше и якобы образованнее в том, что касается веры, и оттого приобрели некий статус.

Но многие представители мусульманской молодежи, особенно в Европе, где куда больше поощряется активная жизненная позиция, чем в традиционных обществах мусульманского мира, не хотят внимать «старцам», чтобы что-то у них узнать, а хотят говорить и действовать. Хотят сами быть авторитетами для единоверцев (или тех, кого они таковыми считают) на YouTube или в других соцсетях, минуя какие-либо промежуточные стадии и выбирая максимально короткий и легкий путь к цели.

Прецедент с Соборной мечетью Брюсселя также является и весьма характерным примером своего рода обратной колонизации в отдельных государствах Западной Европы, о которой уже, пожалуй, можно говорить как о вполне состоявшейся. Подобно тому, как Бельгия столетия назад делила сферы влияния в той же Африке с другими европейскими державами, сегодня влияние, только не с целью экспроприации ресурсов или использования экономики той или иной страны, а прежде всего для религиозно-идеологического контроля над постоянно растущими европейскими исламскими общинами, делят между собой такие государства мусульманского мира, как Турция, Катар, Саудовская Аравия, Марокко и другие.

Причем этот подход распространяется даже на страны ЕС, долю мусульман в которых по сравнению с общей численностью населения можно признать ничтожной. Вполне наглядно это иллюстрирует ситуация в государствах Прибалтики. Так, при обсуждении в 2019 г. планов по строительству в столице Литвы Вильнюсе второй мечети (после Исламского культурно-образовательного центра), которая смогла бы вмещать до 600 человек, муфтий из татарской диаспоры Александр Беганский заявлял, что строительство мечети будет профинансировано Турцией, Саудовской Аравией или Катаром (упоминались именно эти 3 страны), а на финансирование со стороны Литвы мусульмане страны не рассчитывают¹⁰.

При этом муфтием почему-то не упоминалось, что вклад литовского государства состоял в безвозмездной передаче суннитской общине на правах пользования участка площадью 8,4 тыс. кв. м для строительства этой мечети на улице Илгалауке в микрорайоне Лепкалнис. Видимо, такая помощь не считается литовскими мусульманами сколь-нибудь существенной и соответственно не может гарантировать Литве хоть какую-то лояльность со стороны исламских общин страны. Такую лояльность очевидным образом получают дающие деньги страны-гегемоны исламского Ближнего Востока.

Необходимо отметить, что, по данным переписи 2011 г., большинство литовских мусульман (порядка 3 тыс. человек) являются татарами¹¹. Соответственно, и в этом случае, подобно ситуации во Франции и других странах Европы с куда более крупными и представительными исламскими общинами, численность и этнический состав этих общин никак не связаны с уровнем влияния на них тех или иных государств мусульманского мира. Это означает, что институционализируемая организация мусульман страны, состоящая преимущественно из татар-выходцев с постсоветского пространства, может иметь самые тесные связи, к примеру, с салафитскими проповедниками из Саудовской Аравии и получать финансирование с условием присутствия этих проповедников в мечетях страны.

Очевидно, что в этих обстоятельствах передача контроля над мечетями (тем более такими крупными, как соборные) из патронажа отдельных государств в управление неким негосударственным религиозным организациям, претендующим на то, чтобы якобы представлять всех мусульман той или иной европейской страны, не является решением проблемы формирования европейской идентичности у молодых адептов ислама в ЕС и контроля за распространением экстремистских идей в их среде. Единственным хоть сколько-нибудь перспективным решением представляется государственный контроль над мечетями, по крайней мере, над самыми значимыми

из них. Однако большинство государств ЕС уже прошли ту точку в своей истории, в которой установление хотя бы подобия такого контроля на их территории еще было осуществимым.

Исключением в этом отношении является Греция, до осени 2020 г. остававшаяся единственной страной ЕС, в столице которой не функционировала ни одна официальная мечеть. Вот почему понедельник 2 ноября 2020 г. стал для Европейского союза исторической датой. В этот день в объединенной Европе больше не осталось государств со столицами без действующих мечетей. Строительство мечетей в Греции было запрещено с 1832 г., с момента образования Королевства Греции в результате войны за независимость от Османской Империи, и вплоть до 2006 г., когда запрет был отменен. Однако для того, чтобы в Афинах появилась первая мечеть, понадобилось еще 14 лет (хотя, само собой, все это время в городе, по данным «The New York Times», функционировало порядка 70 официальных и неофициальных молельных домов)¹².

В то же время в других регионах Греции исламским общинам постепенно возвращали здания мечетей, построенные еще во время оккупации страны Османской Империей и после 1832 г. использовавшиеся для каких угодно, но только не религиозных нужд. В Афинах самым значительным примером такого религиозного османского зодчества все это время оставалась бывшая мечеть Фетхие-джамии (или «Мечеть завоевателя»), которая сегодня используется как музейно-выставочный комплекс. Само собой, до турецкого завоевания на месте мечети была христианская базилика.

При этом уже в первом десятилетии текущего века потребность в действующей мечети в Афинах была значительной. На конец нулевых в стране проживало более 700 тыс. мусульман (главным образом выходцы из Турции, балканских стран, а также Пакистана, Бангладеш, Сирии и Афганистана) и большая часть из них – в Афинах. В 2016 г. власти города согласовали проект строи-

тельства здания без купола и минаретов с парком и детской площадкой на территории бывшей военно-морской базы в промышленном районе недалеко от центра города. Открытие культового сооружения планировалось на весну 2020 г., но мировая пандемия коронавируса внесла коррективы в этот план. В итоге фактическое открытие состоялось вечером 2 ноября посредством скромной молитвенной церемонии – торжественное и помпезное планировалось провести, когда позволит эпидемиологическая обстановка. Мечеть рассчитана на 350 верующих, однако в первые дни ее работы действовало ограничение – не более 9 молящихся одновременно. После того, как в Греции был объявлен общенациональный карантин, мечеть и вовсе была закрыта до 30 ноября.

Первым имамом мечети, по данным «The New York Times», стал 55-летний Заки Мохаммед, гражданин Греции марокканского происхождения¹³. В отличие от множества других мечетей в Евросоюзе, строительство которых было профинансировано такими государствами мусульманского мира, как Катар, Турция или Саудовская Аравия, средства на строительство афинской мечети были выделены греческим правительством. Широко известно, что Греция уже довольно длительное время испытывает серьезные экономические трудности, на фоне которых финансирование строительства мечети в столице совсем не выглядит хоть сколько-нибудь обязательными тратами для пережившего в прошлом исламскую оккупацию государства, более 90% населения которого являются православными христианами. Тем не менее средства были выделены, а мечеть построена (добавим, что едва ли на подобное отношение могут рассчитывать христиане в большинстве стран мусульманского мира). Реакцией же на завершение строительства и открытие мечети со стороны исламской общественности внутри страны и за ее пределами стало... возмущение и негодование.

«Первая мечеть в греческой столице открылась после 14 лет споров и бюрократических проволочек», – так оха-

рактизовало усилия греческого правительства по строительству мечети арабское информагентство Al-Jazeera¹⁴. Еще дальше в своих высказываниях пошел глава Ассоциации мусульман Греции (Muslim Association of Greece) Наим Эль Гандур (Naim El Ghandour), которого цитирует американский телеканал CNN: «Это совсем не похоже на место поклонения, это небольшое квадратное убогое здание, похожее на склад»¹⁵. Не остановившись на этих претензиях, Гандур повысил градус агрессивности своей риторики, что сегодня так популярно среди европейских мусульман с подачи политиков с панисламскими устремлениями вроде президента Турции Р.Т. Эрдогана: «Мы будем биться за то, чтобы достичь того уровня, которого мы заслуживаем»¹⁶.

Поведение главы Ассоциации мусульман Греции, еще одного зонтичного органа, претендующего на то, чтобы якобы представлять всех мусульман одной отдельно взятой страны, наглядно демонстрирует, что сотрудничество правительств с такими организациями может быть едва ли не более проблематичным и токсичным, чем прямые контакты со странами мусульманского мира, курирующими и субсидирующими мечети напрямую. В последнем случае при сомнительной игре обычно хотя бы сохраняется хорошая мина. В целом же, вероятно, греческим властям стоит быть благодарными за столь «мягкое» отношение со стороны мусульман страны, ведь некоторые их единоверцы в Европе сегодня заходят гораздо дальше агрессивной риторики в случаях, когда они чем-либо недовольны: самым свежим примером этого, как минимум, может служить трагическая судьба французского учителя истории Самюэля Пати.

Афинская мечеть является уникальным проектом для Евросоюза, поскольку единственная на континенте была полностью построена на государственные средства и управляется также государством, что подчеркивают в правительстве Греции. «Это очень деликатный эксперимент, так как мы пытаемся сделать так, чтобы все

мусульмане имели право голоса в управлении мечетью без вовлечения (в процесс управления) каких-либо стран», – цитирует «The New York Times» Георгия Калантзиса (George Kalantzis), генерального секретаря Министерства образования и по делам религий¹⁷. Добавим, что в контексте деликатности репрезентации ислама в современной Европе отдельно стоит отметить наметившуюся тенденцию к проектированию европейских мечетей без минаретов. Если в 2009 г. жители Швейцарии голосовали на специальном референдуме за запрет на строительство в стране этих необязательных построек для исламских культовых сооружений, то сегодня все больше проектов мечетей сразу создается без минаретов даже при отсутствии формализованных запретов. И речь не только о построенной на государственные деньги мечети в Афинах, что можно было бы счесть произволом, но и о проектах, спонсируемых государствами Ближнего Востока, вроде экомечети в Кембридже, о которой говорилось выше.

Пример Греции еще раз продемонстрировал другим странам Европы, что к ситуации с контролем над мечетями может быть принципиально иной подход, чем было принято считать на протяжении десятилетий, отдавая управление местами отправления религиозных нужд в лучшем случае демонстрировавшим лояльность правительству общинам, а в худшем – даже не имея представления о том, что происходит в этой сфере на территории страны. Так, например, «отыграть назад» свою политику в этой области решила Дания, 15 марта 2021 г. на законодательном уровне запретившая зарубежное финансирование мечетей в стране. Речь идет о законопроекте о запрете на зарубежное финансирование отдельных лиц, организаций и, в том числе, религиозных учреждений в стране, который был принят и вступил в силу 9 и 15 марта 2021 г. соответственно. Закон, инициированный Министерством иностранных дел и интеграции, не содержит прямых упоминаний ислама, мечетей и исламизма, однако

направлен в первую очередь именно против финансирования мечетей иностранными физическими и юридическими лицами, что прямо подтвердил министр иностранных дел Матиас Тесфайе.

«Сегодня за рубежом действуют экстремистские силы, которые пытаются настроить наших граждан-мусульман против Дании и тем самым разделить наше общество. Неоднократно в последние годы СМИ сообщали о датских мечетях, получающих миллионы с Ближнего Востока. Правительство намерено этому противостоять. Этот законопроект является важным шагом в борьбе с попытками исламских экстремистов закрепиться в Дании», – прокомментировал законодательную инициативу политик¹⁸. Говоря о сообщениях в СМИ, Тесфайе прежде всего имел в виду вполне конкретные случаи с мечетью Таиба, расположенной в мультикультурном районе Норебро, также известном как «маленькая Арабия», и Соборной мечетью Копенгагена. Первая известна тем, что в разное время была базой нескольких исламистов, обвиненных в террористической деятельности, а также тем, что получала пожертвования от Саудовской Аравии. В январе 2020 г. датское издание «Berlingske» писало о субсидиях от саудитов на сумму порядка 780 тыс. долларов, что стало первым официально задокументированным случаем пожертвования от этой страны какой-либо датской мечети. Впоследствии в «Berlingske» было написано о саудовской поддержке и других мечетей страны¹⁹.

Что касается Соборной мечети Копенгагена, то это еще более показательный случай. Это первый в стране проект целенаправленно построенной мечети, также известный как Цивилизационный центр Хамада Бин Халифа. Мечеть, вмещающая порядка 3 тыс. верующих, открылась в июне 2014 г., получив персональное пожертвование в размере 30 млн евро от предыдущего эмира Катара Хамада бен Халифы Аль Тани. При этом на этапе строительства мечети любая связь с Катаром отрицалась. Конечно, не осталась в стороне от финансирования

датских мечетей и Турция, наряду с Катаром и Саудовской Аравией входящая в «большую тройку» стран мусульманского мира, не первое десятилетие делящую между собой влияние на исламские общины Европы. По данным Института Гейтстоуна, Турция профинансировала строительство как минимум 27 мечетей, хотя и не в крупных городах страны вроде Орхуса, Рингстеда и Роскилле²⁰.

Подводя итоги обзора, необходимо отметить, что прямо сейчас происходит очередная, уже вторая по счету смена модели распределения внешнего влияния в мусульманских общинах Европы. Для первой модели, установившейся в середине XX в., когда на послевоенном континенте в короткий срок возникли представительные сообщества адептов ислама, было характерно распределение влияния, обусловленное прежде всего составом диаспоры. Так, в Великобритании мечети между собой делили секта Ахмадие, а также индо-пакистанские теологические школы и течения барелви (которое по ряду признаков, среди которых, например, поклонение потомкам пророка Мухаммеда, амулетам, могилам известных в прошлом богословов и деятелей ислама, т.н. пирам, – также может быть отнесено к сектантским) и деобанди (наоборот, ортодоксальная богословская школа «Дар уль-улуме Деобанд»). К ним принадлежала значительная часть иммигрантов из бывшей Британской Индии. Во Франции – влиятельные североафриканские течения, фракции и диаспоры и т. п. Основным источником финансирования при этом были пожертвования от членов общин, которые к текущему моменту иссякли настолько, что, как уже упоминалось выше, множество мечетей по всей Европе превратились в долгострои.

Эта модель начала достаточно быстро меняться на рубеже веков, когда на фоне рекордных цен на нефть за контроль над мусульманскими общинами Европы начали активно бороться государства Ближнего Востока и Северной Африки, разработавшие и реализовавшие

на континенте схемы целенаправленной политики влияния и социально-религиозной пропаганды. В этот период Турция, Катар, Саудовская Аравия, Алжир, Кувейт, Ливия, Марокко и Объединенные Арабские Эмираты распределили сотни миллионов евро на финансирование распространения ислама (и его перверсивных версий) в Европе. На этот же период приходится и экспоненциальный рост террористических атак исламистов на континенте. Причин у этого явления было множество, однако свою лепту внесли и клирики, пользовавшиеся финансовой поддержкой вышеуказанных государств.

Контурсы новой модели влияния начали проявляться лишь в последние несколько лет и все еще остаются довольно зыбкими. На текущий момент итоговая картина представляется следующей: обозначилось многократное усиление государственного контроля за религиозно-идеологическими процессами в исламских общинах Европы с упором на развитие любых подобных процессов в рамках культуры и традиций конкретной европейской страны, существенное ограничение или полный запрет иностранных финансовых вливаний в мечети на континенте, передача всех ключевых позиций в мечетях и исламских организациях мусульманам, родившимся в стране и получившим европейское образование, и организациям, преимущественно состоящим из таких мусульман. Впрочем, данная модель, хотя и наметилась довольно явно, все еще далека от окончательного формирования, на которое может повлиять множество факторов, главный из которых – экономическая ситуация в Европе и странах Ближнего Востока в самом ближайшем будущем.

¹ См.: Uzun Bulut, Turkey: Building Mosques, Erasing Christianity. [Электронный ресурс] // Gatestone Institute, 2 October 2018. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/13063/turkey-mosques-christianity> (дата обращения: 19.04.2021).

² Ibid.

³ См.: Cambridge Central Mosque. FREQUENTLY ASKED QUESTIONS. URL: <https://cambridgecentralmosque.org/faq/>(дата обращения: 19.04.2021).

⁴ См.: Debbie Luxon. Who exactly paid for Cambridge's new eco-mosque? [Электронный ресурс] // Cambridge News, 7 December 2019. URL: <https://www.cambridge-news.co.uk/news/cambridge-news/cambridge-central-mosque-turkey-funding-17374653>(дата обращения: 19.04.2021).

⁵ Плещунов Ф.О. К вопросу об источниках финансирования «Исламского государства». [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока, 09.01.2015. URL: iimes.ru/?p=23220

⁶ См.: Cambridge Central Mosque. FREQUENTLY ASKED QUESTIONS. URL: <https://cambridgecentralmosque.org/faq/>(дата обращения: 19.04.2021).

⁷ Цит. по: Rory Mulholland. Teacher quits French Muslim school accusing it of 'promoting Islamism'. [Электронный ресурс] // The Telegraph, 8 February 2015. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11398672/Teacher-quits-French-Muslim-school-accusing-it-of-promoting-Islamism.html> (дата обращения: 19.04.2021).

⁸ См.: *Review Of Qatari Islamic Education School Textbooks For The First Half Of The 2018-2019 School Year*. [Электронный ресурс] // The Middle East Media Research Institute, 19 February 2019. URL: <https://www.memri.org/reports/review-qatari-islamic-education-school-textbooks-first-half-2018-2019-school-year> (дата обращения: 19.04.2021).

⁹ Цит. по: Бельгия «проморгала» террористов: как, почему, что делать? [Электронный ресурс] // Euronews, 27.11.2015. URL: <https://ru.euronews.com/2015/11/27/belgium-seeks-answers-over-its-apparent-status-as-a-spring-board-for-europe-s> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁰ Цит. по: В Вильнюсе планируется построить небольшую мечеть: [Электронный ресурс] // Baltic News Service, 28.08.2019. URL: <http://m.124.lt/ru/obshhestvo/item/317000-v-vilnyuse-planiruetsya-postroit-nebolshuyu-mechet> (дата обращения: 19.04.2021).

¹¹ Ibid.

¹² Niki Kitsantonis. It Took a Century to Open a Mosque in Athens. Then Came the Pandemic. [Электронный ресурс] //The New York Times. 14 November 2020. URL:

<https://nytimes.com/2020/11/14/world/europe/athens-mosque-coronavirus.html> (дата обращения: 19.04.2021).

¹³ Ibid.

¹⁴ Adam Adada. Athens' first mosque officially opens. [Электронный ресурс] // Al Jazeera, 9 November 2020. URL:

<https://www.aljazeera.com/program/newsfeed/2020/11/9/athens-first-mosque-officially-opens> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁵ Цит. по: Athens' first mosque in nearly 200 years opens for Friday prayers. [Электронный ресурс] // CNN, 7 November 2020. URL:

<https://edition.cnn.com/2020/11/07/europe/athens-mosque-greece-islam-intl/index.html> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Цит. по: Niki Kitsantonis. It Took a Century to Open a Mosque in Athens. Then Came the Pandemic. [Электронный ресурс] //The New York Times. 14 November 2020. URL:

<https://nytimes.com/2020/11/14/world/europe/athens-mosque-coronavirus.html> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁸ Цит. по: Soeren Kern. Denmark Bans Foreign Funding of Mosques. [Электронный ресурс] // Gatestone Institute, 15 March 2021. URL:

<https://www.gatestoneinstitute.org/17167/denmark-mosques-foreign-funds> (дата обращения: 19.04.2021).

¹⁹ См.: Saudi-Arabien har doneret millioner til moské i København [Электронный ресурс] // Berlingske, 22 January 2020. URL:

<https://www.berlingske.dk/politik/saudi-arabien-har-doneret-millioner-til-moske-i-koebenhavn> (дата обращения: 19.04.2021).

²⁰ См. Judith Bergman. Turkey Islamizes Denmark with More Mosques. [Электронный ресурс] // Gatestone Institute, 20 November 2017. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/11400/turkey-denmark-mosques> (дата обращения: 19.04.2021).

И.И. Стародубцев

ТУРЦИЯ: НА ПУТИ К СТАТУСУ «РЕГИОНАЛЬНОЙ СВЕРХДЕРЖАВЫ»

Турция на пути к продекларированному страной статусу «региональной сверхдержавы» завершила второе десятилетие XXI века прохождением через «полосу препятствий». И «бег по пересеченной местности» продолжается и в десятилетии третьем.

В числе экономических факторов следует отметить глобальный экономический кризис 2008 года, который негативным образом отразился и на Турции. Дальнейшая рецессия мировой экономики, вне всякого сомнения, стала одним из факторов, которые воспрепятствовали достижению Турцией заявленной президентом Р.Т. Эрдоганом цели по вхождению в десятку ведущих мировых экономик по объему ВВП.

Более того, рубеж второго – третьего десятилетий XXI века был ознаменован катаклизмом глобального значения – пандемией коронавируса, стартовавшей в конце 2019 – начале 2020 года. На момент написания данной статьи (май 2021 года) Турция находилась в режиме полной изоляции, авиасообщение страны с зарубежными странами было ограничено и перспективы выхода страны из такого состояния хоть и обнародовались турецким руководством, но постоянно корректировались. Потери Турции от пандемии коронавируса еще лишь только подлежат оценке. Эта оценка станет возможна только после

того, как пандемию удастся побороть или хотя бы достичь перелома в этой борьбе.

Если говорить о политических факторах, оказавших влияние на экономику, то можно их разделить на факторы внутривнутриполитические и внешнеполитические. Последние, в свою очередь, с допустимой степенью условности можно разделить на факторы регионального и глобально-го значения.

Говоря о внутривнутриполитической обстановке в Турции, можно сказать, что два десятилетия правления в стране Партии справедливости и развития, безусловно, не привели к разрядке и консолидации. Хотя эти два десятилетия и стали временем следования в русле видения одной партии и одного руководителя страны, но и это видение, по мере своей эволюции, претерпевало существенные изменения (например, в плане стратегии борьбы с сепаратизмом и терроризмом со стороны Рабочей партии Курдистана – И.С.).

Важнейшими событиями и явлениями стали факты борьбы новой и старой элит (иногда ее именуют еще «светской», и относят к ней, в том числе, военный и судебный корпус, а также интеллигенцию – И.С.), с поражением последней и оттеснением ее от рычагов управления в стране.

За одержанной победой последовал раскол уже в новой турецкой элите, который ознаменовался двумя событиями.

Первое, разумеется, по своей значимости – это расторжение ситуационного союза между правящей Партией справедливости и развития и лично президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом и беглым проповедником, проживающим в Пенсильвании, Фетхуллахом Гюленом.

Острую фазу этого конфликта Турецкая Республика прошла в 2016-м году, когда в стране была предпринята попытка военного переворота в ночь с 15 на 16 июля. Турция обвинила в попытке военного переворота секту проповедника и объявила ее «террористической организацией Фетхуллаха Гюлена» (в турецкой аббревиатуре:

ФЕТÖ – И.С.). Более того, турецкое руководство неоднократно подчеркивало и ту роль, которую сыграли США в попытке переворота в стране, и продолжает обвинять американцев в отсутствии стремления сотрудничать по этому делу: в нежелании выдать беглого проповедника Турции, невзирая на многочисленные официальные запросы турецкой стороны.

Второе явление в турецкой правящей элите – это уход из нее, если так можно выразиться, «идеологов» с замещением их на «технократов».

В частности, Партию справедливости и развития, ее руководящие посты покинуло множество тех, кто стоял у истоков ее основания и считался «товарищем» Реджепа Тайипа Эрдогана и так называемой «старой гвардией». В правящей партии завершились процессы централизации власти с передачей всех рычагов управления Р.Т. Эрдогану как партийному главе. При этом некоторые из покинувших ПСР продолжили свой путь в качестве публичных политиков и даже основали свои собственные партии. Среди них следует отметить бывшего премьер-министра страны Ахмета Давутоглу и бывшего госминистра Али Бабаджана.

Сращивание законодательной и исполнительной ветвей власти произошло после принятия поправок к Конституции в 2017 году, когда был упразднен пост премьер-министра, а Турецкая Республика стала не парламентским, а президентским государством.

При этом президент страны Реджеп Тайип Эрдоган получил право вернуться в ПСР (в качестве ее главы), чтобы стать первым партийным президентом. То есть в его руках оказался сконцентрирован контроль над партией большинства, а следовательно, и над парламентским большинством в Великом национальном собрании (Меджлисе) Турции, а также над правительством страны.

Если говорить о внешнеполитических факторах, то прежде всего стоит сказать о смене парадигмы турецкой

внешней политики: отказ от использования исключительно инструментов «мягкой силы» и переход к использованию и силы «жесткой».

Наилучшим образом на этот счет высказался руководитель главного мозгового центра страны, Фонда политических, экономических и социальных исследований (SETAV) Бурханеттин Дуран: «Повышенный уровень активности Турции и использование, когда требуется, жесткой силы на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Заливе, Красном море и Восточном Средиземноморье укрепляет, а не ослабляет ее руку (руку Турции – И.С.) за столом переговоров. То же самое и со всеми другими региональными державами. Турция потеряла бы свой статус влиятельного игрока в регионе, если бы не испытывала напряженности в отношениях с некоторыми странами, с которыми она сейчас стремится к нормализации»¹.

Проекция этой парадигмы проявляется как в делах региональных, так и в отношениях с глобальными, признанными международными центрами силы (США, ЕС и НАТО, а также с Россией и с Китаем – И.С.).

Если говорить о регионе, то «проба турецкого пера» началась на рубеже 2010–2011 годов, в ходе событий так называемой «арабской весны». Турецкое руководство посчитало, что идет волна перемен, которая «сметет» старые монархии и диктатуры региона. И сделала для себя стратегический «пересчет», придя к выводу о том, что это – исторический шанс для укрепления своих региональных позиций.

Как показали истекшие 10 лет, если такой прогноз и сбылся, то, отнюдь, не в той мере, в какой можно было рассчитывать, наблюдая за региональными волнениями. Итогом сегодня для Турции является запрос на нормализацию отношений с целым рядом региональных держав, включая Египет, Саудовскую Аравию и ОАЭ, режимы в которых устояли в ходе «арабской весны».

Заявленные Турцией цели по отстранению президента Башара Асада от власти в Сирии, на момент написания

данной статьи, так и остались нереализованными. А роль Турции в сирийском урегулировании оказалась далеко не той, на которую страна изначально претендовала. Более того, вопрос безопасности на турецко-сирийской границе приобрел совершенно новое измерение с обособлением курдских анклавов Сирии, которые пользуются американской поддержкой. Возросла угроза в перспективе увидеть дальнейшее сращивание территорий, населенных курдским народом, с выходом на «Большой Курдистан». А это уже – прямая угроза территориальной целостности Турции и наряду с ней – Сирии, Ирака и Ирана.

Однако нельзя отрицать и того, что Турцию не удалось и отстранить от сирийского конфликта, а ее важная роль была закреплена самим форматом Астанинской тройки: Россия – Иран – Турция. Более того, Сирия получила и другое значение для Турции: она стала «университетами» для турецкого руководства, и, как можно было заметить, в той же Ливии Турция действовала и продолжает действовать уже с учетом уроков сирийского конфликта.

То же можно сказать и про другой конфликт – в Нагорном Карабахе. Опять же нельзя отрицать того, что Россия обратила себе на пользу ситуацию в Нагорном Карабахе, однако и Турция стала несомненным бенефициаром итогов конфликта, проведя военный парад в Баку.

Важнейшим региональным вопросом для Турции является раздел газовых месторождений Восточного Средиземноморья. Доступ к собственным месторождениям газа можно считать главной задачей турецкой внешней политики в обозримой перспективе, поскольку он изменит сам характер турецкой экономики. От экономики с отрицательными бюджетом и внешней торговлей Турция может стать «профицитным» в финансовом отношении «предприятием». В том случае, если этот план окажется в итоге реализованным, Турция получит еще одно веское основание к тому, чтобы считаться региональной «сверх-

державой», причем не только в политическом, но и в экономическом смысле. Именно последнее измерение у Турции ощутимо хромает в ее претензиях на новый «улучшенный» статус наряду с несомненным политическим укреплением.

Как отражаются турецкие притязания на отношениях с признанными глобальными центрами силы?

Как можно заключить, турецкое руководство в наши дни выражает готовность к тому, чтобы отношения Турции с теми же США и ЕС, а также с НАТО не были бы «монохромными». В том смысле, что в палитре этих отношений есть и будут зоны как сотрудничества, так и зоны разногласий и даже конфликтов. Это – принципиально новое веяние, что нынешнее турецкое руководство открыто декларирует то, что оно не будет стремиться любой ценой (и, разумеется, в ущерб своим национальным интересам) урегулировать существующие расхождения, а может с ними спокойно существовать дальше.

Полностью аналогичный подход наблюдается и в отношениях между Турцией и Россией: невзирая на области тесного сотрудничества, турецкая сторона не уклоняется от того, чтобы обозначать свою позицию в разрез позиции Российской Федерации и конкурировать с российской стороной в тех зонах, которые та считает зонами своих не просто стратегических, но жизненных интересов. Речь, разумеется, в данном случае идет о постсоветском пространстве. Более того, Турция продолжает, невзирая на сопротивление российской стороны, строить особые отношения с родственными народами на территории РФ.

Не вызывает сомнений, что статус Турецкой Республики за последние годы, невзирая на сложность внутри- и внешнеполитических процессов, изменился. Однако на этом пути Турция столкнется с целым рядом вызовов – внешних и внутренних – которые будут возвращать ее в «исходное состоя-

ние» рубежа XX–XXI веков. Основные из этих вызовов перечислены выше и, в случае, если Турции не удастся их преодолеть, «исходное состояние» на какой-то период превратится в «естественные границы» турецких возможностей на данном этапе своего развития.

¹ Burhanettin Duran. Logic and timing of Turkey's normalization with Egypt // Daily Sabah. 05.05.2021.

<https://www.dailysabah.com/opinion/columns/logic-and-timing-of-turkeys-normalization-with-egypt> – Доступ: 12.05.2021.

Владимир (Зеэв) Ханин

ОБ ОТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ С КИТАЕМ И ЯПОНИЕЙ

Конец второго десятилетия нынешнего века характеризовался заметным усилением дипломатической и политической активности в ближневосточном регионе держав, чье внимание в этом регионе ранее ограничивалось почти сугубо экономическими интересами, – Китая и Японии. Китай стал заметным игроком в раскладе политических сил в Сирии и вокруг нее, а также в геостратегическом раскладе в Восточном Средиземноморье и Западной Азии в целом.

Япония, неожиданно для многих, сделала заявку на урегулирование конфликта и поддержание режима безопасности в Персидском заливе. Не стало сюрпризом, что обе дальневосточные страны «отметились» в периферийном, но символически важном для региональной повестки дня палестинском вопросе. И все эти тенденции стали фоном для быстрого развития многоплановых отношений дальневосточных государств с Израилем, которые в некоторых сферах приблизились к состоянию стратегического партнерства, что не исключало разногласий, нередко довольно острых, по вопросам, являющимся принципиальными для каждой из стран.

В этой статье мы попытаемся проанализировать мотивы и параметры данного феномена, а также некоторые итоги и возможные перспективы отмеченных процессов.

Заявки Пекина и Токио

Следует заметить, что потенциал для подобного позиционирования дальневосточных государств в регионе накапливался постепенно. Исторически Левант и Ближний Восток в целом занимали периферийное положение во внешнеполитической активности Пекина после Второй мировой войны. Это было обусловлено как весьма ограниченным экономическим интересом Китая к региону, в основном связанным с удовлетворением энергетических потребностей страны, так и тем, что в Пекине не считали перспективным искать свою нишу в Восточном Средиземноморье, где многие десятилетия правила игры определяли СССР (ближайшим союзником которого в регионе была Сирия) и западный блок во главе с США, покровительствовавшими Турции, Ливану, Иордании и Израилю. Ситуация во многом стала иной с распадом Советского Союза в 1991 году и постепенной перестановкой сил на «мировой шахматной доске», что открывало свои возможности и для новых региональных игроков.

Уже в первом десятилетии нового века параллельно с ростом глобальных амбиций КНР ее экономическая и дипломатическая активность в регионе заметно усилилась. А поворотным пунктом нынешних политико-дипломатических демаршей Китая многие эксперты считают публикацию в 2013 году программы «Новый шелковый путь» (Belt and Road Initiative – BRI), который призван связать Китай сетью оборудованных сухопутных и морских маршрутов по Азии, Африке, Европе и прилегающим к ним морям. И чью геополитическую компоненту, превращавшую Китай из «простого», хотя и сколь угодно масштабного потребителя ближневосточных нефти (на которую приходится более половины китайского импорта из региона) и иных энергоносителей, в одного из ведущих политико-экономических игроков, уже тогда было невозможно

не заметить. Причем словами дело явно не ограничилось, коль скоро в 2013–2020 годах Пекин стал крупнейшим иностранным инвестором на Ближнем Востоке (порядка \$155 млрд – более 40% всех прямых внешних инвестиций в регион).¹

Хотя Ближний Восток и не является, в отличие от Юго-Восточной Азии, главной геополитической целью Пекина, регион там рассматривают в качестве «расширения» его геостратегической периферии. В силу чего Китай, по оценке израильского китаевода Мордехая Чазизы (*Mordechai Chaziza*), развивает двухсторонние отношения с ближневосточными государствами, имея в виду обеспечение гарантированного импорта углеводородов, трансрегиональных каналов экспорта товаров и в более отдаленной перспективе – увеличение своего влияния в нем за счет максимального вытеснения оттуда США.²

Похоже, что особое значение в этой связи для планов Пекина в силу своего геостратегического положения имеют два адреса. Первый – это Турция, взаимный товарооборот с которой Китая уже в 2000 году пересек рубеж в \$1 млрд. А за следующее десятилетие, накануне подписания странами в 2010 году серии соглашений в рамках «отношений стратегического сотрудничества», предполагавших также массированные китайские инвестиции в инфраструктурные и транспортные проекты, товарооборот увеличился в 10 раз, и еще втрое (до \$28 млрд) к 2014 году.³ Превратив тем самым Турцию в четвертого по весу ближневосточного торгового партнера Китая, а Китай, чьи инвестиции в турецкую экономику составили в 2010–2020 гг. порядка \$11 млрд – в третьего (после Германии и России) по значению торгового партнера Турции.⁴ Даже если пока не очевидно, в какой степени речь идет о win-win game, для Турции программа «Новый шелковый путь», как справедливо замечают турецкие аналитики, «является источником остродефицитной наличной валюты, а Турция для Китая – стратегический плацдарм в Средиземноморье».⁵

Вторым адресом такого рода в Пекине видят Левант – что, как справедливо замечают комментаторы, объясняет готовность Китая инвестировать более \$3 млрд в строительство нового крупнейшего израильского порта в Хайфе,⁶ равно как и интерес к ливанскому порту Триполи и сирийским портам Латакия и Тартус. Тот факт, что два последних являются сегодня согласованной со всеми вовлеченными в сирийский кризис сторонами «зоной эксклюзивных интересов России», китайцев, похоже, не слишком смущает. В Пекине, судя по всему, полагают решить с Москвой этот вопрос в тот момент, когда актуальной станет тема послевоенной реконструкции Сирии – проект, который потребует у международного сообщества сотен миллиардов долларов, и где у Китая будет мало конкурентов. Потому Китай, как небезосновательно замечают некоторые эксперты, «оставляя России (и Ирану) честь военного и политического спасения режима Асада», пока ограничивается ролью лоббиста интересов Дамаска на международной арене, рассматривая этот ход в качестве перспективной инвестиции, которая со временем принесет свои экономические дивиденды.⁷

Япония представила свою геополитическую заявку чуть позже и намного менее масштабно, но от того не менее громко, когда в конце 2019 года стало известно, что кабинет министров принял решение направить военные корабли на Ближний Восток для защиты японских торговых судов и обеспечения безопасной транспортировки нефти.

Это решение было принято в свете обострения конфликтной ситуации, связанной с действиями Ирана против объектов КСА и арабских государств Персидского залива, и обусловлено ростом напряженности в регионе вследствие прямых военных столкновений Ирана и США. При этом в Токио, изучив ситуацию, заявили, что Япония, которая поддерживает дружественные связи как с Соединенными Штатами, так и с Ираном, не намерена присоединяться к созданной США коалиции по обеспечению

безопасности судоходства на Ближнем Востоке. Придя к выводу, что, как заметил генеральный секретарь правительства Японии Есихиде Суга, «самостоятельные действия будут более эффективными». Именно эти мотивы «разведывательной миссии» японских патрульных самолетов и эсминца в районе Оманского залива попытался разъяснить лидерам проамериканского арабского блока премьер-министр Японии Синдзо Абэ в ходе своего состоявшегося в середине января 2020 года пятидневного визита в Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты и Оман.

Отметим, что данный визит проходил на фоне некоторого снижения напряженности, возникшей после обстрела иранцами военных баз США на территории Ирака в ответ на ликвидацию командующего спецподразделением «Аль-Кудс» КСИР ИРИ генерала Касема Сулеймани (и именно из-за угрозы перерастания этого противостояния в полномасштабный региональный конфликт, визит Абэ, первоначально запланированный на 11 января, был отложен на несколько дней – авт.). Параллельно в ходе своего визита в регион японский премьер посчитал нужным процитировать президента Ирана Хасана Роухани, который, посетив Токио в декабре 2019 года, «положительно оценил усилия Японии по военно-морскому мониторингу района».

Все это вполне укладывается в сформулированную Синдзо Абэ заявку на роль Токио в качестве посредника между сторонами, противостоящими в регионе Ближнего Востока. Равно как обуславливает и многолетнюю традиционную внешнеполитическую линию японского руководства, основанную на доктрине, что присутствие Японии на Ближнем Востоке и в иных регионах мотивировано не определенной идеологией или стремлением к геополитическому доминированию, а сугубо прагматическими интересами.

Смысл этого подхода объяснил еще летом 2019 года глава МИД Японии Таро Коно, по словам которого, Токио

более других субъектов подходит на роль «честного посредника», как страна, не имеющая колониальной истории или негативного влияния в регионе» и не заинтересованная ни в чем другом, кроме обеспечения стабильности в регионе, из которого она получает порядка 40% необходимых ей энергоресурсов. Но, как и в случае Китая, экономикой интересы Японии в регионе явно не ограничились.

Нетрудно заметить, что нынешний взгляд на вещи японских политиков радикально отличается от примерно так же официально декларируемого курса Японии времен Холодной войны. Тогда ее ближневосточная политика, как отмечает известный израильский политолог-международник Джонатан Райнхолд (Jonathan Rynhold), и в самом деле в основном носила сугубо «реактивный характер». Ситуация, по его мнению, стала меняться в последующие десятилетия, когда фокусом нового подхода Токио стала попытка внести свой вклад в систему «мягкого регулирования» региональных противоречий, с учетом широкого стратегического контекста и в координации с США. Прямым следствием этого нового понимания стала необходимость перейти от «узко-прагматического» подхода защиты собственных экономических интересов к более активной позиции в отношении ключевых проблем региональной безопасности.⁸

Акселератором политической составляющей всех этих тенденций в политике Японии и Китая во многом стал объявленный разрыв предыдущего президента США Дональда Трампа с внешнеполитическим наследием Барака Обамы, включая и радикальный пересмотр курса прежней демократической администрации в сфере урегулирования конфликта Израиля с палестинскими арабами и арабским миром в целом. И на фоне тогдашних спекуляций об альтернативных проектах лидеров стран, возможно, готовых попробовать опередить американцев, попытка Пекина и Токио войти в эту нишу не была таким уж большим сюрпризом. Имевшиеся в этой связи предполо-

жения получили частичное подтверждение в последний день июля 2017 года, когда тогдашний посол Китая в ООН Лю Цзеи заявил о наличии у президента его страны Си Цзиньпина оригинального плана по разрешению палестино-израильского конфликта. По словам Лю Цзеи, китайский проект возобновления переговоров между Иерусалимом и Рамаллой был разработан по итогам дискуссий на эту тему, которые имели место между лидерами КНР и премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху, который посетил Китай в марте 2017 года с визитом в честь 25-летия установления дипломатических отношений двух стран. А также с главой ПНА Махмудом Аббасом, во время его визита в Пекин в июле того же года.

Четыре пункта этого плана включали «приемлемое для всех решение конфликта» на основе все того же сакраментального принципа «два государства для двух народов» (с объявлением Восточного Иерусалима столицей Палестинского государства в «границах 1967 года») и обеспечение «стабильной, взаимной и всеобщей безопасности между сторонами». Чего, по мнению авторов плана, можно достичь путем «прекращения любых насильственных действий» (с какой стороны, не уточняется, но, вероятно, прежде всего с арабской – авт.) и полного замораживания строительства в поселениях Иудеи и Самарии. Инструментом продвижения к этой цели, по замыслу Пекина, должна была стать «координация международных усилий, которые позволят сторонам сделать шаги, способствующие продвижению к миру». А платформой – «посредническая система для диалога между Израилем и ПНА при активном участии китайской стороны», проведение в Китае мирной конференции и семинара в ООН для израильских и палестинских «активистов мира».

Как можно заметить, оригинальности в китайском плане, который во многом был повторением идей, высказанных в Пекине еще в 2013 году, было не слишком много. Речь шла об общих, причем достаточно расплывчато

сформулированных декларациях и инструментах эпохи кризиса ранее «мирного», а теперь именуемого «политическим» «ословского» процесса. О которые разбились как прежние американские схемы (планы Клинтона, Теннета, Митчелла, «Дорожная карта» и «проект Аннаполиса» Дж. Буша-младшего и «доктрина Обамы»), так и альтернативные варианты урегулирования, включая первые версии «арабского» или Саудовского плана и Парижскую инициативу (на которую, кстати, очень похож проект, выдвинутый Китаем). Причем по единственной причине: максимальная глубина израильских уступок ни в одном случае не достигала и не имеет шансов достигнуть минимальных требований руководства ПНА/ООП, по большому счету, заинтересованного не столько в создании собственного Палестинского государства, сколько в бесконечной борьбе за него и освоении сопутствующих финансовых и дипломатических дивидендов.

Несложно предположить, что этот факт вряд ли являлся секретом для китайской стороны. Тем более, что и прежний опыт имеется. «Китай, – отмечает обозреватель израильского экономического издания «Globes» Йоав Карни, – даже назначил специального представителя по ближневосточным делам, которого мало кто заметил, а большинство взвешенных заявлений китайского МИДа по поводу обстановки в дальнем [для них] регионе вызывало лишь пожимание плечами».⁹ Так что участие в 2017 году тогдашнего вице-спикера Кнессета Хилика Бара в организованной в Пекине трехсторонней встрече израильских, китайских и палестино-арабских представителей вряд ли было чем-то большим, чем данью дипломатической вежливости и протоколу.

Примерно такую же реакцию вызвало и предложение Биньямину Нетаньяху и Махмуду Аббасу, высказанное на полях сентябрьской 2017 года Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке тогдашним министром иностранных дел Японии Таро Коно встретиться с участием представителя Соединенных Штатов на четырехстороннем сам-

мите в Токио,¹⁰ чтобы обсудить там схемы урегулирования, весьма близкие к предложениям Китая. «Намерение работать над ближневосточным мирным процессом, вступая в конструктивный диалог как с Израилем, так и Палестиной», было, среди прочего, названо «приоритетной целью» ближневосточного турне Синдзо Абэ, который посетил в мае 2019 г. Израиль, Объединенные Арабские Эмираты, Иорданию и ПНА. И эта же тема поднималась в ходе упомянутого визита тогдашнего японского премьер-министра на Ближний Восток в январе 2020 года. Так в чем же причина выдвижения сегодня Пекином, Токио и другими дальневосточными центрами силы, ранее проявлявшими минимальный практический интерес к теме палестино-израильского мирного урегулирования, этих заведомо бесперспективных проектов?

Что касается Китая, то ответ содержится в четвертом пункте плана, представленного в ООН от имени председателя КНР, который предусматривает инициирование проектов экономического развития региона, что прямо связано с вышеуказанными геополитическими интересами Пекина на Ближнем Востоке, обслуживаемыми финансовыми, торгово-экономическими, инфраструктурными и иными активами Поднебесной. И примерно сходные мотивы можно заметить за политическими демаршами в регионе и Токио. Однако если в прошлом все эти интересы дальневосточных государств преимущественно исчерпывались сотрудничеством с арабскими странами и Ираном, в последние годы Пекин – как и иные супердержавы Дальнего Востока – проявляет растущий интерес к партнерству с Израилем.

Сложный путь навстречу

Как известно, отношения Израиля с КНР и странами Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока развивались не просто. Несмотря на недовольство США, по настоянию

тогдашнего премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, предвидевшего, как и в случае с Индией, рост значения этого азиатского центра уже в недалеком будущем, Иерусалим признал коммунистический Китай еще в 1950 году. В свою очередь, китайское руководство в 1954 году заявило о необходимости немедленного установления с Израилем дипломатических отношений, но уже вскоре после этого председатель КНР и глава КПК Мао Цзэдун резко изменил эту линию, переориентировавшись на поддержку противников еврейского государства.

Эволюция этого подхода, как полагают наблюдатели, прошла путь от чисто утилитарного мотива – опасения Мао не повредить отношениям Китая с арабскими странами и блоком «Движения неприсоединения», сооснователем которого был египетский президент Г. А. Насер, – до уже сугубо «нормативных» установок противостояния с Иерусалимом как частью «враждебной коммунистическому Китаю западной цивилизации». Этот факт не отменял секретного партнерства Израиля и Китая, прежде всего в сфере поставок военных технологий. Официальный же аспект долгое время тормозился идеологическим противостоянием двух стран в эпоху Холодной войны, поддержкой, которую Пекин оказывал ООП и иным арабским противникам еврейского государства, и антиизраильской риторикой Китая на различных международных форумах.

Распад СССР и просоветского блока и выдвигание США как единственной мировой сверхдержавы привело, как и чуть позднее в случае с Индией, к прорыву на официальном дипломатическом треке: 22 января 1992 года были установлены полные дипломатические отношения между двумя странами. А несколько ранее, в самом начале 1990-х годов, было впервые объявлено о существовании различных схем сотрудничества между Иерусалимом и Пекином и в предшествующий период.

Старт формализации этих отношений положил официальный визит в Китай в октябре 1993 года премьер-министра Израиля И. Рабина, а импульс их развитию

в самых разных сферах придали имевшие место с тех пор десятки взаимных визитов лидеров Китая и Израиля. Включая глав государств, правительств, парламентов и ключевых министерств, а также представительные делегации деловых, оборонных, академических и информационных сообществ обеих стран. Так, в ходе визитов в Китай премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в 2013 году и президента Израиля Ш. Переса в апреле 2014 года была подписана новая серия договоров о сотрудничестве, обозначивших продвижение к созданию зоны свободной торговли между двумя странами. Упомянутый новый визит Нетаньяху в Китай в марте 2017 года перевел это предварительное понимание в область практических действий.

Для Китая Израиль важен прежде всего как партнер в военно-технической области и сфере передовых технологий. Как было сказано, сотрудничество в этой сфере началось еще четыре десятилетия назад, при отсутствии формальных дипотношений между Иерусалимом и Пекином. Его фактором стал отход пришедшего в 1978 г. к власти Дэн Сяопина от прежнего маоистского курса в экономике и дипломатии, включая потепление отношений с США, что, в свою очередь, означало возможность постепенного снятия «табу» на партнерство с американскими союзниками. А также вторжение советских войск в Афганистан, что, по мнению аналитиков, было воспринято в Пекине в качестве потенциального и серьезного вызова. В частности, как полагают эксперты,¹¹ новая тогдашняя непредсказуемость поведения советского руководства заставила китайских руководителей критически взглянуть на состояние Народно-освободительной армии Китая (НОАК), придя к выводу: вооружения и военные технологии нуждаются в срочной модернизации.

Вопрос об источнике соответствующих поставок и опыте их адаптации к местным условиям и нуждам в условиях, когда готовность США и стран Европы к такому партнерству еще была под вопросом, решился довольно быстро. Рядом находился устраивающий китайцев

пример Сингапура. Это государство, окруженное враждебными мусульманскими странами, не нашедшее (и в общем, не искавшее) взаимопонимания с коммунистическими державами, одновременно не имело возможности получить необходимые гарантии безопасности со стороны правительств стран Запада. И потому охотно воспользовалось возможностями, которые был готов предоставить Израиль. Генералы ЦАХАЛа прибыли в Сингапур уже вскоре после получения им независимости в 1965 г. и практически с «нуля» и во многом дискретно построили ему эффективные вооруженные силы, и сегодня пользующиеся репутацией армии, чье вооружение, снабжение и подготовка являются одними из наилучших во всем регионе. Израиль также не остался в накладе, получив, как отметил ведущий политический комментатор газеты «Jerusalem Post» Амос Аза-эль, «стратегическую опорную точку на Дальнем Востоке и близкого союзника в лице государства, которое постепенно стало одной из самых богатых и стабильных стран в мире».¹²

Собственно, поступившие из Пекина намеки, что и там не против так же без лишнего шума опробовать сингапурский вариант, пришли в Израиль в самый подходящий момент. Иран, единственный стратегический партнер Израиля в Азии, масштабный покупатель продукции израильского ВПК, пищевой промышленности и строительных услуг и поставщик основных объемов нефти как для внутреннего потребления, так и транспортировки в Европу через трубопровод Эйлат-Ашкелон, был потерян после Исламской революции 1978 года. И Китай, постепенно отходящий от маоистских антизападных клише, мог стать прекрасной заменой.

Реализация китайцами первого этапа сингапурской схемы началась с секретных закупок израильских вооружений (административное обслуживание процесса тогда осуществлялось через консульство Израиля в британском Гонконге). Уже в 80-е годы прошлого века предприятия израильского ВПК были активно вовлечены в процесс

модернизации и замены военной техники советского производства, находящейся на вооружении китайской армии. Тогда же Израиль передал Китаю «ноу-хау» свернутого в самом Израиле по бюджетным и дипломатическим соображениям проекта создания многоцелевого истребителя «Лави» (Chengdu J-10, в китайском варианте), по многим параметрам равный или превосходящий тогдашние американские и советские аналоги. Этот проект, по ряду мнений, во многом заложил основы современной военной авиапромышленности КНР (в рамках этой схемы Китай обязался не продавать новый истребитель врагам Израиля, предоставить Израилю возможность использовать внедренные китайской стороной разработки израильских ученых и рассматривать Израиль в качестве полноправного партнера при продаже истребителя третьим странам – авт.).

Израильско-китайское сотрудничество в оборонной сфере быстро развивалось в следующем десятилетии, но в начале нового века оборонное партнерство двух стран было практически заморожено под давлением США. Так, серьезный конфликт между Израилем и США возник в связи с соглашением об оборудовании израильскими системами дальнего радиолокационного обнаружения Phalcon поставляемых Китаю трех самолетов российского производства; сумма сделки оценивалась в \$1 млрд. Однако в результате жесткого давления США, увидевших в этом проекте угрозу своим интересам в сфере безопасности, в июле 2000 года Израиль был вынужден отказаться от сделки и в 2002 году выплатить Китаю \$300 млн (по другим источникам – 350 млн) компенсации за сорванный проект.

Следующий неприятный эпизод такого рода имел место два года спустя, когда в 2004 году администрация Джорджа Буша-младшего потребовала от Израиля отказаться от модернизации ракетной системы «Гарпия» (Harpy missile system), проданной Китаю израильским Аэрокосмическим концерном (Israel Aerospace Industries – IAI) в 1994 году за \$55 млн. Американские чиновники

вновь мотивировали необходимость этого шага соображениями безопасности и тем фактом, что израильская разработка содержит элементы американских технологий. Израильцы тогда отвергли данные аргументы, настояв на выполнении своих обязательств по контракту с Пекином. Ценой этих разногласий стало исключение Израиля из программы Joint Strike Fighter (JSF), итогом которой стало появление многоцелевого истребителя F-35 stealth, а также отставка курировавшего проект с израильской стороны генерала Амоса Яарона, генерального директора Министерства обороны. Так или иначе, Израиль вернулся в эту программу несколько месяцев спустя в обмен на согласие израильского Минобороны создать в своей структуре отдел контроля оборонного экспорта, а генерал А. Яарон, уже на спаде внимания к этой теме, уволился с поста гендиректора ведомства в августе 2005 года.¹³

В итоге поставки Израилем военной техники и технологий в КНР сократились до весьма скромных \$10–30 млн в год. Кризис в отношениях был преодолен лишь десятилетие спустя, и Израиль после посещения Пекина начальником Генерального штаба ЦАХАЛа в 2011 году и ответного визита начальника Генштаба НОАК в 2012 году в Израиль, несмотря на (уже не столь настойчивые) возражения Вашингтона, вновь стал основным поставщиком сложных военных технологий для Китая.¹⁴ По данным СМИ, израильский военный экспорт в КНР уступает только российскому экспорту и имеет тенденцию к стремительному росту. Как отмечается в отчете комиссии Конгресса США по американско-китайским отношениям, среди израильских поставок находятся электронные системы управления огнем для ВМС КНР, оптика и средства связи, крылатые ракеты и ракеты класса «воздух-воздух», беспилотные самолеты, авиационные тренажеры и другое высокотехнологичное оружие. И все же военная сфера, которая первоначально в основном интересовала Пекин в отношениях с Израилем, сегодня явно уступает сотрудничеству в гражданских областях.

Японский трек

На этом этапе успешным примером для Китая на израильском направлении внешней политики служит уже не «сингапурская», а «токийская» (назовем их так) модель. Иерусалим и Токио обменялись послами в 1952 г., менее чем через месяц после официального завершения оккупации Японии американскими войсками. В отличие от Индии и Китая, вопрос об участии Японии – сателлита США в «Движении неприсоединения» не стоял, и соответственно, Токио не чувствовало необходимости априори принять господствующий в этом движении благодаря давлению мусульманских и арабских стран «антисионистский» нарратив. Тем не менее экономические мотивы, прежде всего зависимость ее высокоиндустриализированного народного хозяйства от ближневосточной нефти, заставляли Токио так или иначе подчиняться требованиям арабского бойкота (как проступили например, ведущие автопроизводители этой страны) и минимизировать экономические связи с Израилем.

Но именно Япония, третья по размеру экономика мира, стала той силой, которая открыла для израильской экономики «азиатскую эру» в конце прошлого века. В начале 1990-х гг., пишет упомянутый комментатор «Джерусалем пост», ее «осторожные инвесторы пришли к выводу, что боязнь бойкотов со стороны Лиги арабских государств тех, кто сотрудничает с Израилем, стала анахронизмом». Поворотным пунктом стала первая «война в Заливе», однозначно показавшая, что главные противоречия, актуальные для арабского мира, практически никак не связаны с Израилем и евреями, а также Мадридская конференция 1991 года, породившая надежду на то, что арабо-израильский конфликт уходит в прошлое. В итоге в Израиль из Японии хлынул поток делегаций инвестиционных фондов и представителей деловых кругов, всеми

своими словами и действиями показывая, что они полагают эту страну абсолютно дипломатически безопасной и финансово перспективной для своих партнеров и клиентов.

С тех пор степень экономического и дипломатического партнерства Израиля и Японии развивается по экспоненте, что видно хотя бы по уровню и частоте государственных визитов их лидеров. Так, израильский премьер Биньямин Нетаньяху посетил Японию в 2014 году, первый визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Израиль состоялся в январе 2015 года, затем в мае 2018 г., причем в обоих случаях глава японского правительства прибыл в сопровождении делегации из глав крупнейших японских компаний и корпораций.

В целом с 2000 года японские инвестиции в израильские компании составили свыше \$7,2 млрд. В пятерку крупнейших инвесторов в период 2001–2019 гг. входил японский многонациональный конгломерат SoftBank Group, фирма финансовых услуг SBI и ее подразделения, Mitsui Group и ее подразделения, Hitachi и телекоммуникационная компания Nippon Telegraph and Telephone (NTT). По данным инвестиционной и консалтинговой фирмы Harel-Hertz, если до 2015 года инвестиции в израильскую производственную и финансовую системы осуществлялись небольшой группой японских фирм, в последние годы произошло существенное расширение этого сообщества, активно вкладывающего в израильское машиностроение, банки, страховые компании, технологические стартапы и малые и средние венчурные фонды.

Рекордным для инвестиции японских компаний в израильские предприятия стал 2017 год (свыше \$2 млрд). В следующем, 2018 году между израильскими и японскими компаниями было заключено 28 соглашений на сумму в \$710 млн, а в 2019 году – \$815 млн, инвестированных в рамках 53 соглашений 34 японскими компаниями, из которых 24 впервые пришли в Израиль. Причем большинство из них были стратегическими инвесторами, направившими большую часть своих инвестиций в сектор

информационных технологий, кибербезопасности, научных исследования, а также автотранспортные и финансовые технологии.¹⁵ Крупнейшими сделками, подписанными в прошлом году, были покупка японской компанией Mitsubishi Tanabe Pharma израильской фармацевтической фирмы NeuroDerm за \$1,1 млрд и приобретение 22% акций в геотермальной энергетической компании Ormat японской компанией ORIX за \$627 млн.

Хотя, как справедливо отмечает японский исследователь Шаун Хо (Shaun Ho), двум странам пока не удалось довести сотрудничество до того уровня, который существует у Израиля с его западными союзниками и даже Китаем, однако существует огромный потенциал для развития тесных связей, поскольку уже сегодня выгоды и Японии, и Израиля от сотрудничества в сферах экономики, технологий и дипломатии очевидны. По мнению аналитика, «несмотря на радикальные культурные различия, сотрудничество двух стран развивается по схеме "взаимного дополнения", когда каждая из стран компенсирует структурные слабости своего партнера. То есть нехватку инновационных технологий в Японии и узость израильского рынка, который может быть расширен за счет возможностей страны, чей ВВП в 14 раз превосходит израильский». Среди прочего израильские предприниматели, по словам эксперта, смогут получить немалые выгоды от инвестиций на японском рынке и сотрудничества со своими японскими коллегами и их партнерами за пределами этой страны.¹⁶

Вторая причина, как не скрывал тогдашний премьер-министр Синдзо Абе, – стремление Японии развить свой политический и военный потенциал в свете геополитических и геостратегических вызовов со стороны растущего влияния в регионе Китая, в силу чего Токио озабочено не только укреплением связей с традиционными партнерами, но и поисками новых союзников в азиатско-тихоокеанском регионе и мире в целом. Являясь одной из наиболее влиятельных стран на Ближнем Востоке, Израиль, по мнению японских лидеров, может стать бес-

ценным партнером и обеспечить важные стратегические интересы для Токио в регионе, особенно в условиях улучшения отношений Израиля с арабскими странами и снижения зависимости Японии от ближневосточной нефти. Что, в свою очередь, более не требует от Токио опасаться сопротивления со стороны его других партнеров.¹⁷ Данные соображения и стали фоном растущего сотрудничества двух стран в сфере безопасности, параметры чего были зафиксированы в договоре, который был подписан во время визита премьера Израиля Биньямина Нетаньяху в Японию в сентябре 2019 года.¹⁸

Не будем забывать и еще об одном аспекте: несмотря на прошлую поддержку правительством Японии бойкота, объявленного ЛАГ еврейскому государству, продвигаемое отдельными левозэкстремистскими и исламистскими кругами, в том числе, и в странах Запада движение BDS, нацеленное (в целом безуспешно) на делегитимизацию, экономический бойкот и дипломатическую изоляцию Израиля, практически не нашло в Японии никакой базы¹⁹ не только потому, что в политике этой страны доминирует чистый прагматизм. Но и потому, что в стране почти полностью отсутствовали и отсутствуют антиизраильские и антисемитские настроения, что не раз подтверждалось историей отношений двух народов и статусом нынешней крошечной еврейской общины этой страны.

Иными словами, нынешняя социально-культурная атмосфера, равно как и международная политическая ситуация свидетельствуют об отсутствии серьезных препятствий для экономической, технологической и политической кооперации двух стран.

Новая эпоха отношений

Похоже, что новые азиатские центры экономического могущества и политической силы (и в первую очередь Китай) оказались восприимчивы именно к этой модели. Стрем-

ление к сохранению Китаем высоких темпов экономического роста и поддержания достойного уровня жизни 1,4-миллиардного населения вызывает необходимость реструктуризации экономики, борьбы с опустыниванием, внедрения новых технологий нефтепереработки, опреснения воды, повышения продуктивности сельского хозяйства и развития высоких технологий – то есть достижения прогресса в тех областях, где еврейское государство является глобальным игроком.

В свою очередь, КНР интересна Израилю как огромный рынок товаров, как источник стратегического сырья, а в последние годы также и масштабных инвестиций в производственную инфраструктуру еврейского государства. Взаимный торговый оборот вырос с \$30 млн в 1990 и с \$51,5 млн в 1992 году до \$6 млрд в 2009, по \$11 млрд в 2015–2016 годах и \$13,1 млрд в 2017 году (рост на 15,6% по сравнению с 2016 годом). В целом за 25 лет, прошедших с момента установления дипломатических отношений в 1992 году, взаимный товарооборот вырос в 200 раз.²⁰ В 2018 году объем двусторонней торговли между странами продолжал расти, составив \$15,3 млрд, а к 2020 году вырос по сравнению с предыдущим еще на 19%, составив \$17,5 млрд. Уже в 2017 году Китай стал третьим по размеру взаимной торговли партнером Израиля с товарооборотом \$13,12 млрд. Что касается импорта из Китая, то менее десятилетия после того, как его объем с трудом достигал 0,6% объема товаров, ввозимых Израилем, китайские продажи ему превысили объемы поставок любой другой страны мира, составляя 13,5% израильского импорта – \$7,9 млрд в 2016 (по сравнению с долей США в 12,3% и объемом в \$7,2 млрд).

Общий объем китайских инвестиций в Израиле вырос с \$50 млн в 1992 г. до \$11 млрд в 2013 году, а из \$8 млрд иностранных инвестиций в экономику Израиля в одном 2014 году половину составили китайские вложения. Их основными объектами были венчурные фонды и израильские фирмы в сферах робототехники, биотехнологий,

медеборудования, телекоммуникаций, использования солнечной энергии, ирригации и вторичного использования водных ресурсов и других областях высоких технологий. Хотя в 2015 г. в инвестициях наметился некоторый спад, но уже в 2016 году, согласно данным агентства Thomson Reuters, китайские корпорации вложили в израильскую экономику \$16,5 млрд, в основном в венчурные компании в сфере информационной и компьютерной (кибер-) безопасности и медицинских технологий. Эти программы имеют очевидную тенденцию к развитию: так, только за три дня последнего по времени визита Биньямина Нетаньяху в Китай сопровождавшие его представители израильских компаний подписали 25 договоров на общую сумму в \$2 млрд.

Одним из заметных результатов этих переговоров стало и подписание сделки в размере \$300 млн с тремя израильскими компаниями высоких технологий из восьми имеющихся в мире, действующих в сфере лабораторного производства искусственного мяса – SuperMeat, Future Meat Technologies, and Meat the Future. Что, как надеется китайская сторона, станет одним из решений проблемы сокращения вредных выбросов и загрязнения среды, путем двукратного сокращения потребления натурального мяса.²¹ Этим сделкам предшествовали приобретение (по оценочной цене в \$1.4 млрд долл.) шанхайским Bright Food в 2015 г. контрольного пакета крупнейшей компании израильской пищевой индустрии «Тева» и покупка на сумму \$27 млн китайской инвестиционной группой Fosun акций косметического израильского гиганта Ahava.

Что же касается высоких технологий, то доля китайских вложений составила, согласно данным, которые представил премьер Израиля в ходе посещения Китая в 2017 году, треть от всех иностранных вложений в этой сфере. Все это заставило обозревателей прийти к выводу, что приток китайских капиталов в израильские высокотехнологичные компании может позволить Китаю потеснить США на позиции иностранного инвестора номер

один в еврейском государстве.²² Соответственно, Четвертый китайско-израильский инвестиционный форум (г. Чжухай, Гуандун, 2–3 июля 2018 года) собрал представителей более чем 2 тыс. компаний двух стран.²³

В целом же за полтора десятилетия китайские инвестиции в Израильскую экономику выросли вдвое – с \$6 млрд в среднем в 2005–13 годах до \$10 млрд в 2013–19.²⁴ Но и это, похоже, не единственный и, возможно, не главный путь партнерства двух стран. Получив в свое время унижительное напоминание о том, что при всем уважении к его усилиям по установлению стратегического сотрудничества с азиатскими странами, Израиль должен это делать без ущерба для его отношений со своим главным союзником США, Иерусалим стремился к поиску более гибкой формулы стратегических отношений с Китаем. Казалось, такая схема качественно нового этапа их развития была найдена десятилетие спустя. Она была определена с учетом уникальных интересов каждой из сторон и сформулирована как «знания и разработки в обмен на инфраструктурные проекты».

Индикаторами этой новой схемы стало, во-первых, несмотря на некоторое недовольство США, участие Израиля как соучредителя в основанном Китаем Азиатском Банке инвестиций в инфраструктуру (Asia Infrastructure Investment Bank), местной версии Всемирного банка реконструкции и развития. Во-вторых, подписание в сентябре 2014 года соглашения между Израилем и китайской компанией MEC-Pan Mediterranean Engineering, выигравшей конкурс на строительство нового порта в Ашдоде со сметной стоимостью в \$3,3 млрд. Израиль тем самым частично решает проблему дефицита портовых мощностей и удешевления импорта. Китайская сторона видит его частью упомянутого проекта «Новый шелковый путь», как и свое возможное участие в сооружении железнодорожной магистрали из Ашдода в Эйлат на Красном море, что в этом случае станет крупнейшим инфраструктурным проектом в истории страны. Кроме того, государственные

китайские индустриальные и строительные гиганты включились при посредничестве и партнерстве израильских компаний в такие масштабные инфраструктурные проекты, как строительство туннелей Кармель под Хайфой и железной дороги Акко-Кармиэль, а также строительство метро в Тель-Авиве.

Наконец, Израиль мыслится в качестве силы, способной помочь Китаю в реализации своей следующей цели национального развития: перевести часть своих трудовых ресурсов из сферы массового производства в индустрию инноваций и тем самым заложить основы для перехода экономики к постиндустриальной модели. Именно в рамках этой доктрины следует воспринимать грант в \$130 млн, выделенный в 2013 году Li Ka Shing Foundation одному из ведущих технических университетов мира – израильскому Техниону в Хайфе, с целью создания своего филиала в китайской провинции Гуандун. В следующем, 2014 году, на эту стезю вступил и Тель-Авивский университет, который объявил о создании совместно с Tsinghua University в Пекине CIN Research center для исследования соляных, гидрологических, биотехнологических и иных природоориентированных технологий.

В 2016 г. два израильских университета – Хайфский и им. Бен-Гуриона в Негеве подписали соглашения о создании с китайскими партнерами совместных научных подразделений, финансируемых китайской стороной. В первом случае речь шла о программе исследований в сфере экологии, баз данных, биомедицинских технологий и нейробиологии на базе East China Normal University в Шанхае, во втором – о развертывании в Jilin University центра предпринимательства и инноваций.²⁵ А в 2017 году Израильский совет по высшему образованию представил проект по вовлечению и других израильских ВУЗов в подобные схемы многопрофильного научного сотрудничества с китайскими партнерами.²⁶ Таким образом, Израиль и Китай формируют беспрецедентный в истории еврейского государства тип стратегического партнерства,

при котором сверхдержава использует израильский интеллектуальный и технологический потенциал для собственного промышленного развития.

Мнения по поводу этих тенденций в израильском истеблишменте все же остаются неоднозначными: часть полагает, что отношения с Китаем де-факто являются «идеальным партнерством, почти исключаящим конкуренцию экономик: израильская сконцентрирована на развитии передовых технологий, а китайская – на промышленном производстве и масштабных проектах в области инфраструктуры, что и создает состояние win-win game». Именно эта версия развития событий доминировала в обсуждениях на экономическом форуме, собравшем порядка шестисот израильских и китайских бизнесменов, организованном во время визита Биньямина Нетаньяху в Китай в марте 2017 года, а также во время контактов членов израильской делегации с руководителями крупнейших корпораций КНР.

Критики данного подхода, включая депутатов Кнессета от различных партий и нескольких бывших руководителей служб, предлагают еще раз взвесить целесообразность передачи под китайский контроль экономических объектов стратегического значения (такие, как трансизраильские железнодорожные пути, порты, страховые фонды и т.п.)²⁷. И если подобные аргументы в устах Объединения строительных подрядчиков, которые выступили против вхождения китайцев на рынок инфраструктурных проектов, могут выглядеть простым стремлением избавиться от сильных конкурентов, то противодействие Минфина приобретению китайскими агентами страховых компаний «Феникс» и «Клаль» выглядело уже иначе.

Так, многие израильтяне выразили готовность понять аргументы главного контролера Минфина по делам страхового рынка Дорит Салингер (Dorit Salinger), которая раз за разом блокировала эти сделки по соображениям опасности передачи под зарубежный контроль сотен миллиардов шекелей из числа пенсионных накоплений

граждан страны.²⁸ Дополнительными, уже политическими аргументами в пользу такого подхода является неоднократно отмечаемая израильскими политиками и публицистами ситуация заметного разрыва между минимальной готовностью Пекина поддержать Иерусалим на международной арене и его огромным интересом к израильским технологиям.

Впрочем, если бы речь шла лишь о стремлении Израиля гарантировать свою торгово-экономическую безопасность, рынок труда и защиту интеллектуальной собственности, стороны, возможно, нашли бы устраивающие их варианты учета взаимных опасений. Однако имеется и другой аспект, связанный с параллельным началом нового витка давления на Израиль со стороны администрации США, где в условиях инициированной Д. Трампом (и де факто продолжаемой новой администрацией президента США Джо Байдена) «торговой войны» с Пекином не скрывали раздражения растущим порядком китайско-израильских деловых связей.

В ответ на требования Соединенных Штатов усилить меры предосторожности в вопросах китайских инвестиций в израильские компании – прежде всего в сфере передовых и инновационных технологий израильский правительственный кабинет безопасности объявил 30 октября 2019 года о создании новой консультативной группы по иностранным инвестициям в страну. В состав группы, которую возглавил представитель Министерства финансов Израиля, вошли также члены Совета национальной безопасности и представители Министерства обороны, а также наблюдатели от Министерства иностранных дел, Министерства экономики и Национального экономического совета. Официальной задачей группы было объявлено «оказание помощи регулирующим органам в деле учета соображений национальной безопасности при выдаче разрешений на иностранные инвестиции в финансовом, коммуникационном, инфраструктурном, транспортном и энергетическом секторе».

Похоже, однако, что подобное сугубо административное решение американскую сторону устроило не вполне. По данным «Джерузалем пост», уже в мае 2020 года чиновники в Вашингтоне дали понять израильским коллегам, что «вежливое уклонение Израиля от выполнения американских требований в отношении стратегического сотрудничества с Китаем далее невозможно». Добавив, что если создание израильской версии Комитета по иностранным инвестициям в Соединенных Штатах (CFIUS) можно считать «хорошим началом», Вашингтон ждет от Израиля – как и от остальных своих союзников и партнеров – «конкретных шагов по снижению кооперации с Китаем в сферах, которые могут нанести ущерб безопасности США и мира в целом».

Особое беспокойство, по данным СМИ, у американцев вызывают возможности, которые благодаря инвестированию средств в технологические предприятия гражданского рынка могут открыть китайским спецслужбам доступ к израильским и израильско-американским разработкам в области авиаразведки, космической связи и кибербезопасности. А также контроль над такими инфраструктурными проектами, как Хайфский порт, используемый в качестве одной из стоянок Средиземноморского 6-го флота ВМС США, и находящаяся на подготовительной стадии строительства крупнейшая в мире система опреснения морской воды «Сорек-2» (одним из финалистов конкурса на строительство второго из этих двух проектов была Hutchison Water International, дочерняя компания гонконгской корпорации, которую из-за давления США премьер-министр Биньямин Нетаньяху распорядился исключить из тендера – авт.).

Комментируя американский подход в этом вопросе, посол США в Израиле Дэвид Фридман, завершающий на момент написания этих строк свою каденцию, посоветовал руководству страны пребывания предпринять усилия, чтобы не стать следующей жертвой «мягкой, но опасной силы Пекина, распространяющего свое влияние

в мире не с помощью ракет и танков. А предлагая "выгодные" инвестиционные и трудоемкие инфраструктурные проекты вместе с дешевой рабочей силой, инфильтрируется в страну, получая рычаг влияния на ее системы стратегического значения».²⁹

Подобных опасений, надо сказать, не лишены также и отдельные израильские аналитики, голос которых стал звучать еще громче после того, как Китай и Иран подписали в марте 2021 года стратегическое соглашение о сотрудничестве в сфере политики и экономики сроком на 25 лет. «Китайско-иранское сближение – это линия водораздела между значением Китая как важного экономического партнера Израиля и интересами его национальной безопасности, – полагает эксперт Института национальной стратегии (INSS) Асаф Орион (Asaf Orion). – Помощь, которую Иран получает от Китая для выхода из международной изоляции и перестройки своей экономики, радикально противоречит израильским интересам. А оборонное технологическое и разведывательное партнерство между ними создает очевидную военную угрозу Израилю, другим странам Ближнего Востока и Индо-Тихоокеанского региона». Данная тенденция, заключает Орион, требует корректировки политики Израиля в сторону более эффективного управления рисками и обновленного диалога со стратегическими партнерами страны, прежде всего США.³⁰

Так зачем Китаю и Японии нужны палестинские арабы?

Вероятно, именно в таком контексте следует понимать недавние демарши азиатских гигантов и на израильско-палестинском направлении. В то время как Иерусалим вынужден учитывать мнение своих стратегических партнеров – США и Индии, испытывающих опасения по поводу китайско-израильского военного сближения, международный вес Пекина, казалось бы, позволяет ему

развивать нормальное военное и гражданское сотрудничество с Израилем, не оглядываясь на третьи страны. Тем не менее, в отличие от Японии или, например, Индии – стран, чье руководство в свете нынешней геополитической реальности рассматривает проблему палестинских арабов вне контекста их стратегического партнерства с Израилем, КНР продолжает солидаризироваться с позициями арабских стран и России по палестинскому вопросу. И выражает желание более активного участия в палестино-израильском урегулировании, что немало осложняет политический диалог двух стран.

На первый взгляд, наиболее очевидный, помимо экономических интересов, ответ на этот вопрос связан с претензиями Китая, одного из постоянных членов СБ ООН, на роль одного из ведущих, а со временем – и ведущего глобального лидера, что происходило на фоне ослабления глобальной роли США в последние 10–12 лет. Помимо укрепления региональной гегемонии Пекина в зоне Индийского океана и Восточной Азии, данная заявка требует от Пекина полномасштабного политико-дипломатического присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, укрепления отношений не только с Израилем, но также и с местными главными игроками – ведущими арабскими державами, Турцией и Ираном. И, как было сказано, как следствие – желание играть символически важную в арабо-мусульманском мире роль покровителя палестинских арабов. Вероятно, этим и объясняются инициативы Китая и Японии, ранее никогда не проявлявших особого интереса к арабо-израильскому конфликту, предложить себя Иерусалиму и Рамалле в качестве посредников.

В свою очередь, в Иерусалиме долгое время исходили из того, что подобное стремление продиктовано интересами, находящимися вне контекста собственно двухсторонних отношений. Там были готовы понять, что для страны, имеющей ощутимые экономические активы в арабо-исламском мире, важно «отметиться» в символически актуальной для этого мира палестино-арабской

теме, намекнув при этом, что растущее экономическое партнерство Японии и Израиля не является отступлением от «баланса отношений» со всеми субъектами и интересами в регионе Ближнего Востока. И именно так рассматривали заявления, подобные словам, которые произнес глава МИД Японии Таро Коно, в свое время пообещавший использовать опыт своей работы «с палестинцами, израильтянами и иорданцами над созданием промышленного парка возле Иерихона», а также инициативы СЕАРАД по сотрудничеству стран Восточной Азии с палестинцами с целью «передать опыт в процессах мирного урегулирования».

Более того, в Израиле имелись – и все еще, вероятно, имеются сторонники надежд на Китай, Индию и Японию как силы, способные «угговорить» врагов Израиля принять ту или иную версию региональной мирной сделки, в то время как США попробуют убедить в ее реалистичности Израиль. Причем это касается не только урегулирования с арабскими странами Персидского залива, но и с Ираном, который зависит от Китая, Индии и Японии как покупателей его нефти и газа. Частью этого пакета в таком случае станет и решение проблемы палестинских арабов, чьи лидеры в этой ситуации потеряют статус ультимативного препятствия сближения прозападных арабских стран Ближнего Востока, принципиальную реалистичность чего показали заключенные в марте 2020 года «соглашения Авраама» – договоры о нормализации отношений ОАЭ и Бахрейна с еврейским государством. Понятно, что даже наиболее горячие сторонники идеи привлечения ключевых стран южной и восточной Азии к разрешению ближневосточных коллизий понимали, что сегодня это *distant reality*. Но все же исходили из того, что в условиях быстро меняющейся в регионе ситуации там возможно любое, даже ранее казавшееся невероятным развитие событий.

Так что линия поведения Израиля в теме «цены» стратегического присутствия своих новых азиатских со-

юзников и партнеров в Восточном Средиземноморье до самого последнего времени казалась вполне определенной. Предложения по палестино-израильскому урегулированию Китая, Японии или любой другой азиатской страны, которой нужен Израиль и сам по себе, и как мощный актер на ближневосточном поле, в Иерусалиме будут вежливо выслушивать, не скрывая сомнений в том, что этот проект может иметь хоть какой-то практический смысл. Но при этом не будут и препятствовать желанию таких стран, как Китай или Япония, заработать на этом какие-то дипломатические дивиденды, полагая, что Пекин, Токио или Сеул – буде и он решит стать частью подобной ближневосточной игры – в этой истории заинтересованы намного больше (видимо, таким пониманием руководствовался, например, израильский премьер в апреле 2018 года, выразив готовность участвовать в предложенном японцами палестино-израильском мирном саммите лишь при условии согласования его со спецпредставителем президента США Джаредом Кушнером – авт.).

Однако события последних недель и месяцев показали, что такая точка зрения, по крайней мере в отношении позиции Китая, возможно, подлежит определенной коррекции. Собственно, и ранее израильские аналитики предлагали не забывать, что Китай является стратегическим союзником Пакистана, среди прочего, выступающего (вместе с Ираном) в качестве «ворот» Китая в исламский мир. Поэтому если Нью-Дели исходит из понимания, что вне связи с ее политикой в отношении Израиля и палестинцев арабский и мусульманский мир в конфликте Индии с мусульманской страной Пакистан всегда будет на стороне последней, ситуация, в которой находится Пекин, в целом иная. Если Индия, которая имеет союз с Израилем и одновременно – тесные отношения с Ираном, надеется стать платформой для поиска взаимопонимания между этими странами и потому стремится вынести палестинскую тему за скобки отношений, Китай подобных

надежд не имеет и палестинскую тему намерен использовать в максимально продуктивном для его ближневосточных интересов виде.

Но даже для скептиков последний по времени на момент написания этой статьи демарш Китая на палестино-израильском треке, похоже, стал немалым сюрпризом. Триггером выступления Пекина стала состоявшаяся в середине мая 2021 года очередная антитеррористическая операция ЦАХАЛа «Маген хомот» («Страж стен») в секторе Газы, который с 2007 года контролирует группировка радикальных палестинских арабских исламистов ХАМАС, превративших эту территорию в плацдарм для террористических атак против Израиля, включая спорадические ракетно-минометные обстрелы городов юга, а теперь уже – и центра страны.

В качестве дежурного председателя Совбеза ООН Китай активно поддержал выдвинутый 16 мая 2021 года Францией, Иорданией и Египтом проект резолюции, требующий от Израиля немедленного «прекращения насилия», и резко раскритиковал «обструктивное поведение» США, заблокировавших этот проект как несбалансированный, то есть возлагающий «равную ответственность» за вооруженный кризис на Израиль и ХАМАС. А также обвинил Вашингтон в том, что он якобы «игнорирует тяжелое положение мусульман», выступая в качестве «дипломатического щита Израиля в ООН». ³¹ Более того, в Пекине позволили себе и заявление явно антисемитского толка, озвученное государственным англоязычным телеканалом CGTN полностью в духе известной фальшивки «Протоколы сионских мудрецов», что Израиль получает автоматическую поддержку США благодаря «влиянию на их политику богатых евреев». ³²

Сложно сомневаться, что Израиль и евреи здесь стали скорее поводом подобного демарша, причины которого следует искать в других моментах. Первый напрашивающийся мотив Китая – отвлечь внимание от преследо-

вания центральными властями мусульманского населения китайской провинции Синьцзян, постаравшись убедить международные политические круги и СМИ в том, что американцы, подвергая Пекин «лицемерной критике» за его насильственные действия в отношении мусульман-уйгуров, на деле якобы потворствуют своему союзнику Израилю в его «усилиях по нанесению ущерба мусульманам в Газе». ³³

Но и это лишь часть более общей картины, главным сюжетом которой является продолжающееся противостояние Китая с США за глобальное лидерство. В рамках чего в Пекине, используя все доступные мировые площадки, пытаются представить Китай в качестве ответственной и умеренной державы, которая постоянно стремится найти мирное дипломатическое решение тяжелого гуманитарного кризиса, в котором оказались мусульмане. Соответственно, представив при этом Вашингтон в качестве силы, якобы препятствующей таким взвешенным шагам. Этой же цели и служит желание Пекина продвинуть нарратив «Китая как друга палестинцев и мусульман в целом», используя продолжающийся кризис в Газе и вокруг нее. Равно как и вновь озвученная главой МИД Китая Ван И (Wang Yi, который, кстати, лично вел упомянутую специальную сессию СБ ООН 16 мая 2021 г.) готовность стать посредником в прямых израильско–палестинских переговорах в духе «четырех пунктов плана председателя КНР Си Цзинпина 2017 г.»³⁴. Причем у обозревателей было мало сомнений в том, что палестинцы как таковые интересуют Пекин меньше всего.³⁵

Итак, может показаться, что, по крайней мере, в ближневосточном контексте мир возвращается к ситуации времен Холодной войны, когда две великие державы – США и СССР, на роль которого постепенно выдвигается Китай, конкурировали за контроль в ключевых регионах мира. А Израиль, будучи стратегическим союзником США в регионе, с подачи Китая вновь, как и тогда, пусть и невольно, становится заложником этих глобальных амбиций.

И что же дальше?

Итак, если Япония ограничилась выражением «глубокой обеспокоенности гуманитарными проблемами, происходящими из столкновений между ЦАХАЛом и боевиками группировки ХАМАС»,³⁶ которые вряд ли существенно повлияют на характер ее двухсторонних отношений с Израилем, то в отношении Китая ситуация явно не столь однозначна. Среди израильских политиков и в аналитическом сообществе пока нет единого мнения, имеем ли мы в свете всего вышесказанного дело с ситуативным, точечным кризисом, который останется позади, как только «палестинская тема» вновь уйдет на дальнюю периферию региональной и мировой повестки дня, либо Иерусалиму придется радикально пересматривать стратегию своих отношений с Китаем.

В пользу второй версии говорят соображения о том, что глобальное и многопрофильное противостояние США и Китая является долгосрочным фактором мировой политики, что будет подталкивать Китай к укреплению связей с Россией, Ираном и иными мусульманскими, в том числе, арабскими странами антиамериканского блока. В силу чего Израиль – даже при сохранении интереса Китая к тому или иному уровню экономического партнерства с еврейским государством и желании последнего максимально оставаться «над схваткой» великих держав (что отчасти у него получается, например, на российско-американском векторе) – неизбежно окажется по иную сторону баррикад.

В самом деле, на протяжении прошедших 12 месяцев, вопреки прежней практике, никаких серьезных контактов между Иерусалимом и Пекином не было, в то время как высокопоставленные китайские политики и чиновники многократно посещали Ближний Восток и вели обширные переговоры со своими визави в арабских и му-

сульманских странах. Так, в ходе своего последнего по времени визита в регион в марте 2021 года министр иностранных дел Китая посетил Турцию, КСА, ОАЕ, Бахрейн и Иран, где и было подписано упомянутое выше ирано-китайское соглашение, правомерно воспринятое в Иерусалиме в качестве угрозы долгосрочным интересам своей безопасности. Но сам Израиль – стратегический партнер США – остался вне программы этой поездки, несмотря на то, что еще в недалеком прошлом официальный Пекин считал Израиль одной из пяти (наряду с Египтом, КСА, Ираном и Турцией) наиболее важных для себя стран Ближнего Востока.

Сторонники иной версии предлагают не торопиться с выводами, напоминая, что послы Индии и Китая прибыли в Тель-Авив лишь поколение тому назад, и прошло всего 40 лет с того момента, как единственным стратегическим партнером Израиля в Азии был Иран. С тех пор на пути Израиля в Азию, общие принципы которого в свое время декларировал Бен-Гурион, появилось много крепко связанных между собой и далеко идущих взаимных интересов, которые не так уж легко обратить вспять. И потому Израилю не следует отказываться от сохранения базы для продолжения масштабного экономического сотрудничества с Китаем, равно как и с другими странами Азии, что еще совсем недавно представлялось однозначным стратегическим выбором.

Что же касается политических аспектов, то и здесь, как, например, считает эксперт Иерусалимского института стратегии и безопасности Тувия Геринг (Tuvia Gering), Израиль вполне может обеспечить свои интересы, не будучи активным участником схватки США и Китая. И потому должен «работать с Китаем так, чтобы его инициативы не повредили процессу расширения "соглашений Авраама", параллельно акцентируя [не противоречия], точки соприкосновения между Вашингтоном и Пекином»³⁷.

Однако у сторонников как той, так и иной версий нет пока сомнений, что Израиль в любом случае должен дать

понять своим китайским партнерам, что игнорирование позиции и интересов одной из сторон, в данном случае Израиля, может быть крайне непродуктивным для усилий Китая обрести имидж «честного посредника». Что способно со временем серьезно обесценить сколь угодно многообещающие дипломатические активы Пекина в ближневосточном регионе, в чем немало участников местной «большой игры» уже имели шанс убедиться.

¹ См.: Mordechai Chaziza, Efraim Karsh. China in the Middle East: "Silk Road" to the Levant // *Middle East Quarterly*, Spring 2021, <https://www.meforum.org/62068/china-in-the-middle-east-silk-road-to-the-levant>

² Цит. по: Mordechai Chaziza. Religious and Cultural Obstacles to China's BRI in the Middle East // BESA Center Perspectives. Paper No. 1,604, 12.06.2020.

³ Barış Doster. The Developing Relations between Turkey and China since 2005 // *Sociology of Islam*, May 2016.

⁴ Chaziza M., Karsh E. China in the Middle East; **George Marshall Lerner**. China to the Rescue in Turkey? // *The Diplomat*, 03.07.2020.

⁵ Avca Alemdaroglu, Sultan Tepe. Erdogan Is Turning Turkey Into a Chinese Client State // *Foreign Policy*, 16.09.2020. – <https://foreignpolicy.com/2020/09/16/erdogan-is-turning-turkey-into-a-chinese-client-state/>

⁶ *Globes* (Tel-Aviv), 26.10.2020.

⁷ John Calabrese. China and Syria in War and Reconstruction // *Middle East Institute*, Washington, D.C., 09.07.2019. – <https://www.mei.edu/publications/china-and-syria-war-and-reconstruction>

⁸ Jonathan Rynhold. Japan's Cautious New Activism in the Middle East: a Qualitative Change or More of the Same? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2002. Vol. 2, no. 2, p. 245–263.

⁹ Йоав Карни. Китай добрался до нашего квартала // *Globes*, 09.04.2016 (на иврите). –

<https://www.globes.co.il/news/docview.aspx?did=1001115299>

¹⁰ Сообщение 10-го канала ИТВ, 26 декабря 2017 года.

¹¹ См., например: Amos Aza-el. Pivoting East: Israel's developing strategic relationships in Asia // *Jerusalem Post*, 07.04.2018.

¹² Amos Aza-el. Pivoting East: Israel's developing strategic relationships in Asia // *Jerusalem Post*, 07.04.2018.

¹³ *Ha'aretz*, 31.08.2005.

¹⁴ Orna Coren. Washington Obstructing Israeli High-tech Exports to China // *Ha'aretz*, 22.01.2014.

¹⁵ Shoshanna Solomon. Japanese investments in Israel surge in 2019 // *The Times of Israel*, 07.01.2020.

¹⁶ Shaun Ho. Israeli-Japanese Friendship: A Potential Yet to Be Realized // JCPA/Institute for Contemporary Affairs, No. 621, 25.12.2018.

¹⁷ Simon Denyer. Japan's Abe stakes out new identity in region: Stronger leadership and wider military reach // *The Washington Post*, 20.10.2018.

¹⁸ См.: Hana Levi Julian. Israel, Japan Sign Defense Agreement in Tokyo // *Jewish Press.com* 11 Elul 5779 – 10.09.2019.

¹⁹ Tova Cohen. Japan, Israel upgrade relations as Arab oil influence wanes // *Reuters*, 15.09.2016.

²⁰ Elliott Abrams. What's Behind Israel's Growing Ties with China? // *Council of Foreign Relations*, 21.06.2018. –

<https://www.cfr.org/expert-brief/whats-behind-israels-growing-ties-china>

²¹ Sure Surkes. China makes massive investment in Israeli lab meat technology // *Times of Israel*, 17.09.2017.

²² См.: Max Schindler. Chinese investors flock to Israel for unlikely reasons // *Jerusalem Post*, 20.12.2017.

²³ См.: China, Israel work together in technology and innovation // *Xinhua News Agency*, 05.07.2018.

²⁴ Mordechai Chaziza and Efraim Karsh. China in the Middle East: "Silk Road" to the Levant // *Middle East Quarterly*, Spring 2021. – <https://www.meforum.org/62068/china-in-the-middle-east-silk-road-to-the-levant>

²⁵ Цит. по: Elliot Abrams. What's Behind Israel's Growing Ties with China? // *Council for Foreign Relations*, 21.06.2018.

²⁶ Личный опыт автора в качестве члена Форума главных ученых при правительстве Израиля.

²⁷ Amir Ben-David. Halevy warns against China involvement in railway to Eilat // Ynet, 04.10.2013.

²⁸ יוסי מельман. Несмотря на предупреждения специалистов, никто не проверяет внедрение китайцев в различные сферы [экономики] страны (למרות אזהרות המומחים: איש לא בוחן את מעורבות סין בתחומים) (שונים במדינה) // Maariv, 10.03.2018 (in Hebrew).

²⁹ Lahav Harkov. US asking Israel to eliminate China ties in sensitive areas // *The Jerusalem Post*, 19.05.2020.

³⁰ See: Assaf Orion. Strategic Partnership Ltd.: China-Iran Relations and their Significance for Israel // *INSS Special Publication*, 18.04.2021. –

<https://www.inss.org.il/publication/iran-china-cooperation/>

³¹ The Times of Israel (TOI), 14.05.2021.

³² Lahav Harkov. Chinese media: US supports Israel because of wealthy Jews // *The Jerusalem Post*, 19.05.2021.

³³ См.: Israel-Gaza crisis: China fears instability in Middle East // DW, 19.05.2021. –

<https://www.dw.com/en/israel-gaza-china-conflict/a-57586757>

³⁴ China puts forward four-point proposal regarding Palestine-Israel conflict // Информация Агентства Синхуа (Xinhuanet), 17.05.2021. – http://www.xinhuanet.com/english/2021-05/17/c_139950043.htm

³⁵ Eyal Propper. China, the United States, and the Gaza Crisis: Israel for Xinjiang? // *INSS Insight No. 1472*, 25.05.2021.

³⁶ Japan expresses 'serious concern' over Israel-Palestine clashes // ANI, 12.05.2021. – <https://www.aninews.in/news/world/middle-east/japan-expresses-serious-concern-over-israel-palestine-clashes20210512035710/>

³⁷ Tuvia Gering. Don't Interfere, Integrate: China Proposes (Yet Another) Middle East Peace Initiative // Jerusalem Institute of Strategy and Security, 28.04.2021. – <https://jiss.org.il/en/gering-china-proposes-yet-another-middle-east-peace-initiative/>

ГОД ПЕРЕЛОМА.
ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ОТНОШЕНИЯХ
ЕВРЕЕВ И АРАБОВ В ИЗРАИЛЕ

Израильтяне устали от выборов. Косвенным образом об этом свидетельствует рекордно низкий процент граждан, принявших участие в состоявшихся 23 марта 2021 г. четвертых за последние два года досрочных выборах в Кнессет. Он составил лишь 67,2%¹. Для сравнения: в предыдущих выборах в Кнессет, состоявшихся 2 марта прошлого года, этот показатель составил 71, 52%. Среди арабских граждан Израиля процент участия в выборах традиционно ниже, чем среди евреев. Однако на этот раз и он был рекордно низким – менее 60% (точные данные недоступны). Как следствие, и на этот раз представительство арабов в израильском парламенте существенно ниже, чем их доля в населении. В то время, как среди имеющих избирательное право граждан еврейского государства арабы (включая христиан и друзов) составляют около 20%², среди депутатов Кнессета их немногим больше 10% – 14 из 120³. А если исключить из этого числа друзов, подавляющее большинство которых сами себя в Израиле арабами не считают, то арабов в Кнессете нового, 24-го созыва всего 12.

А вот друзская община, доля которой в населении еврейского государства составляет менее 2%, использовала свой электоральный потенциал в полном объеме.

При этом оба депутата-друза прошли в Кнессет по спискам еврейских (при этом правых) партий, а не в рамках арабских списков. Депутат Кнессета (и заместитель министра в канцелярии премьер-министра) Фатин Мулла из галилейского села Ярка представляет возглавляемую Биньямином Нетаньяху израильскую партию власти Ликуд. Депутат (до выборов он был заместителем председателя Кнессета, а в новом правительстве стал министром при министерстве финансов) Хамед Амар из города Шфарам со смешанным мусульманско-христианско-друзским населением – возглавляемую Авидором Либерманом партию «Наш дом – Израиль» (НДИ), базовым электоратом которой являются репатрианты из бывшего СССР. Сами по себе эти факты свидетельствуют о далеко зашедшем процессе интеграции друзей в политическую жизнь еврейского государства.

Ни в низком проценте участия арабов-мусульман в выборах в Кнессет, ни в успешной интеграции друзей в израильскую политическую элиту в принципе нет ничего нового. Тем не менее состоявшиеся 23 марта выборы в Кнессет и последовавшие за ними затяжные переговоры о формировании новой правящей коалиции (получившей название «коалиция перемен»), возглавляемой лидером центристской партии «Еш атид» Яиром Лапидом и лидером правой партии «Ямина» Нафтали Беннетом, в состав которой впервые в истории Государства Израиль вошла арабская партия – умеренная исламистская РААМ (радикальное «Северное крыло» Исламского движения в Израиле, возглавляемое шейхом Раадом Салахом, принципиально не участвует в выборах в Кнессет⁴), возглавляемая Мансуром Аббасом (сам он получил пост заместителя министра при канцелярии премьер-министра), стали без преувеличения переломным моментом в смысле интеграции арабского меньшинства в политическую жизнь еврейского государства. При этом партия РААМ, исходя из интересов своего электората, поддержала казавшуюся еще недавно немыслимой коалицию противни-

ков Биньямина Нетаньяху, в которую наряду с центристскими («Еш атид» и «Бело-голубые») и левыми (Авода и МЕРЕЦ) партиями вошли и однозначно правые партии (НДИ, «Ямина» и «Новая надежда»).

Для понимания приведших к этому процессов необходимо прежде всего обратить внимание на распределение упомянутых 12 депутатов-арабов по парламентским фракциям. В Кнессете нового созыва, в отличие от предыдущего, две арабские фракции, а не одна. С начала 2015 года все арабские партии Израиля выступали в Кнессете в качестве единой фракции – Объединенного арабского списка (ОАС). Его создание стало вынужденной мерой. Поскольку после того, как в 2014 году электоральный барьер в Израиле был в очередной раз повышен и достиг 3,25% от всех поданных на выборах голосов, возникла реальная угроза того, что ни одна арабская партия в одиночку не сможет преодолеть его⁵. Так оно и оставалось до конца прошлого года, когда возглавляемая депутатом (и заместителем председателя Кнессета) Мансуром Аббасом исламистская партия РААМ не вышла из состава ОАС и не заявила о своем намерении баллотироваться на предстоящих выборах отдельно. Основной причиной раскола стали контакты Мансура Аббаса с тогдашним премьер-министром Биньямином Нетаньяху и открыто декларировавшееся лидером РААМ намерение поддержать его.

Следует пояснить, что все представленные в Кнессете арабские партии Израиля традиционно декларируют свой антисионизм и потому никогда ранее не входили и даже не пытались войти в состав правящих коалиций. Максимум, что они себе позволяли, – поддерживать извне левые сионистские партии (уместно напомнить, что в Израиле левыми партиями традиционно называют партии, выступающие за территориальные уступки арабам, а правыми, соответственно, партии, выступающие против подобного компромисса). Такую позицию они занимали (а отчасти и сейчас занимают) из «солидарности с пале-

стинцами оккупированного Западного берега и сектора Газа». Мансур Аббас, следуя за настроениями своих избирателей, позволил себе проигнорировать эту солидарность. Он открыто заявил о намерении партии РААМ использовать израильскую демократию в интересах ее избирателей, то есть консервативно настроенных арабов-мусульман, имеющих израильское гражданство. На призывы «одуматься» и предостережения, что Биньямин Нетаньяху использует его в своих интересах, депутат Мансур Аббас заявлял, что Биньямин Нетаньяху использует его в своих интересах, а он использует Биньямина Нетаньяху в своих. В результате в блоке ОАС остались коммунисты, а также умеренные и радикальные светские арабские националисты. Исламисты вышли из его состава⁶.

Практически все опросы общественного мнения предсказывали, что партия РААМ не преодолет электорального барьера. Однако она стала сюрпризом этих выборов, проведя в Кнессет 4 депутатов. Помимо самого Мансура Аббаса, жителя галилейского села Магар, в котором мусульмане составляют меньшинство (57,7% населения села составляют друзы, 21,3% – мусульмане и 21% – христиане), в состав фракции РААМ вошли также Мазен Ганаем из галилейского города Сахнин (94,8% населения – мусульмане, 5,2% – христиане), Валид Таха из чисто мусульманского города Кафр-Касем, расположенного к востоку от Петах-Тиквы, и Саид Альхаруми, бедуин из племени аль-Азазме, живущего в пустыне Негев.

У ОАС теперь 6 депутатов. Поскольку в Кнессете предыдущего созыва, до выхода партии РААМ из состава ОАС, их было 15, бросается в глаза, что представительство арабских партий в Кнессете сократилось на треть. Что же касается этно-конфессиональной принадлежности депутатов от ОАС в Кнессете нового созыва, то он гораздо более разнообразен, чем в партии РААМ. Лишь половину из депутатов фракции ОАС составляют мусульмане-сунниты. Это председатель «Арабского движения за обновление» (ТААЛ) Ахмад Тиби, житель чисто мусульман-

ского города Тайбе в Саронской долине, председатель радикально националистической партии БАЛАД Сами Абу-Шхада, проживающий в городе Яффо, в котором мусульмане составляют меньшинство (более двух третей жителей Яффо – евреи, а около 10% – христиане) и житель галилейского города Арабе (98,8% жителей – мусульмане) Усама Саади (ТААЛ).

А вот все три депутата от крупнейшей составляющей блока ОАС – «Демократического фронта за мир и равноправие» (ХАДАШ), ядром которого является Коммунистическая партия Израиля, не принадлежат к арабам-суннитам. Председатель фракции ОАС Айман Уда родился в населенной преимущественно евреями Хайфе в семье мусульман-ахмадие⁷, которых сунниты считают еретиками. В Израиле принадлежность к ахмадие и к другим течениям ислама официально не регистрируется, однако этот факт общеизвестен. Депутат Аида Тума-Сулейман – единственная христианка в Кнессете. Она родилась в Назарете и проживает в городе Акко, где арабы являются меньшинством (68,2% населения – евреи, 28,9% – мусульмане, 2,7% – христиане и 0,2% – друзы). Наконец, третий депутат от ХАДАШ – Офер Ксиф – еврей из чисто еврейского города Реховот.

Трое арабов-мусульман есть среди депутатов еврейских левых партий. Двое из них – в радикальной левой партии МЕРЕЦ, возглавляемой депутатом Ницаном Горовицем. Это Исави Фредж из Кафр-Касема (получив в новом правительстве пост министра регионального развития, он стал вторым в истории Израиля министром-мусульманином) и Джидда Ринави-Зуаби, которая родилась в Назарете (71,5% населения – мусульмане, 28,5% – христиане) и живет в близлежащем еврейском городе Ноф га-Галиль (73% населения – евреи, 17,3% – христиане, а 9,7% – мусульмане). В партии Авода, бывшей израильской партии власти, возглавляемой сейчас радикальной феминисткой Мейрав Михаэли, у арабов-мусульман – особо необычная представительница. Это

кинорежиссер Ибтисам Маарана-Менухин, которая родилась и выросла в мусульманском селе Фурейдис, расположенном на склонах горы Кармель, вышла замуж за еврея и живет с ним и их общим ребенком в Яффо. Судя по ее политическим высказываниям, неоднократно вызывавшим скандалы, взгляды Ибтисам Маарана-Менухин сходны со взглядами еврейских левых радикалов, в среду которых она прекрасно интегрирована. Во всяком случае аутентичной представительницей «арабского народа Палестины» ее назвать трудно. Особенно, если вспомнить, что ислам запрещает мусульманкам выходить замуж за немусульман.

Однако выборы, состоявшиеся 23 марта 2021 г., стали переломным моментом и даже без преувеличения историческим событием отнюдь не потому, что в результате них в Кнессете резко уменьшилось представительство антисионистских арабских партий, а среди депутатов еврейских левых партий появились полностью интегрированные в еврейское общество женщины арабского происхождения, лишь номинально числящиеся мусульманками, чье поведение полностью противоречит устоявшимся представлениям о месте женщин в традиционном арабско-мусульманском обществе. Главное – это то, что арабские партии впервые в истории Государства Израиль стали заметными игроками в израильской политической жизни. Это стало следствием стремительно происходящих в последнее время перемен в массовом сознании как еврейского большинства, так и арабского меньшинства.

С одной стороны, Биньямин Нетаньяху, стремившийся всеми силами удержаться у власти, пошел на открытые контакты с партией РААМ. Тем самым он против собственной воли дал своим политическим оппонентам легитимацию на открытые контакты как с РААМ, так и с ОАС с целью получения политической поддержки против него. Не случайно недавно завершивший свою каденцию президент Израиля Реувен (Руби) Ривлин, который, мягко говоря, недружелюбно относится к Биньямину Нетаньяху,

призвал израильских политиков «пойти на казавшиеся невозможными союзы» для того, чтобы достичь политической стабильности⁸.

При этом пропагандистская машина Ликуда работала на полную мощность, внушая правым израильским избирателям, что союз с Исламским движением вполне легитимен, что партия РААМ однозначно лучше еврейских левых партий. Любопытно, что среди доводов в пользу союза с исламистской партией в социальных сетях упоминался – правда вскользь – тот пикантный факт, что мать и жена Мансура Аббаса принадлежат к крупному клану (хамуле) Махамра, который, согласно его собственной традиции, происходит от евреев, перешедших в XVIII веке в ислам⁹.

Духовные лидеры религиозных ультраортодоксов, являющихся основными союзниками Ликуда, сделали заявления в том духе, что еврейских ультраортодоксов и исламистов объединяет стремление сохранить традиционные семейные ценности, неприятие атеизма и многое другое. Даже среди сионистских раввинов нашлись сторонники союза с РААМ, если такова цена сохранения у власти «правого правительства».

С другой стороны, израильские арабские политики – не просто политики арабского происхождения, а именно представители арабских партий – проявили практически поголовную готовность к сотрудничеству с теми или иными сионистскими партиями. Депутат Мансур Аббас выступил на иврите от имени своей партии, касаясь условий поддержки его партией Ликуда. При этом он ни разу не упомянул «палестинцев», то есть не имеющих израильского гражданства жителей, живущих на территориях под управлением Палестинской национальной администрации (ПНА). Он даже выразил принципиальную готовность поддержать возглавляемую Ликудом коалицию, несмотря на то, что ее поддерживает и депутат Итамар Бен-Гвир, представляющий радикально-националистическую партию «Оцма иегудит» («Еврейская сила»), преемницу

объявленной вне закона партии «Ках», возглавлявшейся создателем американской «Лиги защиты евреев» раввином Меиром Кахане.

В качестве условия своей поддержки Мансур Аббас потребовал лишь, чтобы Итамар Бен-Гвир не был назначен министром. Это было сугубо формальное требование, поскольку лидер «Оцма иегудит» и не настаивал на получении для себя министерского поста. Он заявлял о своем желании стать председателем одной из парламентских комиссий. Обращает на себя внимание тот факт, что выступление Мансура Аббаса записывалось в специальном кабинете для выступлений депутатов в Кнессете. Этот кабинет украшен государственными флагами Израиля, и потому депутаты от антиссионистских арабских партий предпочитали записывать свои выступления не в этом кабинете, чтобы не быть запечатленными на фоне бело-голубого полотнища с шестиконечной звездой. Однако депутат Мансур Аббас счел возможным записать свое выступление именно там. В дальнейшем он даже попросил встречи с раввином Хаимом Друкманом, к мнению которого особо прислушивается депутат Бецалель Смотрич, председатель партии «Религиозный сионизм».

Именно Бецалель Смотрич своим бескомпромиссным отказом сотрудничать с арабскими партиями сорвал планы Биньямина Нетаньяху создать опирающееся на поддержку партии РААМ извне правительство меньшинства. Раввин Хаим Друкман принял депутата Мансура Аббаса и даже сказал после беседы с ним, что он произвел на него хорошее впечатление, однако отказался изменить свою принципиальную позицию, отрицающую возможность опоры на антиссионистские арабские партии¹⁰. При этом раввин особо подчеркнул, что «арабы – граждане Государства Израиль, и они должны получать все, что им причитается как гражданам». После произошедших во время недавней операции «Страж стен», проведенной ЦАХАЛом против контролирующих сектор Газа боевиков

ХАМАСа и «Исламского джихада», межэтнических столкновений в ряде городов Израиля депутат Мансур Аббас посетил подожженную арабами синагогу в Лоде и открыто осудил акты насилия и вандализма против святых мест иудаизма и заявил, что они противоречат законам ислама.

Что же касается ОАС, то среди ее депутатов нашелся лишь один, который заранее принципиально отказался рекомендовать президенту любого кандидата в премьер-министры. Это был представитель радикально-националистической партии БАЛАД Сами Абу-Шхада. Как выяснилось, лишь он все еще отвечает прежним представлениям о депутатах от арабских партий, которых совсем недавно называли «представительством ПНА в израильском Кнессете». В последний момент его примеру последовали и представители ХАДАШ. Однако члены возглавляемой депутатом Кнессета Ахмадом Тиби (бывшим советником Ясира Арафата) партии ТААЛ рекомендовали президенту Реувену Ривлину поручить формирование нового правительства лидеру партии «Еш атид» Яиру Лапиду.

После того, как Биньямин Нетаньяху не сумел сформировать новую правящую коалицию и был вынужден вернуть мандат президенту, РААМ и ХАДАШ рекомендовали президенту передать мандат Яиру Лапиду (Мансур Аббас вообще заявил, что он готов сотрудничать с кем угодно, если тот получит мандат на формирование правительства). ТААЛ на этот раз воздержалась по соображениям тактического характера, хотя, судя по появившимся в израильских СМИ публикациям, Ахмад Тиби активно вел переговоры с представителями «блока перемен» и даже теоретически не исключал возможность того, что возглавляемая им партия ТААЛ присоединится к коалиции. Лишь радикалы из БАЛАД остались верны прежним принципам отказа от любого сотрудничества с сионистами.

В случае еврейских политиков причины, побудившие большинство из них отказаться от фактического бойкота арабских партий, лежат на поверхности. Это стремление сохранить власть или добиться власти в условиях, когда

межэтнический конфликт выглядит, несмотря на свою ставшую в очередной раз очевидной во время недавних столкновений остроту, менее значимым, чем политические противоречия внутри израильского еврейского общества. Как уже было сказано, отнюдь не все еврейские политики – как из лагеря сторонников Биньямина Нетаньяху, так и из лагеря его противников – отказались от такого бойкота. Прозвучал целый ряд заявлений о недопустимости передачи представителям арабских партий какой-либо власти в еврейской стране, поскольку нынешний прецедент не останется одноразовым и привлечение арабских партий к созданию правящих коалиций станет нормой. Однако похоже, что процесс уже пошел в этом направлении и он может стать необратимым.

Согласно опросу общественного мнения, проведенному сразу же после последних по времени выборов в Кнессет независимым исследовательским учреждением Израильский институт демократии, 48% граждан Израиля поддержали идею создания правительства, опирающегося на поддержку арабских партий. Среди евреев этот показатель был несколько ниже – 44%. Против такой идеи высказался 41% евреев. У остальных не было определенного мнения по данному вопросу. Идею создания такого правительства однозначно поддерживают более половины избирателей двух еврейских партий – радикальной левой МЕРЕЦ и ашкеназского ультраортодоксального религиозного блока «Еврейство Торы»¹¹.

Что же касается готовности арабских партий изменить правила игры и пойти на открытое сотрудничество с сионистскими партиями, то здесь можно выделить три основные причины:

1. Изменение настроений избирателей. Согласно данным упомянутого выше опроса, идею создания правительства, опирающегося на поддержку арабских партий, однозначно поддерживало 65,5% израильских арабов. Как среди избирателей ОАС, так и среди избирателей РААМ сторонники этой идеи составляют более половины.

Израильские арабы ясно дают понять своим политическим элитам, что они недовольны тем, что израильские арабские политики слишком много занимаются «борьбой за права палестинцев» и слишком мало – борьбой за реальные интересы израильских граждан арабской национальности.

2. В значительной степени такое изменение настроений среднестатистического израильского араба связано со сменой поколений. Эта тенденция постепенно набирала силу и теперь стала ведущей. Следует помнить, что тем израильским арабам, которые родились еще до провозглашения независимости Израиля, в британской подмандатной Палестине, чьи родители реально могли воевать против евреев в ходе израильской Войны за Независимость, сейчас больше 70 лет. Тем, кто был маленькими детьми, когда арабские населенные пункты Израиля еще находились под военным управлением, сейчас за 60. Подавляющее же большинство израильских арабов существенно моложе. О Накбе (поражении палестинских арабов в войне против евреев) и о дискриминации времен военной администрации они знают лишь понаслышке или из книг. В реальности же они прекрасно отдают себе отчет в том, что Израиль – развитое демократическое государство, предоставляющее своим гражданам намного большие возможности, чем любое арабское государство, особенно близлежащая Иордания, в которой многие израильские арабы бывали. Подавляющее большинство совершеннолетних израильских арабов хорошо или даже свободно владеет ивритом, что гарантирует им успешную интеграцию на израильском рынке труда.

3. В очень большой мере на степень готовности подавляющего большинства израильских арабов идти на сотрудничество с «сионистским истеблишментом» в ущерб «арабской палестинской солидарности» повлияла резко обострившаяся за последние годы проблема уголовной преступности в арабских населенных пунктах Израиля¹². Сторонники активного сотрудничества с изра-

ильскими силовыми структурами ради борьбы против арабских уголовных банд прямо заявляют, что «когда за год в арабском секторе населения Израиля от рук уголовников гибнут более 100 человек, не до палестинцев». Ранее арабские партии Израиля активно выступали за бойкот усилий израильской полиции мобилизовать в свои ряды арабов-мусульман и открывать полицейские участки в арабских населенных пунктах. Тех, кто шел на службу в Полицию Израиля, называли «коллорабационистами». В результате присутствие полиции в большинстве арабских населенных пунктов оказалось минимальным, если не спорадическим. Это в значительной степени способствовало резкому ослаблению арабских партий. Теперь же о необходимости сотрудничества с Полицией Израиля в борьбе против арабской уголовной преступности говорят почти все арабские политики. Раздаются даже голоса, призывающие привлечь к искоренению этого явления ШАБАК и ЦАХАЛ.

В заключение представляется уместным пересказать описанную в израильских СМИ и выглядящую весьма символичной историю о Мааре Ибрагиме, арабе-мусульманине, медбрата в больнице города Афула на севере Израиля. Минувшей зимой в этой больнице умирал человек, семья которого не успела приехать. Согласно традиции, еврей должен произнести перед смертью догмат веры «Шма Израэль» («Слушай, Израиль, Господь наш – Бог, Господь один»), а если он сам не в состоянии разговаривать, то этот текст читают родственники у изголовья кровати умирающего. Для верующего еврея это принципиально важно. Маар Ибрагим понял, что родственники не успеют прибыть и больной скончается в одиночестве. Тогда он сам прочитал еврейский догмат веры «Шма Израэль» около умирающего еврея¹³. А во время официальной церемонии начала Дня Независимости Израиля 2021 года Маар Ибрагим был одним из 12 граждан, зажигающих традиционные факелы («масуот») в честь этого события. В немалой степени эта история отражает те пе-

ремены, которые происходят сейчас в отношениях между еврейским большинством и арабским меньшинством в Израиле.

¹ Здесь и далее о результатах выборов см. официальный интернет-сайт Центральной избирательной комиссии Израиля:

<https://bechirof24.bechirof.gov.il/election/Pages/HomePage.aspx>

² Здесь и далее см. данные о численности и составе населения на официальном интернет-сайте Центрального статистического бюро Израиля: <https://www.cbs.gov.il>

³ Здесь и далее данные о депутатах Кнессета см. на официальном интернет-сайте Кнессета:

<https://main.knesset.gov.il/mk/Pages/default.aspx>

⁴ Об Исламском движении в Израиле см.: Miyutim miuslemim be-medinet rov lo-muslemi: ha-tnua ha-islamit b-Israel ke-mikre mivkhan («Мусульманские меньшинства в государстве с немусульманским большинством: на примере Исламского движения в Израиле» – на иврите) / Под ред. Эли Рехеса и Арика Рудницкого. – Тель-Авивский Университет, 2011.

⁵ См.: Нир Атмор. Naalat akhuz ha-khasima b-Israel: mashmaut ve'hashlakhot efshariyot («Повышение электорального барьера в Израиле: значение и возможные последствия» – на иврите) // интернет-сайт Израильского института демократии, 17.03.2013: <https://www.idi.org.il/articles/9378>

⁶ Подробнее об этом см.: Михаиэль Мильштейн. Ha-politika ha-aravit b-Israel ba-siman «khashuv maslul me-khadash» («Арабская политика в Израиле под знаком «выбора нового маршрута»» – на иврите) // интернет-сайт Междисциплинарного центра стратегических исследований в Герцлии, 30.11.2020:

<https://www.idc.ac.il/he/research/ips/pages/insights/michael-milshstein-29-11-20.aspx>

⁷ Об ахмадие в Хайфе см.: Emanuela C. Del Re (March 3, 2014). Approaching conflict the Ahmadiyya way: The alternative way to conflict resolution of the Ahmadiyya community in Haifa, Israel. Springer: 116.

⁸ См.: Арик Бендер. Rivlin: «Ha-am rotse shirufey peula khotsey migzarim ve-khiburim lo shigratiim» («Народ хочет сотрудничества

между различными секторами населения и нетривиальных союзов» – на иврите) // Маарив, 31.03.2021.

⁹ О клане Махамра см.: Амалия Вольф. Ha-yehudim shel har Khavron («Евреи Хевронского нагорья» – на иврите) // Котерет рашит, 19.12.1984.

¹⁰ Кармель Дангор. Ha-rav Drukman nifgash im Mansur Abas («Раввин Друкман встретился с Мансуром Аббасом» – на иврите) // интернет-сайт израильской компании теле- и радиовещания «Кан»: <https://www.kan.org.il/item/?itemid=105058>

¹¹ См.: Проф. Тамар Герман и д-р. Ор Анали. 48% me-ha-tsibur tomkhim be-memshala ba-tmikha mi-ba-khutz shel ha-miflagot ha-araviot («48% граждан поддерживают правительство, опирающееся на поддержку арабских партий извне» – на иврите) // интернет-сайт Израильского института демократии: <https://www.idi.org.il/articles/34244>

¹² См.: Отчет д-ра Нурит Яхимович-Коэн. Netunim al pshia bamigzar ha-arav («Данные о преступности в арабском секторе» – на иврите) // интернет-сайт Кнессета: https://fs.knesset.gov.il/globaldocs/MMM/6c51dc26-d9ae-ea11-8107-00155d0aee38/2_6c51dc26-d9ae-ea11-8107-00155d0aee38_11_15065.pdf

¹³ Ицик Охана. Meragesh: ha-akh ha-aravi amar "shma Israel" im hakhole ha-yehudi («Трогательно: медбрат-араб сказал «Шма Исраэль» вместе с больным евреем»- на иврите) // Кикар шабат: <https://www.kikar.co.il/385875.html>

Е.А. Якимова

ОБЗОР ИЗРАИЛЬСКОЙ «КОРОНАВИРУСНОЙ ДИПЛОМАТИИ»

Пандемия COVID-19 стала доминирующей темой, в том числе международного общения в 2020 г., не потеряв актуальности и в 2021 г. В указанной сфере пандемия породила сразу несколько типов дипломатии: «коронавирусную», «масочную» и «вакцинационную». В большинстве своем эти во многом схожие явления, заключающиеся в попытках укрепления международного положения прежде всего в регионах, понимаемых государствами как зоны своего особого влияния, за счет оказания поддержки в борьбе с новым вирусом среди прочего путем экспорта средств индивидуальной защиты и медицинского оборудования, а в дальнейшем в проведении эффективной прививочной кампании, стали инструментом в руках глобальных игроков. Своего рода исключением из данного правила оказался Израиль. При этом специфика действий Иерусалима состояла не только в том, что сравнительно небольшая по площади и достаточно ограниченная в финансовых ресурсах страна, если сравнивать ее с Россией или Китаем, получила возможность укрепить позиции на международной арене благодаря накопленному инновационному потенциалу, охватывающему область здравоохранения. Важным аспектом израильской «коронавирусной дипломатии» явилось то, что государство стало действовать не только и не столько в привычных

для себя партнерских регионах, но и предприняло попытку, опираясь на новый стратегический актив, добиться трансформаций на сложных для себя внешнеполитических направлениях.

Европейский союз

Отношения Израиля с ЕС на фоне COVID-19 стали, пожалуй, наиболее показательным примером, поскольку власти сделали ставку не только на координацию действий со своими традиционными союзниками, такими как Вышеградская группа, но и в некотором смысле сложными партнерами, среди которых можно назвать страны Северной Европы. Стоит, однако, подчеркнуть, что данный факт не в полной мере стал заслугой ближневосточной страны, поскольку реализовался этот компонент взаимодействия под эгидой инициированного канцлером Австрии С. Курцем формата консультаций. Результатом указанной активности стало достигнутое в начале марта 2021 г. соглашение лидеров Израиля, Австрии и Дании, по условиям которого стороны договорились о запуске R&D фонда с предварительно заявленным бюджетом порядка 50 млн евро и начале работы над совместным производством т. н. вакцин второго поколения¹.

Важность этого соглашения для ближневосточной страны определяется несколькими аспектами. Во-первых, Израиль таким образом очерчивает контуры своей внешнеэкономической стратегии после пандемии. Весной 2020 г. СМИ стали доступны некоторые детали прогнозов, подготовленных Отделом политического планирования МИД под руководством О. Анолика, в которых отмечался рост глобальной конкуренции, в том числе в медицинской сфере, на фоне посткоронавирусного восстановления мировой экономики². Соответственно, развивая партнерские связи на текущем этапе, Иерусалим работает над минимизацией рисков столкновения интересов в будущем.

Более того, имея конкурентные преимущества в виде прогресса в создании собственной вакцины в сравнении с партнерами, ближневосточное государство получает, с одной стороны, потенциальный рынок экспорта препарата, а с другой, – возможности привлечения дополнительного финансирования на организацию производства и проведение клинических испытаний. Исходя из этого, в будущем возможна совместная работа с партнерами из ЕС по проведению прививочной кампании, например, в Африке с использованием израильского препарата по аналогии с программами Агентства международного сотрудничества в целях развития при МИД Израиля (МАШАВ)³.

Трехсторонние договоренности Израиля, Австрии и Дании открыты для присоединения новых партнеров, среди которых могут фигурировать упомянутые страны-участницы Вышеградской группы, три из четырех участниц которой – Венгрия, Словакия и Чехия – выступили за то, чтобы не замыкать усилия по борьбе с COVID-19 исключительно в рамках ЕС. Подобный альянс может потенциально способствовать укреплению их связей с Австрией как игроком, связывающим восточноевропейский «квартет» с Брюсселем, дополнительно консолидируя произраильские усилия внутри организации. Впрочем, в «коронавирусной» дипломатии Израиля на европейском направлении есть и конфликтный потенциал, связанный с недовольством руководящих структур ЕС и отдельных стран, таких как Франция, тем, что коллеги по Евросоюзу предпочитают в качестве союзника видеть ближневосточное государство.

Китай и Россия

Политика Москвы и Пекина на фоне COVID-19, которую ряд обозревателей сравнил со спортивной дипломатией⁴, в свою очередь, нередко ассоциирующейся с противостоянием СССР и США периода Холодной войны,

во многом была экстраполирована экспертами и на израильский опыт. При этом такой подход возник не на начальных этапах, когда, к примеру, ближневосточное государство направляло медикаменты и СИЗы в еврейские общины за рубежом⁵, а именно в связи с вакцинацией. В частности, Израиль был заподозрен в том, что отправляет излишки прививок в страны, проявившие свою лояльность в отношении принципиальных для правительства политических вопросов⁶. При этом было подчеркнуто, что Пекин экспортирует вакцину в ущерб иммунизации собственного населения, в то время как Иерусалим – палестинского.

Второй точкой соприкосновения интересов КНР и Израиля стало намерение подписать соглашение о взаимном признании вакцин. Данную идею озвучила незадолго до этого назначенный посол ближневосточной страны в Китае И. Бен-Абба. Более того, дипломат не только сообщила о подобных планах, но и высказала тезис о возможности Израиля, ставшего своего рода полигоном для проверки эффективности прививочной кампании, поделиться данными об использовании других препаратов, под которыми главным образом подразумевается Pfizer. С точки зрения посла, через взаимное признание вакцин стороны имеют шанс восстановить политическое и экономическое сотрудничество, прерванное из-за пандемии. Прежде всего И. Бен-Абба вспомнила о заседании двустороннего комитета по контактам в сфере инноваций, который Израиль стремился провести в декабре 2021 г. Кроме того, заметная часть китайского экспорта до пандемии отправлялась в Израиль на пассажирских рейсах. Их возобновление в полном объеме, в свою очередь, требовало согласования в области признания препаратов и т. н. «зеленых паспортов» тех, кто получил прививки.

Еще одним важным аспектом в контексте китайско-израильских отношений эпохи COVID-19 можно рассмотреть то, что они заложили основы для потенциального повышения озабоченности данным фактом со стороны США. Более того, произошло это в переходный период

смены американских администраций, когда стратегия команды Дж. Байдена только начала формироваться. Демонстрируя заинтересованность в кооперации в сфере вакцинации с Пекином, Иерусалим, судя по всему, рассчитывал, что Вашингтон, пусть и обозначивший намерение привлечь к сдерживанию КНР своих союзников⁷, не включил на тот момент медицинское направление в перечень наиболее чувствительных для себя сфер, в отличие от, к примеру, инвестиций в инфраструктуру или вооружение. Следовательно, начала формироваться область контактов, за счет которой стороны потенциально могут наращивать партнерские связи в будущем, особенно если прочие направления будут ограничены США.

В отношении России, несмотря на отмеченное на уровне зарубежных СМИ сходство «коронавирусных дипломатий» как таковых, Иерусалим занял не столь однозначную позицию. В преддверии визита в Москву главы внешнеполитического ведомства ближневосточного государства Г. Ашкенази 17 марта 2021 г. израильские издания сообщили, что Кремль неоднократно поднимал вопрос о признании российской вакцины «Спутник V», однако согласия израильской стороны на тот момент не получил. С одной стороны, «комфортная» версия причин такого шага очевидна: на момент указанных консультаций правительство страны не разрешало въезд без обязательного карантина даже тем лицам, кто получил за рубежом вакцину Pfizer, которой прививалось местное население, списывая это на невозможность обеспечить полный контроль над документами.

С другой стороны, именно на российско-израильском треке ситуация свидетельствовала о двух важных обстоятельствах. Во-первых, растущем влиянии еврейского лобби в России, которому, собственно, и важно создание оптимальных условий передвижения между государствами, включая репатриацию. Последнее представляет особую важность, учитывая прогнозы роста «коронавирусной алии» из России, простимулированной, в том числе, внут-

риполитическими причинами⁸ в сочетании с тем, что в указанный период, сопровождавшийся в Израиле очередными внеочередными выборами в Кнессет, правительство Б. Нетаньяху сделало ставку на прием выходцев из Эфиопии⁹. Во-вторых, признание «Спутник V» – вопрос не только медицинский и экономический, но и имиджевый, а потому крайне примечательна сдержанная позиция Иерусалима в отношениях с Москвой при повышенном интересе к сближению с Пекином. Если принять во внимание тот факт, что в долгосрочной перспективе израильские эксперты прогнозируют рост конкуренции между Россией и КНР в различных точках, включая Африку и Ближний Восток, то данный факт вполне можно трактовать как одно из проявлений зарождающегося явления.

Украина

Пример украино-израильской кооперации, развернувшейся на фоне COVID-19, имел все шансы стать продолжением теневых связей, существующих между государствами¹⁰. Скандал разразился, когда СМИ сообщили о существующей, по их данным, серой схеме получения обеспеченными гражданами республики вакцины Pfizer, якобы вывезенной контрабандой из Израиля человеком, которого не досматривают на таможне (предположительно депутатом)¹¹. Стоимость такой прививки, согласно опубликованной информации, составляла, по разным данным, порядка 1–3 тыс. евро и передавалась наличными представителю некоего Р. Гольдмана – руководителя Первого медицинского центра Тель-Авива, а по совместительству, по сведениям украинских источников, человека, близкого к президенту В. Зеленскому¹².

История с Украиной также в значительной степени имиджевая, поскольку республика, давно являющаяся камнем преткновения между Россией и Западом, снова оказалась на линии столкновения интересов, на этот раз

связанных с дистрибуцией препаратов. «Спутник V» был сочтен в Киеве небезопасным, в результате чего правительство В. Зеленского сделало поворот в сторону Китая и Индии с их вакцинами Sinovac и CoviShield, а также рассчитывало на европейские и американские препараты Pfizer, AstraZeneca, NovaVax. Однако по многим причинам вакцинационная кампания в стране затянулась и оказалась связана с большим количеством спекуляций в СМИ. Публикации, осуждающие коронавирусную коррупцию и нелегальные закупки вакцины для привилегированных слоев населения, в украинских и израильских изданиях в большинстве своем имеют ссылку на портал «Страна», который известен критикой действующей власти за ухудшение отношений с восточным соседом. При этом израильские журналисты в данном случае предпочитали опираться лишь на факты, изложенные в украинских источниках, в то время как идеологическое наполнение было либо (насколько это возможно) нейтральным, либо ближе к американской модели. Любопытна, к примеру, публикация о «зажатом в тиски между Россией и Западом» народе Украины, борющемся с COVID-19, появившаяся в «Haaretz»¹³. Она представляет собой перепечатку материала «New York Times», в котором большое внимание уделяется «агрессивной политике» Кремля, в том числе в вопросах вакцинации, поскольку, как говорится в материале со ссылкой на бывшего министра здравоохранения республики А. Линчевского, «В политических интересах России, чтобы Украина получила вакцины из других стран как можно позже», потому что она хочет восполнить пробел своей собственной вакциной»¹⁴.

Бразилия

Статус Бразилии в качестве партнера Израиля существенно возрос в связи с избранием на пост президента Ж. Болсонару, которого стали воспринимать как латино-

американскую версию Д. Трампа в силу схожести взглядов и дружественных отношений двух лидеров. Однако страна так и не выполнила обещание перенести в израильскую столицу свое посольство, ограничившись к моменту рассматриваемых событий лишь открытием в Иерусалиме своего торгового представительства. Впрочем, указанный шаг традиционно рассматривается ближневосточным государством не просто как дружественный, но и как сигнал скорого переезда дипмиссии. В этом контексте также представляют интерес договоренности сторон в областях, затрагивающих COVID-19.

В начале марта 2021 г. Израиль посетила делегация высокопоставленных бразильских официальных лиц, включая тогдашнего министра иностранных дел Э. Араужо и председателя парламентского Комитета по иностранным делам и обороне Э. Болсонару. В ходе консультаций с израильскими контрапартнерами Бразилия выразила особую заинтересованность в закупке разработанного в медицинском центре Ихиллов назального спрея для лечения коронавируса ECHO-CD24. При этом стоит подчеркнуть, что речь шла об использовании препарата, не прошедшего на тот момент всю требуемую процедуру клинических испытаний. Соответственно в некоторой степени сама Бразилия таким образом изъявила готовность провести у себя апробацию препарата, чем в некоторой степени схожа с Израилем, который первый опробовал на себе модель вакцинации в масштабах страны.

Помимо этого в рамках двусторонних консультаций были достигнуты договоренности об учреждении группы для совместного исследования, разработки и производства прививок от COVID-19. Дополнительно не сообщалось об открытости этой команды для присоединения специалистов из других государств, хотя, принимая во внимание весь спектр аналогичных соглашений Израиля с зарубежными партнерами, такой вопрос возникает. Более того, подобная кооперация могла бы снизить напряженность в обществе латиноамериканской страны по поводу

нехватки вакцины, что в итоге привело к отставке главы бразильского внешнеполитического ведомства, посещавшего Израиль.

Наконец, СМИ страны отдельно подчеркнули, что в условиях действующих в Израиле ограничений делегация Бразилии прибыла в Иерусалим без требования о прохождении карантина. Таким образом, все сказанное в совокупности в некоторой степени может подтверждать приведенный выше тезис западных обозревателей о том, что посредством «коронавирусной дипломатии» правительство Б.Нетаньяху пытается достигать не связанных с COVID-19 целей, при этом тема содействия в борьбе с пандемией в некотором смысле заменяет козырь в виде дружественной американской администрации Д. Трампа, быстрый путь к которой игроки из разных регионов мира пытались проложить через ближневосточное государство.

Австралия

Как и Бразилия, Австралия в контексте «коронавирусной дипломатии» представляет интерес главным образом в связи с перспективами кооперации в медицинской сфере. Прежде всего необходимо учитывать, что там действуют стандарты клинических исследований, схожие с американскими, европейскими и японскими. Ранее, руководствуясь данным обстоятельством, часть исследований в Австралии проводил израильский производитель малоинвазивных хирургических инструментов Medigus. В текущих условиях перспективы ближневосточному государству принесло бы аналогичное взаимодействие, но связанное с работой над собственной вакциной от COVID-19 или препаратами для его лечения, такими как EXO-CD24.

Кроме этого, существует мнение о заинтересованности Канберры в наращивании отношений с ближневосточной страной в сфере кибербезопасности. Этот аспект

также связан с пандемией, пусть и косвенно, поскольку коронавирусные локдауны потребовали повышения требований к обеспечению безопасной удаленной работы, в чем израильские технологии ранее преуспели. Таким образом, на указанном треке появились свидетельства работы над наращиванием контактов в областях специализации Израиля в период преодоления негативных экономических последствий COVID-19 для национальных экономик.

Наконец, опыт Австралии как таковой весьма показателен в контексте вовлеченности третьей стороны в американо-китайские разногласия. Так, администрация Дж. Байдена в первые месяцы своей работы выдвинула нормализацию отношений между Пекином и Канберрой в качестве предварительного условия смягчения линии США в адрес КНР. Вместе с тем австралийские эксперты полагают, что государство в равной степени страдает от давления как американской, так и китайской стороны, а в качестве выхода из сложившейся ситуации видит большее привлечение для решения своих проблем инструментов ВТО¹⁵. Подобная практика в некоторой степени может оказаться полезной Израилю, стремящемуся проводить взвешенную линию в отношении американо-китайских торговых войн, сочетая политическую опору на США как на глобального союзника с возможностью развивать экономические отношения с КНР, тем самым укрепляя и свои позиции в Азии.

Ближневосточный вектор

В рамках регионального измерения израильской «коронавирусной» дипломатии особый интерес вызывают два направления: бахрейнское и палестинское. В первом случае речь идет главным образом о дискуссиях представителей сторон по поводу возможности частичного финансирования Манамой производства вакцин от корона-

вируса в Израиле, которое Иерусалим планирует наладить. Этот аспект в случае успеха позволит наращивать двустороннее взаимодействие в рамках начатого под эгидой США процесса нормализации с перспективой вовлечения в него новых игроков. Речь идет как о региональных партнерах, также заинтересованных в борьбе с пандемией и ее последствиями, негативно сказывающимися на социально-экономическом положении населения и, как следствие, на устойчивости власти.

Последнее особенно значимо, принимая во внимание экспертные дискуссии о вероятности повторения событий «арабской весны». Кроме того, учитывая рассмотренные выше договоренности со странами ЕС, возникает шанс объединения этих двух направлений с пользой для всех вовлеченных участников, в том числе дипломатической, поскольку европейские центры силы хотели бы повысить свое влияние в ближневосточных делах, в обмен на что вполне могли бы смягчить свою линию в вопросе взаимодействия в сфере вакцинации и «зеленых паспортов».

Гораздо более сложным является палестинское направление. С одной стороны, израильские эксперты видят прямую связь между ростом уровня насилия на палестинских территориях и увеличением количества инфицированных¹⁶, а потому предоставление палестинцам вакцины в целом может быть инструментом поддержания безопасности Израиля. На этом настаивают и в ЕС, видя в переориентации Иерусалима в вопросах распространения медикаментов и прививок с Европы на Ближний Восток шанс добиться консолидации усилий по проведению вакцинации в своих рамках. В продвижении этой политики косвенно заинтересованы и Иордания с Египтом, поскольку всплеск заболеваемости среди палестинцев чреват распространением COVID-19 на их территории, а также крахом попыток добиться через выборы внутripалестинских политических трансформаций, посредником в которых выступает Каир.

С другой стороны, для Израиля это в некоторой степени ловушка, схожая с той, в которой оказался Брюс-

сель, столкнувшийся с критикой за обещания оказать помощь в борьбе с пандемией странам-партнерам до того, как ситуация будет стабилизирована внутри Евросоюза. Помимо этого, здесь есть и ряд специфических опасностей для Израиля, связанных с мирным процессом. Если Иерусалим возьмет на себя обязательства по полному обеспечению палестинского населения медикаментами и вакциной, то не исключено, что затем к нему выдвинут условие по вакцинации всех палестинских беженцев, зарегистрированных БАПОР, что в дальнейшем может быть косвенно истолковано как признание их прав в ближневосточном урегулировании.

Кроме того, по мнению ряда израильских политиков, нельзя оказывать палестинцам никакого содействия до тех пор, пока они не пойдут на уступки в замороженных годами принципиальных вопросах. Показательными в этом контексте стали дискуссии в Комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне в феврале 2021 г., на которых обсуждалась тема передачи ПНА 5 тыс. прививок. В частности, председатель комиссии Ц. Хаузер выразил мнение о необходимости увязывания вакцинации с возвращением тел израильских военнослужащих, захваченных террористами в 2014 г.¹⁷ Примечательно, что вопрос прививок решается на уровне ПНА, а проблема пленных касается руководства Газы, из чего следует, что пандемия как раз могла бы стать шансом для палестинской администрации добиться политического единства территорий, однако для этого требуется оказать давление на ХАМАС и не перекладывать на Израиль ответственность за собственное население.

В целом, несмотря на то, что США в настоящем обзоре напрямую не рассматриваются как вектор израильской «коронавирусной дипломатии», эта страна проходит лейтмотивом всей внешнеполитической деятельности Иерусалима на фоне пандемии. Более того, во многом неопределенность, созданная администрацией Дж. Байдена на начальном этапе президентства,

привела к активизации этих инструментов, поскольку Израиль для завершения процессов, начатых при Д. Трампе, таких как нормализация отношений с умеренными региональными режимами или признание столичного статуса Иерусалима, стал нуждаться в дополнительных стимулах для партнеров, в качестве которых ранее выступали перспективы сближения с Соединенными Штатами.

Внешнеэкономический вектор существенно более сложный, поскольку требует поиска баланса между различными союзниками и их группами в интересах постковидного восстановления национальной экономики. И здесь вновь заметно серьезное влияние американского фактора. Во-первых, это связано с перспективами нарастания противоречий между Пекином и Вашингтоном в новых условиях. Во-вторых, в торговых войнах Израиль может поменять ролевую модель поведения, которую ему во многом диктовала прошлая администрация США. Если ранее Вашингтон стремился превратить Израиль в подобие ближневосточной Канады, пострадавшей от скандала с Huawei, то теперь есть основания переориентироваться на австралийскую модель, в которой баланс смещен в сторону большего внимания к своим интересам, а не к линии, проводимой союзником.

Наконец, если же оценивать весь спектр дипломатических усилий на фоне COVID-19, то явным упущением в нем является недостаточное взаимодействие с международными организациями, внимание к которым МИД советовал привлечь в упомянутом в начале прогнозе. Впрочем, это можно считать следствием предыдущего периода нарастания напряженности с ООН и ее специализированными учреждениями по проблематике мирного процесса, а также привычной практикой во взаимодействии с ЕС действовать через субрегиональные группы. Более того, в случае с Евросоюзом в определенной степени Израиль вышел за рамки традиционных союзов, в чем не последнюю роль сыграл канцлер Австрии С. Курц.

¹ Österreich, Israel und Dänemark gründen Impfstiftung // Salzburger Nachrichten. 04.03.2021. URL: <https://www.sn.at/politik/weltpolitik/oesterreich-israel-und-daenemark-gruenden-impfstiftung-100581823>

² Kahana A. Foreign Ministry prepares for a post-corona world // Israel Hayom. 13.04.2020. URL: <https://www.israelhayom.com/2020/04/13/foreign-ministry-prepares-for-a-post-corona-world/>

³ Подробнее см.: Якимова Е.А. Технологии в обмен на мир. 60-летие Агентства по развитию международного сотрудничества при МИД Израиля (МАШАВ) // Государство Израиль: путь длиною в 70 лет. М., 2019. С. 97-108.

⁴ Heumann P., Kretschmer F. Freunde, lasst euch piksen: Israel und China verschenken Impfdosen an politisch beugsame Staaten // Luzerner Zeitung. 26.02.2021. URL: www.luzernerzeitung.ch/international/diplomatie-freunde-lasst-euch-piksen-israel-und-china-verschenken-impfdosen-an-politisch-beufsame-staaten-id.2106999

⁵ Якимова Е.А. Как Израиль реагирует на коронавирус // Инвест-Форсайт. 03.03.2020. URL: <https://www.if24.ru/kak-izrail-reagiruuet-na-koronavirus>

⁶ Heumann P., Kretschmer F. Opt. cit.

⁷ Nelson S. Psaki defensive about lack of Biden calls to China's Xi, Israel's Netanyahu // New York Post. Psaki defensive about lack of Biden calls to China's Xi, Israel's Netanyahu. URL: <https://nypost.com/2021/02/02/wh-defensive-about-lack-of-biden-calls-to-xi-jinping-netanyahu/>

⁸ Гервиц Э. Штрихи к портрету нового репатрианта эпохи COVID-19 // Институт Евро-Азиатских еврейских исследований. 26.04.2020. URL: <https://institute.eajc.org/eajpp-39/>

⁹ В Израиль прибыли 380 новых репатриантов, 286 – из Эфиопии // Newsru. 26.02.2021. URL: https://www.newsru.co.il/israel/26feb2021/rep_110.html

¹⁰ Подробнее см.: Якимова Е.А. Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользающее партнерство. М.: Институт Ближнего Востока, 2018. 262 с.

¹¹ Doks E. Suspicion in Ukraine: Vaccines were smuggled from Israel to Kiev – and secretly given to the rich (in Heb.) // Yedioth Ahronoth. 16.01.2021. URL: <https://www.ynet.co.il/news/article/rJzBNHXAD>

¹² Товт А. Дверь Гольдмана. Как знакомый Зеленского организовал нелегальную поставку вакцины от коронавируса в Украину // Страна.ua. 10.01.2021. URL:

<https://strana.ua/articles/analysis/311030-roman-holdman-kto-eto-i-otkuda-u-neho-vaktsina-pfizer-dlja-ukrainskoj-elity.html?fbclid=IwAR2XxmKvtaJ5JMGEvsvCexCLPztAxTcPTDEjlQolhcEfjoZ5W4gBwEsA1gM>

¹³ См., например: Imprisoned between East and West, Ukraine was left without vaccines for Corona // Haaretz. 12.01.2021. URL: <https://www.haaretz.co.il/news/world/europe/.premium-MAGAZINE-1.9442114>

¹⁴ Varenikova M. In Vaccine Geopolitics, a Great Game Played With Ukrainians' Health // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/09/world/europe/covid-vaccines-ukraine.html>

¹⁵ Hurst D. Australia at mercy of 'coercive trade warfare' as China and US continue rivalry // Guardian. 15.02.2021. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2021/feb/16/australia-at-mercy-of-coercive-trade-warfare-as-china-and-us-continue-rivalry>

¹⁶ См., например: News of Terrorism and the Israeli-Palestinian Conflict (November 18-24, 2020) // The Meir Amit Intelligence and Terrorism Information Center. 25.11.2020. URL: <https://www.terrorism-info.org.il/en/news-of-terrorism-and-the-israeli-palestinian-conflict-november-18-24-2020/>

¹⁷ Представитель МАЛАЛЪ не смог объяснить, кто принял решение о передаче 5 тысяч доз вакцины из Израйля в ПА и из ПА в Сектор Газа // Кнессет. 15.02.2021. URL: <https://main.knesset.gov.il/RU/News/PressReleases/Pages/1465516468541658.aspx>

Е.А. Якимова

**МЮНХЕНСКИЙ КВАРТЕТ:
ПОПЫТКИ КОНСОЛИДАЦИИ УСИЛИЙ
БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ
ПОСРЕДНИКОВ В УРЕГУЛИРОВАНИИ
ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА**

В феврале 2020 г. на полях ежегодной Мюнхенской конференции по безопасности был создан очередной «квартет» посредников в урегулировании палестино-израильского конфликта, состоящий из Германии, Франции, Египта и Иордании. Формат переговоров получил название «Мюнхенского», а сама группа стала именоваться «четырёхлистник» или «клевер». Появление подобного объединения, с одной стороны, стало уже закономерным для названного противостояния, которое, по мнению Американского института мира (USIP), является заложником «паттерна квартетов»¹. С другой стороны, не исключено, что предложенные параметры консультаций, где встречаются два региональных и два европейских государства-посредника, смогут привнести в работу на палестино-израильском треке нечто новое, что, в свою очередь, приблизит стороны если не к разрешению многолетних противоречий, то хотя бы к возвращению за стол переговоров.

К моменту написания данной статьи состоялось лишь несколько заседаний «четырёхлистника» в Мюнхене (15 февраля 2020 г.), Аммане (24 сентября 2020 г.), Каире

(11 января 2021 г.) и Париже (11 марта 2021 г.), а также видеоконференция глав внешнеполитических ведомств (7 июля 2020 г.). Совместные заявления, сделанные по итогам указанных встреч, содержат в себе преимущественно базовые принципы палестино-израильского урегулирования, среди которых можно назвать создание «двух государств для двух народов», призыв воздерживаться от односторонних действий, подчеркивание важности резолюций ООН и ее специализированных учреждений, главным образом Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) в ближневосточном мирном процессе². Отдельным элементом стратегии группы стало реагирование на региональную политику США при Д.Трампе, деятельность которого, по мнению представителей нового «квартета», нарушала шаткий баланс сил и без того в нестабильном регионе. Впрочем, действительную активность «четырёхлистник» приобрел, как кажется, лишь на фоне ухода республиканского лидера, что можно связать с фактически сформировавшимся вакуумом силы, образовавшимся в связи с тем, что администрация Дж. Байдена не спешила раскрывать контуры своей стратегии в очагах напряженности на Ближнем Востоке.

Учитывая упомянутое сравнительно небольшое количество встреч посредников, а также то, что они, по сути, объединили представителей двух «квартетов» – «классического» в составе США, России, ООН и ЕС, а также «арабского», в лице Иордании, Египта, Саудовской Аравии и ОАЭ, прежде всего видится целесообразным рассмотреть особенности новой группы переговорщиков с акцентом на европейскую дипломатию. В материалах USIP отмечается, что существенным плюсом европейского представительства в «клевере» в сравнении с «большим квартетом» стало то, что в нем принимают участие лидирующие страны Евросоюза, которые способны выработать единое мнение и быстро реагировать на происходящее в зоне противостояния, при этом не являясь

заложниками требования о консолидации позиций, действующего в ЕС и блокируемого Израилем через субрегиональные группы³. Ближневосточная сторона, в свою очередь, с точки зрения американских экспертов, обладает преимуществом в виде уникальных на момент появления обзора USIP мирных договоров с Израилем. Однако по прошествии времени стало очевидно, что последнее достижение было нивелировано начавшимся процессом нормализации между Иерусалимом и умеренными региональными режимами. Если же говорить о Франции и Германии, то их позиции, к примеру по вопросу поселенческой активности, при демонстративном сходстве, объясняющемся обозначенными выше особенностями ЕС, в действительности существенно разнятся в силу существующих у ФРГ особых исторических обязательств, положенных в основу межгосударственных отношений с ближневосточным партнером.

Если группа «клевер» и напоминает какой-либо переговорный формат, одновременно стараясь его усовершенствовать, то это, как кажется, попытки Франции добиться реанимации миротворческих усилий путем проведения Парижской мирной конференции 15 января 2017 г. Ее ярчайшей особенностью, отодвинувшей на второй план практически всю повестку дня, стало отсутствие среди приглашенных палестинской и израильской делегаций. Вместе с тем, тогда Пятая республика декларировала необходимость пересмотра состава переговорщиков, причем именно за счет включения ближневосточных игроков и подчеркивала важность базовых принципов урегулирования, таких как границы 1967 г. или «два государства для двух народов»⁴.

Более того, Франция для стимулирования активности администрации США Б.Обамы, как и теперь «четырёхлистник», пыталась использовать момент смены президентов. Однако итог того события оказался печален. Прошедшая во французской столице конференция в духе постмодернизма создала условия для восприятия мирного

процесса как хаоса, в котором с трудом определялись не только действия его непосредственных участников, но и круг посредников, в который благодаря затее Парижа так или иначе смогли попасть все желающие. Несмотря на атмосферу новизны, мотивы, лежавшие в основе действий тогдашнего президента Ф. Олланда, были очевидными и во многом личными. Сняв свою кандидатуру с предстоящих в 2017 г. выборов, он, следуя по пути американского контрагента Б. Обамы, также решил уйти в историю, сделав заметный шаг на ближневосточном направлении. В этом контексте застарелый палестино-израильский конфликт, который в его спокойной фазе привлекает внимание Москвы и Вашингтона зачастую лишь формально, показался ему наиболее подходящим пространством для демонстрации международного влияния.

В случае с группой «клевер», наоборот, ФРГ предприняла попытку солировать. Предпосылки этого можно найти уже в одном из названий консультаций – «Мюнхенский формат», что созвучно Берлинскому процессу в Ливии. В действиях германской дипломатии заметны и стремления добиться большей консолидации с ближневосточными игроками. Так, Парижской встрече в марте 2021 г. предшествовали консультации главы федерального внешнеполитического ведомства Х. Мааса с иорданским контрагентом А. Сафади. Примечательно здесь, что до того момента Амман в рамках «четырёхлистника» оказывался, пожалуй, наименее задействованным партнером. В нынешней ситуации Иорданское Хашимитское Королевство, наоборот, сыграло заметную роль, которая, однако, в большей степени касалась подтверждения заслуг Германии как основного двигателя мирных процессов на Ближнем Востоке. В частности, А. Сафади по итогам беседы с Х. Маасом подчеркнул, что ФРГ является ключевым игроком, который на двустороннем уровне и по линии Евросоюза вовлечен в урегулирование региональных кризисов, среди которых палестинский и сирийский.

Причины, объясняющие подобную риторику Иордании, просты. Связаны они с поддержкой, прежде всего экономической, а также содействием в области борьбы с COVID-19, которые Берлин оказал Амману за предшествовавший переговорам период. Впрочем, Франция заняла более сдержанную позицию также не случайно. Несмотря на то, что Пятая республика по сути была хозяйкой мартовского саммита, на первый план для страны вышло совпавшее по времени присоединение к Газовому форуму государств Восточного Средиземноморья, в рамках которого были заметны более реальные перспективы расширения связей, в том числе с Египтом, Израилем и даже палестинцами, а не надежды на призрачный мирный процесс.

Более неоднозначной оказалась, пожалуй, роль Египта. Газовый форум, как минимум на рассмотренном этапе, можно считать более приоритетной для страны задачей, поскольку он в большей степени способствует реализации региональных амбиций, прежде всего в экономической сфере. Однако участие в мирном процессе – элемент долгосрочной стратегии, обеспечивающей как поддержание интересов собственной национальной безопасности, так и диалог с внерегиональными посредниками не только в Европе, но и в США. В результате акцент Каира стал все больше смещаться в сторону демонстрации своей роли в поддержании диалога с палестинцами, что приобрело дополнительную важность в связи с продолжавшейся на тот момент подготовкой к всеобщим палестинским выборам, с которыми связывали и определенные надежды на возвращение за стол переговоров представителей новой власти Израиля и ПНА. Наконец, египетская сторона, как и ФРГ, склонна за счет Мюнхенского формата продвигать двусторонний диалог с государствами ЕС. Так, в Каире помимо общих вопросов президент Египта А.Ф. ас-Сиси и глава МИД Франции Ж.-И. Ле Дриан обговорили трансферт в Египет французских технологий. На встрече с участием Х. Мааса стороны обсудили пере-

дачу Каиру германских подводных лодок, вызвавшую в ФРГ немало споров по вопросу экспорта вооружений и боевой техники, которые разгорелись с новой силой после публикации последних к тому моменту данных о поставках германских вооружений на Ближний Восток.

Любопытно в деятельности Мюнхенского «квартета» и то, что при учете наработок своего «старшего брата» и желании за счет собственной активности добиться включения в актуальные процессы двух его участников в лице США и ООН, что по понятным причинам спровоцирует и внимание России, об «Арабской мирной инициативе» Берлин, Париж, Каир и Амман в своих первых дискуссиях не упоминали. На региональном треке их, как следует из итоговых заявлений перечисленных выше заседаний, волновал преимущественно процесс нормализации между Израилем и умеренными странами Большого Ближнего Востока. Это явление, в свою очередь, рассматривается многими как на экспертном, так и на политическом уровне как демонстрация нивелирования принципа солидарности с палестинцами.

Если же говорить о способности группы «клевер» привести в повестку дня палестино-израильского мирного процесса новые вопросы, то на начальном этапе такой темой стал COVID-19. В итоговом заявлении, последовавшем за консультациями в марте 2021 г., содержался призыв к сторонам противостояния «к более тесному сотрудничеству, чтобы найти целостный ответ на медицинский и экономический кризис, вызванный пандемией, в том числе путем активизации двусторонних экономических механизмов, которые улучшают координацию на благо обоих народов»⁵.

Ранее более подробно эта задача была озвучена сторонами в Каире в январе 2021 г. Там борьба с коронавирусом была включена в перечень направлений, потенциально способствующих налаживанию палестино-израильского диалога, который впоследствии имеет шанс дать старт новому раунду переговоров. Примечательны в этом контексте

два обстоятельства. Во-первых, необходимость внешне-го вмешательства для победы над коронавирусной инфекцией – это был не израильский, а палестинский запрос, который они пытались донести не только официальным способом, но и посредством угрозы эскалации насилия. Соответственно, включение темы пандемии в мирные усилия можно считать реверансом, призванным заинтересовать палестинцев после долгого периода ухода от диалога в связи с произраильской политикой Д. Трампа. Во-вторых, вопрос о COVID-19 прозвучал именно в Египте, где собственная эпидемиологическая ситуация была крайне сложная. Более того, всерьез рассматривался вопрос замены личного присутствия высокопоставленных гостей на виртуальную встречу. Таким образом, не исключено, что Каир, интегрируя данный пункт в повестку дня, задумывался и о собственных интересах, связанных с региональным сотрудничеством в борьбе с пандемией.

В целом группа «клевер» в лице ФРГ, Франции, Египта и Иордании в отличие от Парижского мирного саммита смогла зарекомендовать себя как новую четверку посредников в палестино-израильском урегулировании. Однако препятствием для эффективной совместной работы, способствующей мирному процессу, стало то, что каждый из игроков, включенных в Мюнхенский формат, преследует собственные, не всегда в полной мере совпадающие внешне- и внутривполитические цели. Кроме того, новый альянс, не обладая достаточными ресурсами, судя по итогам первых саммитов, не стремился к тому, чтобы в действительности взять на себя основную роль в разрешении конфликта, предполагая, что в таком качестве выступают США, ООН или реанимированный традиционный «квартет» посредников с привлечением России. В связи с этим можно предположить, что, будучи задуманным как форум по широкой региональной проблематике, а не исключительно палестино-израильским противоречиям, четырехсторонний диалог ФРГ, Франции, Егип-

та и Иордании пойдет по экстенсивному пути, расширяя предметное поле, к примеру, за счет Ливии. Подтверждением данного предположения можно считать то, что помимо основной палестино-израильской темы на консультациях в Париже в марте 2021 г. стороны затронули текущие политические процессы в Ливии. Впрочем, и здесь существуют определенные ограничители сотрудничества, связанные с тем, что стороны и в данном узле противоречий имеют собственные интересы, а Берлин, задумавший и реализовавший одноименный процесс, вряд ли с готовностью пойдет на то, чтобы поделиться дипломатическим влиянием с Парижем, который параллельно обошел его на ливанском треке.

Наконец, большое внимание к роли ООН, характерное для европейской, а особенно германской дипломатии, рискует негативно отразиться на отношениях Мюнхенского «квартета» с Израилем. В условиях смены американского лидера под угрозой оказался не только уровень двусторонних американо-израильских отношений в целом или их региональный вектор, в частности, но и поддержка интересов этой ближневосточной страны в ООН, а особенно в борьбе против специализированных учреждений, имеющих четкую антиизраильскую направленность. В новых реалиях Иерусалим показал стремление делать ставку на государства, демонстрирующие ему солидарность на площадках международных форумов, а потому повышенное внимание группы «клевер» к БАПОР потенциально рискует его оттолкнуть. Не исключено, что этим может воспользоваться, к примеру, Великобритания, нуждающаяся в выработке собственной ближневосточной политики, равноудаленной от США и ЕС. К примеру, возвращаясь к сравнению событий 2017 г. и 2020–2021 гг., следует отметить, что тогда Лондон активизировал работу на палестино-израильском треке во многом под воздействием негативных последствий Парижского саммита, по сути, пытаясь сыграть на противоречиях между Израилем и участниками той встречи.

¹ Youssef H. A New ‘Quartet’ for Israeli-Palestinian Peace // United States Institute of Peace. 20.07.2020. URL:

<https://www.usip.org/publications/2020/07/new-quartet-israeli-palestinian-peace>

² См., например: Gemeinsame Erklärung der Außenminister von Deutschland, Ägypten, Frankreich und Jordanien nach ihrem Treffen in Paris zum Nahostfriedensprozess (11. März 2021) // Ministerium für Europa und auswärtige Angelegenheiten. URL:

<https://www.diplomatie.gouv.fr/de/aussenpolitik-frankreichs/landerinformationen-erklarungen/nordafrika-und-mittlerer-osten/israel-palastinensische-gebiete/article/gemeinsame-erklarung-der-aussenminister-von-deutschland-agypten-frankreich-und>

³ Youssef H. *Opt. cit.*

⁴ Joint declaration of the international conference on peace in the Middle East // United Nations Organization. URL:

<https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-182778/>

⁵ Gemeinsame Erklärung der Außenminister von Deutschland, Ägypten, Frankreich und Jordanien nach ihrem Treffen in Paris zum Nahostfriedensprozess (11. März 2021).

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев:** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).
52. **М.Р.Арунова**: "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин**: "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад**: "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко**: "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки" (совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков**: "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский**: "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зеэв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.

86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин:** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский:** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко:** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар:** "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн:** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов:** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов:** "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).

102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст".
Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян**: "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов**: "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко**: "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова**: "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев**: "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева**: "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин**: "«Русские» и власть в современном Израиле".

120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".

138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".
140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
- 141 **А.В.Гасратян:** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко:** "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов:** "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов:** "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. **М.К.Занбуа, А.О.Филоник:** "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"
154. **Р.Г.Ланда:** "Политический ислам: предварительные итоги".
155. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика".
156. **О.В.Плешов:** "Ислам и политическая культура в Пакистане" (Совместно с ИВ РАН).
157. "Ислам и общественное развитие в начале XXI века" (Совместно с ИВ РАН).
158. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 25.
159. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 26.
160. **А.В.Рясов:** "«Левые» на Арабском Востоке: ливийский опыт".
161. **И.М.Мохова:** "Западное Средиземноморье: проблемы интеграции".
162. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан: ресурсы и политика". Часть 1, Часть 2 (Совместно с ИВ РАН).

2006 г.

163. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль в эпоху «пост-сионизма»: наука, идеология и политика".
164. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Вокруг размежевания: общество и политика Израиля в 2005 году".
165. "Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
166. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 27.
167. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 28.

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

168. **Л.Н.Руденко:** "Проблемы привлечения иностранных инвестиций в арабские страны в условиях глобализации" (Совместно с ИВ РАН).
169. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Королевство Бахрейн" (Совместно с ИВ РАН).
170. "Востоковедный сборник". Выпуск седьмой.
171. **А.Г.Бакланов:** "Ближний Восток: «Дорожная карта» региональной безопасности".
172. **Алек Д. Эпштейн:** "Почему провалилась «Дорожная карта»?".
173. **Д.А.Нечитайло:** "Международный исламизм на Северном Кавказе".
174. **М.А.Сапронова:** "Иракская конституция в прошлом и настоящем" (Из истории конституционального развития Ирака).
175. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильская война против «Хезболлы» и формирование новых контуров ближневосточной политики".
176. "Курдский вопрос в Западной Азии в начале XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
177. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 29.
178. "Современная Турция: проблемы и решения". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
179. **С.Ю.Серёгичев:** "Судан: исламо-традиционализм и армия".

2007 г.

180. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 30.
181. "Государство Израиль: политика, экономика общества". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
182. **К.В.Вертяев:** "Курдский вопрос в политике Турции (конец XX – начало XXI века)" (Совместно с ИВ РАН).
183. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 31.
184. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 32.
185. **М.Н.Гусев:** "Исламский фактор в Юго-Восточной Азии. Роль внешних сил".

186. "Востоковедный сборник". Выпуск восьмой.
187. **Г.Г.Косач:** "Саудовская Аравия: внутривосточные процессы «этапа реформ» (конец 1990–2006 г.).
188. **Д.А.Марьясис:** "Израиль в системе международных экономических отношений (1985–2005 г.)" (Совместно с ИВ РАН).
189. **Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева:** "Лига арабских государств и интеграционные процессы в арабском мире" (Совместно с ИВ РАН).
190. **Алек Д. Эпштейн:** "ХАМАС в региональной политике".
191. **С.Н.Саруханян:** "Ядерный фактор в российско-иранских отношениях".
192. **В.П.Юрченко:** "Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века)".
Справочно-аналитическое издание. Часть 1 и часть 2.
193. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 33.

2008 г.

194. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 34 (Совместно с ИВ РАН).
195. **Г.А.Меламедов, Алек Д. Эпштейн:** "Дипломатическая битва за Иерусалим. Закулисная история" (Совместно с МГУ, ИСАА, Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
196. **В.В.Куделев:** "«Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители".
197. **Г.Г.Косач:** "Саудовский дипломатический корпус: этапы эволюции и источники формирования".
198. **М.А.Сапронова:** "Правительство и парламент в арабских странах (правовой статус и политическая практика)".
199. **Е.С.Мелкумян:** "Регион залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество" (Совместно с ИВ РАН).
200. **Е.А.Кудров:** "Конфликт в Дарфуре: основные причины и тенденции".

201. **Алек Д. Эпштейн:** "Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться" (Совместно с Ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
202. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 35 (Совместно с ИВ РАН).
203. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 36 (Совместно с ИВ РАН).
204. "Турция накануне и после парламентских и президентских выборов 2007 г." Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
205. **И.А.Свистунова:** "Иракский фактор во внешней политике турецкой республики (1990–2007 г.).
206. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 37 (Совместно с ИВ РАН).

2009 г.

207. **Алек Д. Эпштейн:** "Антитеррористический террор".
208. **В.В.Евсеев, В.И.Сажин:** "Иран, уран и ракеты".
209. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 38 (Совместно с ИВ РАН).
210. **А.Б.Подцероб:** "Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба".
211. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида" и война в Ираке".
212. "Ближний Восток: вызовы XXI века". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
213. **Алек Д. Эпштейн:** "Израильяне и палестинцы: от конфронтации – к переговорам и обратно" (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
214. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 39 (Совместно с ИВ РАН).
215. **В.И.Месамед:** "Иран-Израиль: от партнерства к конфликту".
216. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 40 (Совместно с ИВ РАН).

2010 г.

217. **Ю.С.Кудряшова:** "Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия".
218. **И.И.Стародубцев:** "Топливо-энергетический комплекс Турции и энергетический фактор в российско-турецких отношениях". (Совместно с МГИМО)
219. "Турция в условиях новых внутренних реалий". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
220. **Ю.В.Зинькина:** "Коптская община современного Египта: Проблемы и перспективы".
221. **В.Чернин:** "Ближневосточный фронт. Израильское поселенчество: история и современность". (Совместно с ассоциацией «Гишрей Тарбут»).
222. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 41 (Совместно с ИВ РАН).
223. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 42 (Совместно с ИВ РАН).
224. **В.И.Месамед:** "Иран в Центральной Азии: два десятилетия диалога"

2011 г.

225. "ШОС и страны Ближнего и Среднего Востока (К 10-летию образования ШОС)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
226. **Алек Д. Эпштейн:** "Россия и Израиль: трудный путь навстречу" (Совместно с Центром содействия гуманитарному образованию общества «Право Мира»).
227. **Алек Д. Эпштейн:** "Генезис и закат "левого" Израиля".
228. **Д.О.Бирюков:** "Правовое регулирование рынка ценных бумаг государств Ближнего Востока".
229. **Н.А.Кожанов:** "Экономические санкции против Ирана: цели, масштабы, возможные последствия введения".
230. Турция после референдума 2010 года (Межвузовская студенческая конференция. Москва, 17 февраля 2011 г.) (Совместно с МГИМО).

231. **С.Ю.Серёгичев:** "Современный Судан: от единства к разделу" (Совместно с РГГУ).
232. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 43 (Совместно с ИВ РАН).
233. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 44 (Совместно с ИВ РАН).
234. "Современный Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
235. **Н.З.Мосаки:** "Курдистан и курдский вопрос политики запада и России (90-е годы XX века – начало XXI века)". (Совместно с ИВ РАН).
236. **И.И.Стародубцев:** "Трансформирующаяся Турция" (Совместно с МГИМО).

2012 г.

237. **Алек Д. Эпштейн:** "Государство Израиль перед вызовом исламизма: «арабская весна» и ее влияние на еврейское государство".
238. **С.В.Алейников:** "Политическая ситуация и проблемы национального применения в Сомали".
239. **А.В.Салийчук:** "Экономическая либерализация и макроэкономическая результативность Египта, Иордании и Туниса" (Совместно с ИВ РАН).
240. **Алек Д. Эпштейн, Евгений Варшавер:** "В диалоге с врагом (переговоры об освобождении израильских граждан, захваченных палестинскими и ливанскими боевыми организациями)".
241. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 45 (совместно с ИВ РАН).
242. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 46 (совместно с ИВ РАН).
243. **В.И.Месамед:** "Израиль в Центральной Азии: грезы и реальность".
244. "Турция в период правления Партии справедливости и развития" (совместно с ИВ РАН).

245. "Санкции и их влияние на Иран" (совместно с ИВ РАН).
246. **М.Р.Арунова:** "ШОС и афганская проблема" (совместно с ИВ РАН).
247. **Зеев Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль".
Издание 2-е (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
248. "Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).

2013 г.

249. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Катара".
250. **Эльдар Касаев:** "Россия-Турция: современное состояние и возможный сценарий развития экономических связей".
251. **Н.П.Подгорнова:** " Проблема Западной Сахары. Миф и реальность".
252. **Алек Д. Эпштейн:** "От межблокового противостояния – к формированию «партии власти». Тенденции развития израильской общественно-политической жизни в свете итогов выборов в Кнессет XIX созыва и создания нового правительства страны".
253. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 47 (Совместно с ИВ РАН).
254. **Г.Г.Косач:** "Саудовская аравия: политические процессы 1990-х – 2000-х гг."
255. **А.Р.Аганин:** "Племена и кланы иорданского хашимитского королевства".
256. **В.В.Евсеев:** "Перспективы иранской ядерной программы при президенте Хасане Роухани".

2014 г.

257. **Н.П.Подгорнова:** " «Арабская весна» в странах Магриба".
258. **Е.С.Мелкумян:** "Кувейт в 2000-е гг.: внутривполитическое развитие и внешняя политика".
259. **Н.П.Подгорнова:** "Мавритания между прошлым и будущим".

260. **М.А.Сапронова:** "Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013 гг.)".
261. **С.В.Алейников:** "Сомалийские племена. Справочник".
262. **Е.Е.Чулковская:** "Турецкая диаспора Германии: между Анкарой и Берлином".
263. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века".
264. **Алек Д. Эпштейн:** "Ближайшие союзники? Подлинная история американо-израильских отношений". Т. 1-2 (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
265. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 48 (Совместно с ИВ РАН).
266. **Алек Д. Эпштейн:** "От антитеррористической операции – к войне: Израиль и исламистское вооруженное сопротивление летом 2014 года".
267. **Р.Р.Субханкулова:** "О нефтегазовой отрасли Ирака".
268. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Третий Израиль": русскоязычная община и политические процессы в еврейском государстве в начале XXI века".
269. **В.В.Куделев:** "Аль-Каида в странах Исламского Магриба" и др. в Северной Африке (Хроника событий)".

2015 г.

270. **Н.П.Подгорнова:** "Проблема Западной Сахары в политике Алжира".
271. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о борьбе с терроризмом".
272. **В.И.Месамед:** "Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия)".
273. **Н.П.Подгорнова:** "Политика Франции в странах Северо-Западной Африки".
274. **М.А.Сапронова:** "Электоральный процесс после «Арабской весны»".

275. **Н.В.Жадовец:** "Формирование национальной инновационной системы Израиля (1985–2012 гг.)".
276. **В.М.Ахмедов:** "Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. XX – начало XXI вв.)".
277. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 49 (Совместно с ИВ РАН).
278. **Е.Э.Успенский:** "Инвестиционный климат в арабских странах в конце XX – начале XXI века".
279. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали".

2016 г.

280. **Г.Г.Косач:** "Российско-саудовские отношения: политический аспект (1990–2015 гг.)".
281. **Н.П.Подгорнова:** "Страны Магриба в поисках оптимального пути развития".
282. **М.Чернин:** "Арабское население Израиля и палестинских территорий: происхождение, клановая и конфессиональная структура" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
283. **Алек Д. Эпштейн:** "Горизонты и миражи палестинской государственности" (совместно с Мосты культуры/Гешарим).
284. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления об «Исламском государстве»" (запрещено в России).
285. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "Проблема реформы политической системы Израиля в свете предпосылок и итогов выборов в Кнессет XX созыва".
286. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 50.
287. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и страны Балтии: между прошлым и будущим".
288. **В.И.Месамед:** "Феномен белорусско-иранских отношений".

2017 г.

289. **М.В.Казанин:** "Китай-Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века".
290. **А.А.Кузнецов:** "Политический процесс в Ливане на рубеже XX-XXI веков".
291. **А.Р.Аганин:** "Племена, кланы и семейства Кувейта".
292. **А.Д.Манафова:** "Нефтяная политика Ирака 2003–2016 гг.".
293. **С.С.Балмасов:** "Опыт решения миграционных проблем в странах Аравийского полуострова".
294. **П.П.Рябов:** "«Арабская весна» по-иemenски".
295. **М.В.Казанин:** "Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов".
296. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 51.
297. **В.В. Куделев:** "«Арабская весна»: марокканский феномен".

2018 г.

298. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский:** "Военная мощь Турецкой Республики".
299. **Ю.Б.Щегловин:** "Размышления о сирийском конфликте".
300. **Е.А.Якимова:** "Государство Израиль и европейские республики бывшего СССР: ускользящее партнерство".
301. **Владимир (Зеев) Ханин:** "Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики".
302. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 52.
303. **А.Р.Аганин:** "Племена Сирийской пустыни и долины Евфрата".
304. **А.А.Кашина:** "«Революция свободы и достоинства» в Тунисе: Большие надежды".

2019 г.

305. **Алек Д. Эпштейн:** "От Владимира Жаботинского до Биньямина Нетаньяху: национально-либеральное движение Израиля – прошлое и настоящее". Том 1 и 2.

306. **С.В.Алейников:** "Современное Сомали" (сборник информационно-справочных материалов).
307. **А.В.Малашенко:** "Ислам: век XXI".
308. **Т.А.Ганиев, С.М.Задонский, В.В.Карякин:** "Военная мощь Исламской Республики Иран: военная политика и вооруженные силы страны". Том 1 и 2.
309. **О.А.Мазур:** "Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии".

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East" (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century" (collection
of essays). In association with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2 (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3 (collection of essays)
17. "Iran in the XX-th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4 (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5 (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6 (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
40. "The Environment and Development in the Arab World" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7 (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8 (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9 (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms" (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10 (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In association with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11 (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12 (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13 (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays). In association with the Russian Academy of Natural Sciences
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14 (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15 (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16 (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays.
100. "The Contemporary Middle East" № 17 (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18 (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19 (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20 (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis"
124. Analytical records. "Terrorism"
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East"
130. "The Contemporary Middle East" № 21 (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East"
132. Analytical records. "Problems of the Middle East"
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22 (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)"
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict"
137. Analytical records. "Iran"
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23 (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)"
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
152. "The Contemporary Middle East" № 24 (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
154. "Political Islam: preliminary results" by **R.Landa**
155. "Israel and the problem of Palestinian refugees: history and policy" by **Alek D. Epstein**
156. "Islam and political culture in Pakistan" by **O.Pleshov**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
157. "Islam and social development in the beginning of XXI-th Century". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
158. "The Contemporary Middle East" № 25 (collection of essays)
159. "The Contemporary Middle East" № 26 (collection of essays)
160. "«Leftists» in the Middle East: Libyan experience" by **A.Rjasov**
161. "Western Mediterranean: problems of integration" by **I.Mokhova**
162. "Kurdistan: resources and policy" Part 1, Part 2 by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2006

163. "Israel in the era of post-zionism: science, ideology and policy" by **Alek D. Epstein**
164. "On the situation with delimitation: society and policy in Israel in 2005" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
165. "Afghanistan, Iran, Pakistan: time of elections and changes" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

166. "The Contemporary Middle East" № 27 (collection of essays)
167. "The Contemporary Middle East" № 28 (collection of essays)
168. "Globalization and capital investments process in the Arab World" by **L.Rudenko**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
169. "Kingdom of Bahrain" by **V.Isaev, A.Filonik**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
170. "Oriental Records" № 7 (collection of essays)
171. "The Middle East: «The Road Map» and regional security" by **A.Baklanov**
172. "Why did «The Road Map» fail?" by **Alek D. Epstein**
173. "International Islamism in the Northern Caucasus" by **D.Nechitailo**
174. "The Iraqi Constitution in the past and in the present" by **M.Sapronova**
175. "The War of Israel against «Hesbollah» and creation of new contour of the Middle Eastern policy" by **Alek D. Epstein**
176. "The Kurdish problem in the Western Asia in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
177. "The Contemporary Middle East" № 29 (collection of essays)
178. "The Modern Turkey: problems and solutions" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
179. "The Sudan: the Islamic traditionalism and army" by **S.Seregichev**

2007

180. "The Contemporary Middle East" № 30 (collection of essays)
181. "The state of Israel: policy, economy, society" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

182. "The Kurdish problem in Turkish policy (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **K.Vertiaev**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
183. "The Contemporary Middle East" № 31 (collection of essays)
184. "The Contemporary Middle East" № 32 (collection of essays)
187. "The Islamic factor in South-East Asia. The role of external forces" by **M.Gusev**
186. "Oriental Records" № 8 (collection of essays)
187. "Saudi Arabia: political processes and "Stages of Reform" (the end 1990–2006)" by **G.Kosach**
188. "Israel inside the world economic relations" by **D.Mariyasis**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 189 "The League of the Arab states and international process in the Arab world" by **L.Rudenko, Z.Solovieva**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
190. "HAMAS in the regional policy" by **Alek D. Epstein**
191. "The nuclear factor in Russian-Iranian relations" by **S.Sarukhanjan**
192. "The military policy and force development in the Middle East (the end of XX – the beginning of XXI centuries)" by **V.Yurchenko**
193. "The Contemporary Middle East" № 33 (collection of essays)

2008

194. "The Contemporary Middle East" № 34 (collection of essays)
195. "The diplomatic battle for Jerusalem. Behind-the-scene story" by **G.Melamed and Alek D. Epstein**. In association with the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University and Gishrey Tarbut Association
196. "Al-Qaeda: the structure, the allians and the sponsors" by **V.Kudelev**

197. "Saudi Arabian diplomatic corps: stages of evolution and sources of formation" by **G.Kosach**
198. "Government and parliament in the arab countries (legal status and political practice)" by **M.Sapronova**
199. "The Persian Region: conflicts, compromises, cooperation" by **E.Melkumyan**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
200. "The conflict in the Darfur Province: main reasons and tendencies" by **E.Kudrov**
201. "Israel and (un)controlled territories: to leave or stay" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
202. "The Contemporary Middle East" № 35 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
203. "The Contemporary Middle East" № 36 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
204. "Turkey before and after 2007 parliamentary and presidential elections" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
205. "The Iraqi Factor in the foreign policy of the Republic of Turkey (1990–2007)" by **I.Svistunova**
206. "The Contemporary Middle East" № 37 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2009

207. "Antiterroristic terror" by **Alek D. Epstein**
208. "Iran, uranium and rockets" by **V.Evseev, V.Sazhin**

209. "The Contemporary Middle East" № 38 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
210. "Islam in internal and external policy of Magrib" by **A.Podcerob**.
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
211. "Al-Qaeda and the war in Iraq" by **V.Kudelev**
212. "The Middle East: challenges of the XXI-st century" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
213. "Israelites and Palestinians: from confrontation to negotiations and back to the point" by **Alek D. Epstein**. In association with the Gishrey Tarbut Association
214. "The Contemporary Middle East" № 39 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
215. "Iran-Israel. From partnership to conflict" by **V.Mesamed**
216. "The Contemporary Middle East" № 40 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

2010

217. "Turkey and EU: history, problems and prospects for cooperation" by **U.Kudrjashova**
218. "Turkey's fuel and energy complex and oil and gas industries in Russian-Turkish relations" by **I.Starodubtcev**
219. "Turkey in the context of new internal circumstances" (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
220. "Coptic community in contemporary Egypt: problems and prospects" by **U.Zinkina**
221. "Middle Eastern frontier. Israeli settlement: history and modernity" by **V.Chernin**

222. "The Contemporary Middle East" № 41 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
223. "The Contemporary Middle East" № 42 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
224. "Iran in Central Asia: two decades of dialogue" by **V.Mesamed**

2011

225. "SCO and The Middle Eastern Countries (ten years of activity)" In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
226. "Russia and Israel: the hard road to each other" by **Alek D. Epstein**. In association with "The Law For Peace" Society
227. "The genesis and fall of «leftist» Israel" by **Alek D. Epstein**
228. "The legal regulation of the equity market in The Middle Eastern Countries" by **D.Birjukov**
229. "Economic sanctions against Iran: goals, scales, possible consequences of implication" by **N.Kozhanov**
230. "Turkey after the 2010 referendum" (Interacademic student conference. Moscow, February 17 2011). In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations
231. "The Contemporary Sudan: from unity to division" by **S.Seregichev**.
In association with the Russian State University for the Humanities
232. "The Contemporary Middle East" № 43 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
233. "The Contemporary Middle East" № 44 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
234. "The contemporary Afghanistan and neighboring countries" (collection of essays) In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

235. "Kurdistan and Kurdish question in Western and Russian policy (90s of the XXth century – the beginning of the XXIst century)" by **N.Mosaki**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
236. "The transforming Turkey" by **I.Starodubtsev**. In association with the Moscow State Institute of Foreign Relations

2012

237. "The State of Israel and the challenge Islamism: «the Arab spring» and its impact of the Jewish state" by **Alek D. Epstein**
238. "Political situation and problems of national reconciliation in Somalia" by **S.Aleinikov**
239. "Economic liberalization and macroeconomic efficiency of Egypt, Jordan and Tunisia" by **A.Saliychuk**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
240. "In dialogue with the enemy (talks on liberation of Israeli citizens seized by Palestinian and Libyan fighting organizations)" by **Alek D. Epstein and Evgeniy Varshaver**
241. "The Contemporary Middle East" № 45 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
242. "The Contemporary Middle East" № 46 (collection of essays). In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
243. "Israel in Central Asia: dreams and reality" by **V.Mesamed**
244. "Turkey under the rule of The Justice And Development Party". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
245. "Sanctions and their impact on Iran". In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
246. "SCO and Afghan problem" by **M.Arunova**. In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
247. "Political structures of the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**. 2nd edition. In association with Bridges of Culture/Gesharim

248. "Afghanistan and Pakistan: current situation and perspectives of development" (collection of essays)

2013

249. "Tribes, clans and families in Qatar" by **A.Aganin**

250. "Russia – Turkey: current situation and a possible scenario of development of economic relations development " by **E.Kasaev**

251. "Problem of Western Sahara: myth and reality" by **N.Podgornova**

252. "From inter-block confrontation towards formation of "the party of power". Tendencies in the Israeli political and social life in the light of results of elections to the Knesset of the 19th convocation and creation of the country's new" by **Alek D. Epstein**

253. "The Contemporary Middle East" № 47 (collection of essays)

254. "Saudi Arabia: political processes in the 1990-2000" by **G.Kosach**

255. "Tribes and clans in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **A.Aganin**

256. "Perspectives of the Iranian nuclear program under the President Hassan Rouhani" by **V.Evseev**

2014

257. " «The Arab spring» in the Maghreb countries" by **N.Podgornova**

258. "Kuwait in the 2000th: home political process and foreign policy" by **E.Melkumian**

259. "Mauritania between the last and the future" by **N.Podgornova**

260. "Egypt: 90 years of constitutional transformations (1923–2013)" by **M.Sapronova**

261. "The Somalian tribes. Reference book" by **S.Aleinikov**

262. "Turkish diaspora in Germany: between Ankara and Berlin" by **E.Chulkovskaya**

263. "Political structures and electoral process in Israel in the beginning of XXI century" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

264. "Closest allies? The real history of American-Israeli relationship"
T. 1-2 by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of
Culture/Gesharim
265. "The Contemporary Middle East" № 48 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences
266. "From antiterrorist operation towards the war: Israel and Islamist
armed resistance in summer of 2014" by **Alek D. Epstein**
267. "On oil and gas production in Iraq" by **R.Subkhankulova**
268. "«The Third Israel»: Russian-speaking community and political
process in the Jewish state in the beginning of XXI century" by
Vladimir (Ze'ev) Khanin
269. "«Al-Qaeda in the space of Islamic Maghreb» and others in North
Africa (Chronicle of events)" by **V.Kudelev**

2015

270. "Problem of Western Sahara and in Algerian policy" by
N.Podgornova
271. "Thoughts about struggle with terrorism" by **Ju.Scheglov**
272. "Iran and non-Muslim countries of South Caucasus (Armenia and
Georgia)" by **V.Mesamed**
273. "Policy of France in the countries of the South-West Africa" by
N.Podgornova
274. "Electoral process after the «Arab Spring»" by **M.Sapronova**
275. "The formation of National innovation system of Israel
(1985–2012)" by **N.Zhadovec**
276. "The role of the Islamic factor in the socio-political development
of Arab countries and its evolution in terms of the Syrian uprising.
(90th XX – beginning of XXI)" by **V.Akhmedov**
277. "The Contemporary Middle East" № 49 (collection of essays).
In association with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy
of Sciences

278. "Investment climate in the Arab countries in the end of XX – XXI centuries" by **E.Uspenskiy**

279. "The contemporary Somali" by **S.Aleinikov**

2016

280. "Russian-Saudi relations: a political aspect (1990-2015)" by **G.Kosach**

281. "The Arab Maghreb in a search for optimal way of development" by **N.Podgornova**

282. "The arab population of Israel and Palestinian territories. Origin clan and confessional structure" by **M.Chernin**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

283. "Horizon and mirages of the Palestinian statehood" by **Alek D. Epstein**. In association with Bridges of Culture/Gesharim

284. "Thoughts about the Islamic State" by **Ju.Scheglov**

285. "Problem of Israeli political system reform in the light of prerequisite and results of election campaign to the XX Knesset" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**

286. "The Contemporary Middle East" № 50 (collection of essays)

287. "The states of Israel and the Baltic states between past and future" by **E.Yakimova**

288. "Phenomenon of Belarus-Iran relationship" by **V.Mesamed**

2017

289. "China – Pakistan: cooperation military-technical and economic fields in the beginning of the XXI century" by **M.Kazanin**

290. "Political process in Lebanon in the turn of the XXI century" by **A.Kuznetsov**

291. "Tribes, clans and families in Kuwait" by **A.Aganin**

292. "Iraqi oil policy in the 2003–2016" by **A.Manafova**

293. "Experience of the Arabian Peninsula States in tackling migration problems" by **S.Balmasov**

294. "The Arab Spring" in Yemani way" by **P.Rjabov**
295. "Conflict in Syria: assessments of Chinese experts" by **M.Kazanin**
296. "The Contemporary Middle East" № 51 (collection of essays)
297. "The Arab Spring: a Moroccan phenomenon" by **V.Kudelev**

2018

298. "The military power of the Republic of Turkey" (volume 1, 2) by **T.Ganiev and S.Zadonskiy**
299. "Thoughts on the Syrian conflict" by **Ju.Scheglovin**
300. "The state of Israel and the European republics of the former Soviet Union: the slipping partnership" by **E.Yakimova**
301. "Israel on the verge and in the year of it's 70th anniversary: current aspects of foreign and domestic policy" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**
302. "The Contemporary Middle East" № 52 (collection of essays)
303. "Tribes of the Syrian desert and the Euphrates valley" by **A.Aganin**
304. "Revolution of freedom and dignity in Tunisia: Great hope" by **A.Kashina**

2019 r.

305. "From Vladimir Jabotinsky to Benjamin Netanyahu: national liberal movement in Israel – past and present" (volume 1, 2) by **Alek D. Epstein**
306. "The modern Somalia" by **S.Aleinikov**
307. "Islam: the XXI century" by **A.Malashenko**
308. "The military power of the Islamic Republic of Iran: military policy and armed forces of the country" (volume 1, 2) by **T.Ganiev, S.Zadonskiy, V.Karjakin**
309. "Kurdish question in the political conflict in Syria" by **O.Mazur**

Internet: www.iimes.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЫПУСК ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ

Подписано в печать 10.09.2021 г.
Формат 60х90/16. Печать офсетная
Бумага офсетная №1 Объем 20,25 уч. изд. л.
Тираж 200 экз. Тип. Зак. № 6331

Типография «Вишневый пирог»
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., 12